

Новосибирское региональное
Пушкинское общество

Пушкинский альманах
выпуск 16-17

Новосибирск
Издательский дом «Манускрипт»
2014

ББК 94.3

П-914 **Пушкинский альманах. Выпуск 16-17** /Под общей редакцией В.Е. Крыжановского. – Новосибирское региональное Пушкинское общество. – Новосибирск: Издательский дом «Манускрипт», 2014. – 278 стр.

ISBN

16-й выпуск «Пушкинского альманаха» посвящен 215-летию со дня рождения А.С. Пушкина, 200-летию со дня рождению М.Ю. Лермонтова, 700-летию со дня рождения Преподобного Сергия Радонежского и 100-летию со дня рождения новосибирского поэта П.Ф. Морякова.

© Составление: правление
Пушкинского общества, 2014
© Издательство «Манускрипт», 2014

К 215-летию со дня рождения

А.С. Пушкина

Пушкин и мы

И пусть этот разговор идет, так сказать, в присутствии Пушкина, которого мы считаем не святыней, отдаленной от нас своим величием, но живым и единственным участником в решении нынешних дел.

А. Твардовский

Александр Пушкин

Странник

I

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? Что станется со мной?»

II

И так я сетуя в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты жена! –
Сказал я, – ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!»

III

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроенным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Всё плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны, и кому суровый нужен врач.

IV

Пошел я вновь бродить – уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег,
Духовный труженик – влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор – и вопросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный –
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит.»

— «Коль жребий твой таков, —
Он возразил, — и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежиши отселе?»
И я: «Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь?» —
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.
«Иди ж, — он продолжал, — держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» — И я бежать пустился в тот же миг.

V

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

1835

Клавдия Вихтева

«Я в гости к Пушкину спешу...»

Вымощенная фигурной плиткой площадка, фонари в стиле 19 века, свежевысаженные пушистые ели – так облагородилась территория библиотеки им. А.С.Пушкина по улице

Широкая, 15, в связи с установкой бюста великому русскому поэту. Праздничная церемония открытия состоялась 19 октября в 11-00, и хоть осень всплакнула мелким дождём, ничто не смогло омрачить празднику собравшимся жителям ближайших микрорайонов, учащимся, ветеранам, общественности, Администрации города и Ленинского района.

Под звуки фанфар и исполнение полонеза

танцевальным коллективом «Отражение» началась официальная церемония праздника: выступали представители Администрации города, Ленинского района и общественных организаций, читали стихи А.С.Пушкина учащиеся гимназии

№ 17. А живые бронзовые статуи, высокие канделябры со свечами внесли свою лепту в праздничный антураж эпохи 19 века.

Церемония завершилась возложением живых цветов и красивым фейерверком.

Продолжение праздника проходило в библиотечной гостиной «Под сенью дружных муз», где сотрудниками библиотеки была подготовлена интересная музыкально-литературная композиция «Я в гости к Пушкину спешу». В программе прозвучали стихи замечательного поэта, романсы пушкинской эпохи в исполнении студентов и преподавателей Новосибирского областного колледжа культуры и искусств. Артисты коллектива «Отражение» в бальном костюмах 19 века танцевали вальс, польку, мазурку.

Все выступления сопровождались бурными аплодисментами восторженных зрителей. Изюминкой мероприятия стали выступления африканского посла мира из Камеруна, студента Новосибирской архитектурной Академии Коллинза Камдема, который после приветственной речи на английском языке прочитал стихи Пушкина на родном языке поэта. Приветствовали и самого Александра Сергеевича Пушкина, в роли которого выступил студент театрального института. Заключительные слова: «Здравствуй, Пушкин»- прозвучали в конце представления в один голос всеми участниками торжества.

Все желающие имели возможность прочесть стихи великого поэта.

Праздник прошёл с большим успехом и закончился дружеским чаепитием!

Пушкин прописался в Колывани

Сегодня, 7 октября, на избирательном округе №9 в рабочее поселке Колывань по инициативе депутата Законодательного собрания Александра Шпикельмана открыт бюст Александра Пушкина.

Местом для бюста великого русского поэта колыванцы выбрали площадку рядом с районной библиотекой, по-

дукрашенной рубиновыми кистями рябиной. Как сказал на церемонии открытия глава администрации Колыванского района Виктор Аверин, «чтобы, уже поднимаясь по ступеням библиотеки, читатели сразу могли окунуться в ауру великой русской культуры».

Инициатива установить в рабочем поселке бюст Александра Пушкина принадлежит депутату Законодательного собрания Новосибирской области Александру Шпикельману. Реализовать идею удалось благодаря проекту «Аллея Российской Славы», создатель, организатор и спонсор которого Михаил Сердюков из города Кропоткин Краснодарского края решил

сделать узнаваемыми для нынешних россиян лица великих граждан России. Скульпторами Москвы, Краснодара, Росто-

ва были изготовлены бюсты знаменитых деятелей истории и культуры. Установленный в Колывани бюст Александра Пушкина – копия известной скульптуры Александра Аполлонова. «Я очень рад, что Колывань приняла Пушкина. Мы должны помнить поэта, прославившего наше Отечество, давшего россиянам новую словесность, – убежден Александр Шпикельман. – Замечательно, что бюст Пушкина первым появился именно здесь, ведь наша Колыванская история в три раза длинней, чем история Новосибирска. Еще два бюста Александра Пушкина будут установлены в районных центрах: Мошково и Болотном К сожалению, до сел мы не дошли. Но придет время, и в сельских школах будут памятники нашей истории».

Даниил Гранин

Завещание Пушкина*

Человек обыкновенный, совершая поступки пророческие, не верит себе. И мы не верим ему. Путем всяких логических манипуляций Провидение сводим к случайности, объясняем всё совпадением, пока всё не становится на свои места.

С гениями это не получается, у них есть действия, которые остаются загадочными. Объяснить эти действия невозможно. Никакая логика не помогает. Сколько бы ни делить их на вероятность, остаток велик. Остается всегда ощущение чуда. За несколько месяцев до своей гибели Пушкин пишет два стихотворения, оба как бы итоговых: «Из Пиндемонти» и «Памятник». Оба окончательно формулируют, завершают прожитое. Что заставило его, что толкнуло его подвести черту, почему в расцвете физических и духовных сил надо было вернуться к этой старинной форме завещания поэта? Откуда возникла вдруг потребность взглянуть на себя после смерти, издалека – ведь «Памятник» – это как бы спустя сто лет, а, может, и целых полтора века, или того более, – из космического будущего:

Доколь в подлунном мире

Жив будет хоть один птиц.

Почему вдруг понадобилось переосмыливать державинский «Памятник»? Предоощущение конца? Вещие сны? Мы

* Пушкин в XXI веке: Сб. в честь В.С. Непомнящего//РАН; ИМЛИ им. А.М. Горького; Пушкин. комиссия. – М.: Русский міръ, 2006. – С. 431–438.

никогда не узнаем подлинных причин. Да и знал ли их сам Пушкин?

Пришёл час, и что-то продиктовало ему эти строки. Он записал их почти набело. Так было и со стихом «Из Пинденмонти», такое же удивительное, высеченное в камне каждое слово о том, как следовало бы жить поэту. Тоже завещание. Как он, Пушкин, мечтал жить. Пытаться согласовать эти два стихотворения – занятие пустое. Это та противоречивость, которая поддерживает жизнь. Как вдох и выдох. Вот как мне хотелось прожить, а вот как я жил. Что должен был делать – что делал.

У каждого истинного художника есть вещи, надиктованные свыше. Это не просто вдохновение, это то, в чём является миру пророчество, предсказание, в котором есть, кроме нашего времени, то, о чём мы не знаем. Но я не собираюсь заниматься разбором «Памятника», это делали, и прекрасно, такие специалисты, как М. Алексеев, В. Непомнящий и другие. Мне хочется сказать лишь о том, что значило для литературы, для читателя это произведение, известное всем с детства, которое мы знаем наизусть, знаем, как, может, никакое другое пушкинское стихотворение. Это не случайность. Великое притягивает к себе неосознанно. Пусть «Памятник» не вершина, но он магнитный полюс творчества Пушкина. В нём нравственный итог стал нравственной заповедью для понимания нашей жизни и творчества. Он прошёл через всю историю русской литературы напоминанием, призывом и заветом.

Пушкин формулирует три заслуги своей поэзии: «Чувства добрые я лирой пробуждал» – раз, «восславил свободу» – два, «милость к падшим призывал» – три.

Есть ли большая разница между «чувствами добрые...» и «милостью к падшим?». На первый взгляд, понятия почти

схожие, близко стоящие. Но, думается, «чувства добрые» обнимают всё восприятие мира. Это любовь, это полюбление жизни, как определял Лев Толстой свою задачу художника – способствовать полюблению жизни, это удивление перед красотой жизни:

*Дивясь божественным
природы красотам,
И пред созданьями
искусств и вдохновенья
Трепеща радостно
в восторгах умиленья...*

Радость деревенской жизни, Гимн дружбе, разуму, солнцу, восхищение верностью – спектр добрых чувств пушкинской поэзии огромен. На первое место во всей своей поэзии для своего поэтического труда Пушкин ставит добро, доброту, чувства добрые.

Всё чаще я слышу этот конечный, всё завершающий вывод: он был добрый человек. Это произносится или не произносится, но тоже звучит, перечеркивая многое в нашей суетной жизни. Добрый человек – вот что оказывается важнее славы, карьеры и некоторых других мер успеха. Это выносится впереди алых подушечек с орденами и медалями, это оказывается порою важнее таланта, списка трудов, количества ступеней, пройденных по должностной лестнице... Сколько человек сделал добра, доброта его нрава, его жизни – перед раскрытой могилой остаётся прежде всего это, как наивысшая ценность. Прощаясь, мы ищем добро, и тут нет ни малых людей, ни больших, ни великих, ни заурядных.

На фронте, прощаясь, мы говорили: «Он был храбрым солдатом», – но выше был тот, кто удостаивался: «он был хорошим товарищем, настоящим товарищем».

Сегодня не случайно на первое место выдвигается человечность, доброта. Это совпало с пушкинским, там она тоже на первом месте. Но, может быть, это не только совпадение, может быть, мы приходим к Пушкину.

Пушкинский призыв к доброте слышался всё лучше за последнее десятилетие. Воспринимался не моральной прописью, а тоской по доброте, по человеческим отношениям. В поэзии Пушкина лира, пробуждающая доброту, служила камертоном, по которому можно было определять строй чувств, их знак. У Пушкина никогда нельзя спутать зло и добро. Это не случайно, гений Пушкина отличается от прочих русских гениев счастливой цельностью натуры. Он воплощает душевное здоровье человека без комплексов. Как ни была трагична его жизнь, как бы ни были велики терзания его совести и чести, в нём нет раздвоенности, нет разлада слова и дела, ума и сердца, всего того, что будет мучить русскую литературу позже.

Чувство доброе, убеждён он, есть в каждом человеке. Он утверждает альтруизм. Доброта врождённа, дана человеку генетически. Доброту не столько следует проповедовать, воспитывать, её достаточно пробудить. Точность этого глагола можно считать откровением. Но кажется здесь нечто большее. Здесь, может быть, заключён принципиально иной подход к роли искусства. Чтобы пробудить – достаточно коснуться, не надо кричать, можно шепнуть, шепнуть только имя или что-то из детства:

*...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провёл...
А можно вроде из другой жизни:
Цветок засохший, безуханный.
Забытый в книге вижу я...*

Он не требует, не убеждает, не обличает, он прежде всего поэт. У него не указка в руках, не мел с грифельной доской, не учебник – у него лира, ею он пробуждает, и тут он бесконечно богат и изобретателен, чтобы заставить отзоваться человеческие сердца.

«Восславил я свободу» – в жестокий век не убоялся он славить её. До конца своих дней причислял себя другом тех, кто вышел на Сенатскую площадь. И то, что судьба с 14 декабря отделила его от них, всегда неотступно жгло его сердце. Если и был у Пушкина какой-либо комплекс, то это комплекс вины перед декабристами. Мысль о них не давала ему покоя. Стихи его полны прямых и косвенных воспоминаний. В них откликается эхо его внутреннего голоса. Часто возвращается он в отрывках, в набросках на «печальный» остров, на остров Голодай, где втайне были похоронены пять повешенных. Он рисует эту виселицу. Вернувшись в Петербург, он первым делом отправляется с Вяземским на Кронверк, где они отпиливают от остатков помостов 5 обрезков, пять малых плах, пять заноз, которых никогда не вынуть, они так и будут нарывать.

В чём его вина? Этого понять нельзя, не перечувствовав нечто подобное. Подобное досталось нашему поколению. Тем, кто вернулся с фронта, – перед теми, кто остался под фанерными пирамидами, под наспех отесанными столбиками.

Так болело сердце и у тех, кто вернулся на своих двоих, со своими руками, – перед теми безногими, безрукими, ослепшими, обгорелыми в танках, они долго ещё доживали в инвалидных домах, где-нибудь на Валааме.

Есть третье назначение поэта – милость к падшим призывать. Оно было для меня самым сложным. Казалось бы, чего яснее. Но это часто бывает у Пушкина. Ясно, а вот чувствуется, что не всё ясно. Ясно милосердие. К тем же

декабристам. У Державина поэт должен истину царям с улыбкой говорить. Пушкин заменил – милость к падшим призывать. Державин всерьёз пробовал быть советчиком у Екатерины, по праву первого поэта страны направлять просвещённую царицу. Простодушие гения. Цари никогда не нуждались в наставлениях поэта. Поэты предназначены лишь для украшения царствия, не более. Пушкин призывал к милосердию, тут ему было не до намеков и ассоциаций, тут от поэта требуется прямой призыв: Милосердия, Государь, милосердия! Милосердия от власть имущих, милосердия не только к бунтовщикам и мятежникам. Милосердия вообще к побеждённым. Так поступал Пётр I с пленными шведами, усадив за свой стол пленных генералов, отдавая должное их храбрости. Это был пример не ненависти, не унижения, а высшей формы воинского милосердия. Неслучайно Пушкин открывает первый номер «Современника» программным стихотворением «Пир Петра Первого» – об этом самом.

Милость к падшим прозвучала у Пушкина как завет, который восприняла русская литература. Призыв к милосердию обращен был ко всем, и это оказалось куда важнее холодной истины, до которой царям нет дела, ибо что есть истина, тем более в ловких руках царедворцев.

Милосердие – это то, чего можно практически добиться, – спасти человека, поддержать. Это конкретность нравственности, деятельность тех добрых чувств, которые пробудились.

Пушкинисты считают, что Пушкин имел в виду декабристов, но милость к падшим стала восприниматься как общий призыв, как долг всех русских писателей. По тому, как литература выполняла этот пушкинский завет, можно было судить о нравственном уровне искусства. А русская литература выполняла этот завет, она развивала идею милосердия от Гоголя

и Тургенева, Некрасова и Достоевского, Толстого и Чехова, от всех больших и малых литераторов, которые старались поднять достоинство маленького человека, вызвать сочувствие к забитому чиновнику четырнадцатого класса, станционному смотрителю, увидеть в нём человека благородных страстей. Любовь и сострадание были щедро отданы униженным и оскорбленным, убогим и сирым, отверженным. Тема эта в русской литературе определила многое – её нравственную высоту, авторитет и народную признательность к званию русского писателя.

Перед лицом Пушкина следует признать, что священная эта традиция в советской литературе многие годы была ослаблена, если не прервана. Мы воспевали героику, подвиги, людей, одолевающих трудности, бесстрашных, всё сокрушающих борцов. Но где были произведения о людях, не могущих одолеть несправедливости и тяготы жизни, о тех, кто упал духом и отчаялся... А сколько их было кругом нас – и литература не протянула им руку, она отделялась лишь тем, что клеймила и осуждала, и отчуждала падших. Идея о том, что несчастья и страдания неприличны, не свойственны нашему человеку, стала столь сильной, что даже блокадную эпопею Ленинграда пытались изображать лишь как цепь подвигов и героических деяний. Нельзя было, запрещалось рассказывать о Ленинграде как о городе наших страданий, неслыханных мук, которые принесла с собой война.

Слишком просто было бы возлагать всю вину на нашу и без того перетерпевшую литературу, но не сказать об этом тоже нельзя. Нельзя смывать сих строк печальных. Нельзя забыть о том, что со времен «Тихого Дона» – этого великого, волнующего призыва милости к падшим – голос милосердия звучал всё реже. В нашей послевоенной литературе нельзя найти строк сочувствия к народам, которых выселяли с родных

мест, – чеченам, калмыкам, крымским татарам, к миллионам, которые брезвально перетерпели за фашистскую оккупацию, да ещё миллионам, которые перетерпели за плен, ко всем честным людям, страдавшим за свои убеждения. Литература лишена была права даже на сострадание. Можно, конечно, прикрыться щитом истории, можно считать, что раз нельзя было, то и не писали, но сегодня вдруг оказалось, что и в столах не было ничего, что нечего предъявить в своё оправдание. Пример Булгакова, Ахматовой, Платонова – двух-трёх писателей лишь показывает, что можно было не убояться. Что милость к падшим требует пушкинского мужества и веры. Когда мотив этот стал возвращаться в литературу последних лет, как услышан он был всеми! Вспомните «Сашку» Вячеслава Кондратьева, вспомните стихи Вознесенского, Евтушенко, Окуджавы, «Знак беды» Быкова, а ныне и у других стала подниматься эта долгожданная тема, которая так нужна для очеловечения нашего бытия. К ней надо призывать и призывать, чтобы растревожить совесть, чтобы лечить глухоту души, чтобы человек перестал пожирать отпущенную ему жизнь, ничего не отдавая взамен и ничем не жертвуя.

Пушкин – точка схождения любви самых разных поэтов и писателей, а можно сказать – точка пересечения. И до Пушкина, и после всё влечения расходятся. Одни к Лермонтову, другие к Фету, третьи к Некрасову. На Пушкине же сошлась вся русская литература, вся русская культура. Не могу до конца понять, почему именно творчество Пушкина вызывало и вызывает такой исследовательский азарт. Может быть, всё же потому что Пушкин – это постоянно действующая тайна, она то даётся в руки, то ускользает. А может, потому что он не перестаёт быть очень современным.

Каждый народ фокусирует свои чувства на одном избранном им гении. У англичан это Шекспир, у немцев это Гёте,

у итальянцев Данте, у испанцев Сервантес. Как происходит такой выбор, трудно сказать. Почему среди прочих звёзд русской словесности был избран Пушкин? И бессменно остаётся средоточием народной любви, всё растущей. Любовь эта не подвержена моде, Пушкин соединил западников и почвенников, горожан и деревенщиков. Это большое счастье для нашего народа, что появился Пушкин. Он украсил жизнь многих поколений, придал ей духовность, совестливость и, наконец, наградил красотой и наслаждением. Он скрепил цельность национального самосознания.

При этом Пушкин писал об испанцах, итальянцах, австрийцах, его герои – поляки, литовцы, цыгане, разноязычный яркий мир страдает и любит в его произведениях, где способность постигать и принимать другие народы не знает равных. Это, может, единственное явление в мировой литературе. Жаль, конечно, что поэзия Пушкина так трудно осваивается языками мира. Жаль, что поэзия его не перешла ещё в культуру других народов так, как это произошло с Достоевским, Толстым, Чеховым, Сервантесом, Бернсон. Рано или поздно это произойдёт. Без Пушкина мировая культура не полна. И по мере того, как это будет свершаться, народам явится не только русская душа Достоевского и Чехова, но и удивительная цельность души, человеческая гармония.

Духовность читающего человека начинается в школе с Пушкина и кончается тоже Пушкиным, ибо приходит пора, когда из всех друзей он оказывается самым верным, самым нужным, хлебом насыщенным, который никогда не приедается.

Владимир Ястrebов

А.С. Пушкин и его издатели

Эту тему логично начать с первоисточника – стихотворения А.С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом». Впервые «Разговор...» был опубликован в первом издании первой главы «Евгения Онегина».

В этом лирическом диалоге Пушкин как будто хочет подвести итоги своему поэтическому и жизненному опыту. В «Разговоре...» две основные темы: первая – вопрос о материальной зависимости поэта; вторая – вопрос, для кого собственно слагает свои песни поэт, кто его читатель. Пушкин здесь затрагивает и проблему профессионализма поэта. По его мнению, быть поэтом – тяжкий труд, требующий много сил, а главное – вдохновения. Ответ на первый вопрос дается устами книгопродавца совершенно точно и трезво:

*Наш век – торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет...*

Книгопродавец, принимая во внимание глубокую веру поэта в независимость его творчества, находит убедительный довод в пользу компромисса с действительностью:

*Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать...*

В конце стихотворения Пушкин устами книгопродавца называет важнейшую функцию поэзии:

*...И признаюсь – от вашей лиры
Предвижу много я добра.*

Кто же были они – книгопродавцы, издатели произведений Пушкина?

Свой гениальный роман в стихах «Евгений Онегин» Пушкин посвятил П.А. Плетневу. Именно он, начиная с 1826 г., издал почти все сочинения Пушкина.

*Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя...*

...

Поэзии живой и ясной...

...

Высоких дум и простоты...

Эти строки посвящения «Евгения Онегина» обращены к одному из самых близких друзей Пушкина – Петру Александровичу Плетневу, чья безраздельная преданность поэту оставалась постоянной и неизменной на протяжении всей его жизни. П.А. Плетнев был не только другом и литературным единомышленником поэта, не только горячим его приверженцем, почитателем и критиком, – он был и издателем многих его произведений, в том числе «Евгения Онегина» (кроме II главы), находящимся в курсе всех почти творческих его замыслов и устремлений. Еще из Михайловского Пушкин писал, ласково обращаясь к двум дорогим ему людям: «Брат Лёв и брат Плетнев!» В числе 29 сохранившихся писем поэта к Плетневу есть несколько, в которых обнаруживается не только полное доверие во всех деловых, издательских вопросах, не только благодарность за поистине самоотверженное

служение Плетнева Пушкину, но и такая теплота чувств, которая сразу показывает, чем был для Пушкина Плетнев.

П.А. Плетнев – (10 августа 1792 г. – 29 декабря 1865 г.) – поэт, критик, педагог, профессор русской словесности Петербургского университета (с 1832 г.), ректор (1840–1861 гг.), ординарный академик (с 1841 г.). Особенность его – он не принадлежал к дворянскому сословию. Отец его был бедным священником в Бежицком уезде Тверской губернии. Плетнев окончил духовную семинарию в Твери и в 1811 г. прибыл в Петербург, где ему удалось поступить в Педагогический институт. Характер Плетнева был мягкий, отзывчивый до сентиментальности. Пушкин как-то назвал его «человеком благоволения».

Знакомство Пушкина с Плетневым, по-видимому, состоялось в конце 1816 г. в доме родителей поэта. Они встречались на «субботах» у В.А. Жуковского до высылки Пушкина из Петербурга. Заочное сближение между ними (через Л.С. Пушкина, А.А. Дельвига) происходит в бытность Пушкина в Михайловском (1824–1826 гг.), когда Плетнев берет на себя хлопоты по изданию сочинений Пушкина. При его участии были изданы первая глава «Евгения Онегина» (1825 г.) и «Стихотворения Александра Пушкина» (1826 г.). По возвращении Пушкина из ссылки в Петербург (май 1827 г.) начинается его постоянное общение с Плетневым, который становится его ближайшим другом и помощником в издательских и литературных делах.

Почти все книги Пушкина, начиная с 1826 г., издавал Плетнев (отдельные главы «Евгения Онегина», кроме второй, 1827 г., 1832 г.; «Граф Нулин», 1827 г.; «Полтава», 1829 г.; две первые части «Стихотворений Александра Пушкина», 1824 г.; «Борис Годунов», 1831 г.; «Повести Белкина», 1831 г.; третья часть «Стихотворений Александра Пушкина»,

1832 г.). Своему издателю и другу Пушкин посвятил IV и V главы «Онегина» (1827 г.) и перенес это посвящение в полный текст романа (1837 г.). «Я был для него всем, – писал Плетнев в 1838 г., – и родственником, и другом, и издателем и кассиром». С Плетневым связаны произведения Пушкина: «Ты издал дядю моего» (1834 г.), «Ты мне советуешь, Плетнев, любезный» (1835 г.) и стихотворные отрывки. Плетневу принадлежат отдельные характеристики Пушкина, в которых он высоко оценил его как поэта и человека. Пушкин был знаком также с женой Плетнева – Степанидой Александровной, урожденной Раевской (1795–1839 гг.) и дочерью Ольгой (1830–1851 гг.), впоследствии по мужу Лакиер. Десять лет (1839–1849 гг.) он прожил одиноко, а затем женился во второй раз на А.В. Щетининой. Дочь его умерла в возрасте 21 года, едва успев выйти замуж.

Письма Пушкина к Плетневу не просто письма к близкому человеку, другу, понимающему все с полуслова. Это вместе с тем и письма, так сказать, к коллеге – поэту, издателю, критику, мнение которого ставят весьма высоко и советы которого ценят; они наполнены деловыми поручениями, критическими замечаниями о появляющихся в печати сочинениях, порою – творческими сомнениями, часто новыми замыслами, размышлениями о самом сокровенном для них обоих – о поэтическом творчестве.

И все это всегда с уважением самым глубоким, с доверительностью интимною и «профессиональною» вместе. «Думаю написать предисловие, – пишет Пушкин в письме к Плетневу в мае 1830 г. – Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Александру Пушкину, являясь перед Россией с «Борисом Годуновым», заговорить о Фаддее Булгарине? Кажется, неприлично! Как ты думаешь? Реши».

«Жду Годунова с поправками... – отвечает ему Плетнев. – ...Важность предисловия должна гармонировать с самою трагедиею, что можно сделать только ясным и верным взглядом на истинную поэзию драмы вообще...»

В январе 1826 г. Из Михайловского Пушкин писал Плетневу, что все перестали ему писать «Верно, вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен – но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучает». Не всякому стал бы писать ссылочный Пушкин о своей «короткой связи» с осужденными декабристами. Почти вся переписка поэта с Плетневым преисполнена теплым участием и трогательными заботами друг о друге.

Плетнев был человеком не слишком-то светским. Не стал остроумием в светских гостиных и не всюду бывал, где бывал часто Пушкин. Однако, в «душевной», по выражению Льва Толстого, жизни поэта место Плетнева не занимал никто. И не случайно поэтому в рабочей пушкинской тетради, среди черновых строк «Воспоминания» («Когда для смертного умолкнет шумный день...») и окончания, посвященного Анне Олениной стихотворения «Ты и вы» (май 1828 г.) рядом с профилем Адама Мицкевича мы находим прекрасный портрет Плетнева. Не случайно также и столь тесное соседство этих двух портретов – Мицкевича и Плетнева.

Портрет Плетнева тщательно проработан, моделирован на уровне почти что профессиональном. Чрезвычайно искусно воспроизведен взгляд. Именно глаза – глубоко посаженные, небольшие, необыкновенно живые и доброжелательные – раскрывают нам «тайну» рисунка.

Переписка Пушкина с Плетневым началась с размолвки. Плетнев написал в 1821 г. элегию «Батюшков из Рима», которую кто-то приписал самому Батюшкову (в то время уже больному). Пушкин отозвался об этой элегии в письме ко

Льву, добавив несколько нелестных слов о поэтическом слоге Плетнева, «бледном как мертвлец». Реакция Плетнева отражена в длинном стихотворении. В нем слышится обида, а не высокое уважение и любовь к поэтическому дару Пушкина. Дальнейшие отношения Пушкина с Плетневым отмечены огромной посреднической издательской работой, которую проделал Плетнев в Петербурге, чтобы хоть на относительно выгодных для Пушкина условиях выпустить в свет то, что поэт создавал на Юге, в Михайловском, в Москве, в Болдине. Плетнев выпустил в свет более 20 книг Пушкина. Пушкин имел все основания сказать, что независимостью своей (т.е. литературными заработками) он обязан богу и Плетневу. Разумеется заслуга последнего несравненно больше. Причем все это делалось совершенно бескорыстно. Плетнев не получал ни копейки и трудился исключительно ради дружбы с Пушкиным. Однако Плетнев трудился и во имя величия русской литературы, понимая, с каким неповторимым явлением имеет дело. В 1825 г. он с восторгом писал в одной из своих критических работ о Пушкине, что он обогатил новейшую словесность тремя поэмами: «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан».

Трудно более точно определить свойства личности Плетнева – его «души прекрасной, святой исполненной мечты», чем сделал Пушкин в «Онегине». Пушкин посвятил Плетневу весь роман. Ибо не для забав «гордого света» было создано сокровенное творение его души, а для благожелательного «вниманья дружбы». Переписка с опальным Пушкиным и постоянные хлопоты по его издательским делам навлекли на непричастного к политической борьбе Плетнева серьезные подозрения начальства. Было специально заведено дело «О связи учителя Плетнева с литератором Пушкиным». После смерти Дельвига, т.е. в 1821 г. Пушкин и Плетнев сблизились

еще ближе. Они собрали и выпустили последний альманах «Северные цветы» в пользу семьи покойного друга. Пушкин и Плетнев дружили семьями. Существует мемуарная запись о том, как Пушкин пришел в университет на лекцию Плетнева (конец 1836–начало 1837 гг.).

Плетнев создал своего рода литературный салон. 27 января 1837 г. была среда. Плетнев заехал к Пушкину, чтобы увезти его к себе на очередное литературное собрание. Он подошел к дому как раз в тот момент, когда раненого Пушкина выносили из кареты. Плетнев был свидетелем последних дней жизни поэта. Он возражал тем биографам Пушкина, которые считали, что поэт умер, совершив до конца свой путь и создав все, что мог создать. Плетнев сказал: «Труд, за которым его застала смерть, был выше всего, что мы от него получили. Он готовил нам историю Петра Великого...» В 1837 г. Плетнев выпустил четыре книжки «Современника», готовившегося еще с участием Пушкина.

Весьма интересны письма Пушкина Плетневу в период Болдинской осени: он поверяет Плетневу то, что не поверял тогда никому – свою тоску, неуверенность в будущем, невеселые мысли перед свадьбой.

Плетнев выполнял титанический труд. В 1856 г. впервые отправился на лечение за границу – побывал во Франции и Англии. В 1836 г. уехал снова в Париж, где и умер. Похоронен в Александро-Невской лавре.

Среди первых издателей произведений А.С.Пушкина – *Август Иванович Семен* (настоящее имя Огюст Рене-Семен). Годы жизни его – 1788–1862 гг. Он издал в 1827 г. поэму «Братья разбойники». Поэма написана в 1821–1822 гг. Типография А.Семена была одной из лучших в Москве в первой половине XIX в. А. Семен был в Москве фигурой известной, особенно среди литераторов и ученых. Типография, которую

он в 1820 г. взял в аренду у Медико-хирургической академии, была им прекрасно оборудована. По чистоте печати, богатству и красоте шрифтов и содержательности виньеток, она пре-восходила Университетскую и частную типографию Семена Селивановского. Здесь вышли несколько прижизненных изданий Пушкина. Вся романтическая поэма «Братья разбойники» до нас не дошла. В одном из писем Пушкин писал: «Разбойников я сжег – и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского...»

В 1827 г. в Москве Пушкин решил напечатать отдельной брошюрой отрывок из поэмы под названием «Братья-разбойники» (для заработка).

Возникли разногласия между издателем, другом поэта С.А. Соболевским, и книгопродавцем А. Ширяевым в определении цены и гонорара.

Чтобы сбить цену, издатель почти одновременно с первым изданием выпустил второе (22 апреля 1827 г.). Поэт, в свою очередь, не желая ссориться с книгопродавцем, согласился на предложенную Ширяевым явно завышенную цену в 42 копейки. Из-за этого первое издание раскупалось медленно. Напечатанный тираж второго издания нашли в кладовых одного из имений в Подмосковье. Они попали к букинистам.

У А. Семена изданы также «Бахчисарайский фонтан» (1824 г.), II глава «Евгения Онегина» (1826 г.), «Цыганы» (1827 г.). Виньетка к книге (опрокинутая чаша, змея, кинжал) вызвали переполох в III отделении. Возникло подозрение в неблагонамеренности виньетки, в ее «политическом содержании». Бенкендорф поручил жандармскому генералу Волкову произвести секретное дознание: не Пушкин ли доставил виньетку в типографию, не он ли сам нарисовал ее? Генерал допросил издателя. Тот объяснил, что виньетка в числе других была куплена за границей, что отиск ее можно встретить в альбоме, преподнесенном царю. Великолепный экземпляр

альбома доставили в III отделение, проверили, обнаружив там виньетку, успокоились.

Смирдин Александр Филиппович (1795–1857 гг.). Петербургский книгопродавец, издатель сочинений Пушкина, содеряатель книжного магазина и библиотеки для чтения. Знакомство и деловые отношения Пушкина со Смирдиным начались после возвращения поэта из ссылки в Петербург (май 1827 г.). В письме от 25 октября 1827 г. Пушкин дал согласие на издание «Бахчисарайского фонтана». В 1827–1828 гг. Смирдин выпустил вторым изданием «Бахчисарайский фонтан», «Кавказского пленника», «Руслана и Людмилу». Позднее было заключено соглашение со Смирдиным на 4 года, согласно которого уступались права на реализацию нераспроданных экземпляров всех ранее вышедших произведений поэта.

Смирдин сам издавал или приобретал тиражи «Бориса Годунова» (1831 г.), первого полного издания «Евгения Онегина» (1833), «Стихотворений» (ч. IV, 1835 г.), «Поэм и повестей» (ч. 1–2, 1835 г.). Сохранились многочисленные свидетельства современников о частом посещении Пушкиным магазина и библиотеки Смирдина, представлявших собою своеобразный литературный салон 1830-х гг. 19 февраля 1832 г. Пушкин присутствовал на обеде, устроенном Смирдиным по случаю переезда его книжного магазина с Мойки (у Синего моста) на Невский пр., ныне д. 22.

В честь Смирдина были изданы сборники «Новоселье» (1833, 1834), для которых Пушкин дал «Анджело» и «Домик в Коломне». На фронтиспise сборников Пушкин изображен в числе гостей и посетителей. В конце 1834 г. Смирдин становится издателем «Библиотеки для чтения», в которой Пушкин сотрудничал до мая 1835 г., получая от Смирдина высокий литературный гонорар; в дальнейшем становится

комиссионером «Современника». Со Смирдиным связано четверостишие Пушкина «Смирдин в беду меня поверг» (1836 г.) и эпиграмма «Коль ты к Смирдину войдешь» (1830-е годы).

Соболевский Сергей Александрович (1803–1870 гг.) – библиофил, автор эпиграмм, однокашник Л.С. Пушкина по Благородному пансиону при Главном педагогическом институте. Еще до высылки Пушкина из Петербурга (май 1820 г.) Соболевский выполнял некоторые поручения поэта.

Несколько позднее он с Л.С. Пушкиным готовил к печати «Руслана и Людмилу», а в 1825 г. был одним из посредников между Пушкиным и «Московским телеграфом» Н.А. Полевого. С возвращением Пушкина из ссылки в Москву (начало сентября 1826 г.) Соболевский становится его главным доверенным лицом; он улаживает ссору Пушкина с Ф.И. Толстым (Американцем), знакомит его с Полевым, с кругом «любомудров», А. Мицкевичем. 10 сентября 1826 г. Пушкин на его квартире читает «Бориса Годунова». Приехав из Михайловского, Пушкин поселяется в 1826 г. на квартире Соболевского. В январе-феврале 1827 г. Пушкин заказал В.А. Тропинину свой портрет для Соболевского и подарил ему на память.

При участии Соболевского была предотвращена дуэль Пушкина с В.Д. Соломирским. Соболевский ведал изданием II главы «Евгения Онегина» и «Братьев разбойников» (2-е издание). По поручению Пушкина он вел и его финансовые дела (расчеты с издателями «Московского вестника», позднее продажа «Истории Пугачевского бунта» и др.). В знак особого расположения Пушкин напечатал один экземпляр своей поэмы «Цыганы» на пергаменте и преподнес его Соболевскому (начало мая 1827).

Осенью 1828 г. Пушкин читал Соболевскому в Петербурге «Полтаву» и 7-ю главу «Онегина». С октября 1828 г. по июль 1833 г. Соболевский живет за границей. Вернувшись, он дарит Пушкину запрещенное в России издание сочинений Мицкевича. Наиболее интенсивно они общались в 1834–1835 гг. (в Петербурге). О.С. Павлищева писала в то время, что без Соболевского «Александр жить не может». Соболевский был посредником в литературных контактах Пушкина с П. Мериме. В августе 1836 г. Соболевский уехал за границу, где его и застало известие о смерти Пушкина. Соллогуб писал: «Я твердо убежден, что если бы С.А. Соболевский был тогда в Петербурге, он, по влиянию его на Пушкина, один мог бы удержать его». Соболевскому адресовано стихотворение Пушкина «У Тальяни иль Кальони» (1826 г.). Соболевский оставил разрозненные, но ценные сведения о Пушкине и его литературной деятельности. Литография, сделанная с рисунка М.П. Полторацкой, жены С.Д. Полторацкого, хорошо знакомого Пушкина и близкого друга Соболевского, хорошо передает характер Соболевского – жизнелюба, эрудита и остроискусственного экспромтингера, автора блестящих эпиграмм.

Ширяев Александр Сергеевич (ум. 1841 г.) – московский книгопродавец и издатель, комиссар Пушкина по продаже его сочинений («Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана» и др.), коммерческий советник Пушкина. Пушкин общался с Ширяевым в свои приезды в Москву. 13 января 1831 г. Пушкин писал П.А. Плетневу из Москвы: «Пришли мне, мой милый, экземпляров 20 Бориса... не то разорюсь, покупая их у Ширяева». Пушкин поручил Ширяеву доставить П.С. Санковскому «всё напечатанное» поэтом после возвращения его из Закавказья, о чем он известил Санковского в письме 3 января 1833 г.

В число лиц, которым Пушкин собирался послать первый том «Современника», он включил Ширяева.

Погодин Михаил Петрович (1800–1875 гг.) – историк, писатель, журналист, издатель «Московского вестника», профессор Московского университета, академик. Пушкин прислал Погодину пять стихотворений, которые были опубликованы в его альманахе «Урания» (1826 г.). Пушкин поощрял литературные и исторические труды Погодина.

Глазунов Илья Николаевич (1786–1849 гг.) – петербургский книгопродавец и издатель. В его лавке (в Гостином дворе) Пушкин, заходя почти каждый день, просиживал иногда по несколько часов. Глазунов – издатель «Евгения Онегина» (1837 г.), поступившего в продажу в середине января 1837 г.

Анненков Павел Васильевич (1813–1887 гг.) – русский литературный критик, мемуарист. Подготовил первое научное издание сочинений Пушкина (1855 г.). Его книга «Материалы для биографии А.С. Пушкина» была первым томом этого издания.

Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. – издатели. Под редакцией С.А. Венгерова в 1907–1915 гг. издали 6 томов Собрания сочинений Пушкина в серии «Библиотека великих писателей».

Несколько слов об этике Пушкина. «Граф Нулин» был напечатан в 1827 г., но его продажу поэт на время «законсервировал»: повесть шла еще в альманахах Дельвига «Северные цветы». Пушкин, чтобы не повредить другу, решил подождать, когда разойдется альманах. В том же альманахе 1828 г. публиковался отрывок из поэмы Е. Баратынского «Бал». Отрывок вызвал успех. Дельвиг решил издать «Бал» отдельно и не издал. 15 декабря 1828 г. «Бал» вышел в отдельной книжке с «Графом Нулиным» под общим названием «Две повести в стихах».

В заключение рассмотрим отношение самого Пушкина к книжной торговле. П.В. Анненков в «Материалах для биографии А.С. Пушкина» пишет: «Пушкин сам гордился тем, что

один из первых развел у нас книжную торговлю... Книжная торговля была важным делом для Пушкина... Кто несколько ближе мог вникнуть в характер Пушкина, того не удивит мнение, которое с особенной настойчивостью долго старался он укоренить в друзьях и знакомых, что пишет он, печатает единственно для денег. Это уверение, расточаемое упорно с какой-то претензией, уже показывает тем самым нетвердость самого основания... Он более всего опасался, в виду света, своего настоящего призыва и титула поэта».

Художественно Пушкин воплотил это противоречие в образе Чарского из «Египетских ночей». Такое значение имеют постоянные уверения Пушкина, что он пишет для себя, печатает для денег и не думает о славе или известности. Вот как он писал по этому поводу:

*На это скажут мне с улыбкою неверной:
Смотрите, вы поэт уклонный, лицемерный,
Вы нас морочите – вам слава не нужна,
Смешной и суетной Вам кажется она;
Зачем же пишете? – Я? для себя. – За что же
Печатаете вы? – Для денег. – Ах, мой боже!
Как стыдно! – Почему ж?*

В одном из писем Пушкин подчеркивал, что он «пел как булочник печет, портной шьет, К-в пишет, а лекарь морит – за деньги»... «были б деньги, а где мне их взять? Что до славы, то ею мудрено довольствоваться...» «Поэт не должен думать о своем пропитании, а должен как Кор-ч, писать с надеждою сорвать улыбку прекрасного пола...»

*Что слава? – Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!*

*Что слава? Шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищенье глупца?*

Только в последние годы своей жизни Пушкин теряет ложный стыд и предстает в свете как писатель и поэт. Так Пушкин осознал себя профессиональным литератором и сделал из этого соответствующие выводы.

**Быть может, в лете не потонет строка,
слагаемая мной**

Творец всегда изображается в творении...
Н.М. Карамзин

Этими словами А.С. Пушкина из XL строфы 2-й главы романа «Евгений Онегин» предваряю статью, содержание которой сводится к краткому сопоставлению отдельных сторон творчества великого поэта и творчества других русских поэтов и писателей.

Вписанный от начала и до окончания своего в природу, пушкинский человек неустанно соизмеряет себя с природой. Она поражает его своей вечностью и равнодушием ко всему, что происходит с нею, как и с людьми. Обращаясь к тому, как природа выглядит в поэзии Пушкина, необходимо начать с того, что она вообще входит в искусство как бы на равных правах с человеком. Пушкин и здесь занял свое совершенно особенное место среди русских поэтов.

В 1811 году В.А. Жуковский написал стихотворение «Цветок». Приведем две строфы из него:

*Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокий,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.*

.....

*Отъемлет каждый день у нас,
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.*

Конструкцию второй строчки А.С. Пушкин перенес в свое стихотворение «Цветок», написанное в 1828 году:

*Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я:
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? И сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?*

*На память нежного свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?*

Совпадение просто поразительное, но так покажется, если игнорировать пушкинский контекст.

Оба поэта, как видим, говорят о жизни и смерти. И тот, и другой знают о неумолимом и непреложном законе, согласно которому и ты сам, и люди, окружающие тебя, обречены: все умрут. Но относятся к тому, что знают, оба поэта по-разному. Для Жуковского жизнь обесценена своей недолговечностью. Она ценна (реальна) только тогда, когда человек живет, забывая о своей смертности, находясь во власти иллюзии, «драгого сердцу заблужденья». Всякое напоминание о смерти разрушает сладкие иллюзии, возвращает к горестной реальности:

Цветок увядший, одинокий...

В самих этих эпитетах, в их подборе уже можно расслышать и тягостный вздох: «Минутная краса полей», и сетование на возвращение к тому, что отравляет существование: «Лишен ты прелести своей//Рукою осени жестокой».

Заглянув в бездну, Жуковский сейчас же старается захмуриться и сетует на то, что пришлось увидеть: слишком страшно.

Пушкин не сетует. Да, засохший, безуханный (без аромата) цветок – это смерть. Но это еще и знак прожитой жизни. Какова была она? «Где цвел? когда? какой весною?// И долго ль цвел? и сорван кем?.. – не ради праздного любопытства задаются эти вопросы. В них – ненасытный интерес к сущему, свидетельство того, что ценность жизни, по мнению Пушкина, содержится в ней самой. Вопросы сыплются один за другим, и каждый имеет прямое отношение к реальности, осознанной как бытие.

Позже в другом стихотворении Пушкин скажет:

...каждый час уносит

Частичку бытия... –

Оспаривая тезис своего учителя о том, что

*... каждый разрушает час
Драгое сердцъ заблужденье.*

Разумеется, речь сейчас идет о развитии традиций, которое всегда – спор. И спор чаще всего принципиальный.

Жуковскому, пережившему Пушкина, выпадет на долю невольно продолжить спор. Это случится тогда, когда Жуковский станет редактором тех произведений, которые не успел или не смог из-за сопротивления цензуры напечатать покойный поэт при жизни.

Среди строчек, подвергшихся правке, оказались и эти, ныне повсеместно известные:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

Сточки эти были впервые напечатаны и даже впоследствии выбиты на опекушинском памятнике великому поэту в таком варианте:

*И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен
И милость к падшим призывал.*

Почему была заменена строка, догадаться нетрудно. Жуковский имел все основания полагать, что бдительное око цензора сейчас же разглядит в ней потрясения основ российского самодержца.

У Пушкина был еще один вариант знаменитой ныне строки: «Что вслед Радищеву восславил я свободу». Но не из опасения перед цензурой не оставил Пушкин варианта строчки с упоминанием имени Радищева. Да, Пушкин знает о жестокости, как знает о смерти. Но смерть (та же жестокость) не обесценивает жизни (той же свободы).

Ценность жизни – в свободном проявлении человеческого духа и человеческого бытия (а в такое свободное проявление входит, разумеется, и выражение протesta против жестокости монарха и борьба с этой жестокостью). Вряд ли Жуковский все это имел ввиду, заменяя строку. Но, заменив ее, он невольно (наверное, непроизвольно) продолжил свой старый с Пушкиным спор.

Жестокость для Жуковского – та самая горестная реальность, о которой лучше не знать, как лучше не знать о смерти. Не лучше ли, не полезней ли воспевать «прелесть», «драгое сердцу заблужденье» – несомненную ценность, содержащуюся в бытии?

Ответ Жуковского на все эти вопросы известен. Он написал:

...Что прелестью живой стихов я был полезен...

Но с такой строкой вся строфа перестала принадлежать Пушкину, она стала принадлежать Жуковскому, сильно и точно выражив его мировоззрение, его жизненный и душевный опыт.

Потребовалось вмешательство времени, чтобы не просто исправить искаженное, но вернуть строфу ее законному владельцу.

Жуковский, конечно, действовал из лучших побуждений. Но он был поэтом. А поэт всегда отстаивает свое понимание жизни и пишет стихи, сообразуясь только с этим пониманием.

Так что не потонула в Лете эта строка Пушкина, как и многие другие замечательные, гениальные строки великого поэта.

Если говорить о М.Ю. Лермонтове как непосредственном преемнике Пушкина, его подход к природе типично роман-

тический. В 1837 году Лермонтов, уже зрелый поэт, пишет одно из лучших своих стихотворений – «Ветка Палестины». Здесь он открыто следует за Пушкиным, но в то же время решительно отдаляется от Пушкина. Лермонтовская «Ветка Палестины» – параллель пушкинскому стихотворению «Цветок» (1828).

У Пушкина (вторая строфа):

*Где цвел? когда, какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем?
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?*

У Лермонтова (первая строфа):

*Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?*

Пушкина интересует цветок не сам по себе, а как достойный всяческого внимания знак, разгадывание которого ведет к углублению в судьбы людские. Лермонтов же интересуется веткой Палестины самой по себе, изолирует ее историю ото всего, что случается с нами.

Вследствие этого, у Лермонтова, когда речь идет о природе, природа неизменно возвышается над человеком с его вечным недовольством самим собою, при этом вечно чувствующим себя не таким, каким бы надлежало быть ему, у него нет никакого понятия, кроме зависти к природе, при сравнении себя с нею.

С загадкой того же цветка Пушкин связывает и загадку человека, полагая, что только сам человек способен истинно разгадывать ее.

В конце концов все тот же случайно найденный в книге засохший цветок скрывает в себе тайну бесконечных преврат-

ностей, неизбежно случающихся со всяkim человеком, в чем и проявляется его действительная человеческая природа.

И жив ли тот, и та жива ли?

И ныне где их уголок?

Цельность Пушкина вырисовывается и при сопоставлении его с другими великими поэтами, в первую очередь с Ф.И. Тютчевым и А.А. Фетом. Корни того и другого в Пушкине. Причем оба и противостоят Пушкину. И каждый велик углублением в частную тему, по сравнению со всеобъемлющей пушкинской темой. Своими новыми открытиями русская послепушкинская поэзия снова и снова подтверждала невозможность возвышения над тем, что открыто поэзией Пушкина.

Тютчевского человека буквально преследует страх оторванности от природного мира, чувство затерянности во вселенной, загадочной и устрашающей для него. При этом он наделен удивительным чувством восхищения красотой и царственностью природы, жаждой своего единения с нею.

*Как ни гнетет рука судьбыны,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран;
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены –
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!*

Чтобы как-то хоть на краткий миг укрыться от бед и горестей, человеку не остается ничего иного, как, забыв обо всем, что было с ним, броситься в объятия природы. Именно только в общении с природой, при условии подчинения себя природе, человеку дано ощутить себя сопричастным вечности.

*Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь –
И жизни божески всемирной
Хотя на миг причастен будь!*

Именно – только «на миг». Человек Тютчева, врастая в природный и исторический мир, одновременно чувствует нарастание в себе недоверия к этому миру, вплоть до чуждости, а то и враждебности мира своему собственному душевному складу. Жизнь и поэзия у Тютчева не были так нераздельны, как у Пушкина. Тем не менее, хотя Тютчев близок в чем-то существенном Пушкину, он, несомненно, еще дальше от Пушкина.

О Тютчеве можно сказать, как и о Пушкине, что он писал «для себя», но, в противоположность Пушкину, печатал уж никак не «для денег», да и вообще мало заботился о публикации своих произведений. Являясь поэтическим гением, Тютчев воспринимал мир и человека на уровне гениальной поэзии. Однако он не связывал своих гениальных поэтических прозрений с собственным поведением в мире.

При сопоставлении Пушкина с Ф.М. Достоевским отмечаются существенные различия. Тогда как Достоевский преимущественно погружает человека в мир, Пушкин, напротив, – мир в человека. Пушкинский человек, как и сам Пушкин, исключительно сосредоточен на самом себе, отстаивая свою цельность, а это можно делать, предаваясь какой-либо страсти. Человек же Достоевского только тем и занят, что примеряет себя к миру, к другим людям. Но так и не находит ответа, кто же он. В результате Достоевский обрекает себя на

размышления о себе, что и толкает его на эксперименты над собою, тогда как человек Пушкина, помня о своей единственности, предается утверждению себя в этом мире и, как бы ни был недоволен миром, знает, что иного мира нет.

Литературоведы обратили внимание на некоторое противоречие в романе «Евгений Онегин» Пушкина, касающееся места нахождения письма Татьяны. «В ходе растянувшейся на семь лет работы в текст романа вкрадывались противоречия и несогласованности», пишет, например Ю.М. Лотман. И вот чем иллюстрирует эту мысль: «Так в XXXI строфе 3-й главы Пушкин писал:

*Письмо Татьяны предо мною:
Его я свято берегу...*

Но в VIII главе письмо Татьяны находится в архиве Онегина, а не Пушкина:

*Ta, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит.*

Объяснение этому в том, что роман в стихах Пушкина не является лиро-эпической поэмой, в которой лирическое начало подчинено эпическому началу. Это значит, что функция автора (рассказчика) ограничена воспроизведением событий и их оценкой. Непосредственного участия в событиях, воспроизведенных в лиро-эпической поэме, автор не принимает и этим коренным образом отличается от автора в «Евгении Онегине» – такого же героя романа в стихах, как Онегин.

Поэтому, если уподобить роман в стихах лиро-эпической поэме, если учесть, что определяющим в структуре «Евгения Онегина» является эпическое-романное начало, то обнаруженная «несогласованность в тексте» окажется разительной и даже нелепой: романная героиня написала романному герою письмо – как же может его «свято беречь» автор?

Получается, что адресат передал ему письмо на сохранение! При этом, сказав об этом, Пушкин в «ходе растянувшейся на семь лет работы» об этом забыл! Но в том-то и дело, что автор в «Евгении Онегине» совсем не тот, кем он является в лиро-эпической поэме.

Их функции похожи, но только в том смысле, что и в «Онегине» автор как бы руководит событиями, которые описывает, – предсказывает их, предостерегает героев от опрометчивости. И вместе с тем автор входит в структуру пушкинского романа в стихах как его персонаж.

Можно ли отождествлять автора («я») в «Евгении Онегине» с Пушкиным – автором «Евгения Онегина»? Вернее – нужно ли их отождествлять, как это делает упомянутый пушкинист в процитированной работе: «...письмо Татьяны находится в архиве Онегина, а не Пушкина»?

Очевидно, не нужно. Конечно, биографическое и человеческое их сходство очевидно. Но, войдя в роман как действующее лицо, автор неизбежно оказывается вовлеченным в его структуру. Он не только ее формирует, но ей подчиняется, становясь, таким образом, художественным двойником Пушкина; то есть он не реальный поэт Александр Сергеевич Пушкин, а его романский образ. Это важнейшая черта пушкинского произведения, объясняющая так называемую «несогласованность в тексте». Ведь будучи действующим лицом «Евгения Онегина», автор не просто выражает в своем произведении оценку происходящему, но и сам выражается в происходящем как непосредственный участник событий: Пушкин сам становится героем своего романа.

Сохраняя объективность повествования, воссоздавая, так сказать, чужой текст (письмо), который по романной логике, рассчитан на конкретного адресата и который этим адресатом будет прочитан и сохранен, автор к тому же тексту относится

и как к «своему», то есть как к такому, который даст возможность через него или в связи с ним выказывать собственное, авторское, лирическое чувство.

Это значит, что письмом Татьяны «живо тронут» не один только Евгений – герой романа, что в гораздо большей степени оно трогает автора – героя романа в стихах, душа которого трепещет от Татьяниных слов, и этот трепет души, как положено в лирике, запечатлевают стихи:

*Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.*

Как раз в отношении к этому письму отчетливо проглядывает еще одна «разность» между Онегиным и Пушкиным – холодноватое онегинское:

*Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе не достоин я.*

Авторское отношение к этому письму оттеняется следующими горячими словами:

*Кто ей внушил и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушил умильный взор,
Безумный сердца разговор,
И увлекательный и вредный?*

Повышенной авторской эмоциональностью Татьянино письмо отмечено и в словах «Его я свято берегу».

Иными словами автор раньше Онегина по достоинству оценил Татьянину душу, выразив тем самым собственное представление об идеале.

Таким образом, письмо Татьяны – движущая пружина романного сюжета – оказывается еще и пружиной сюжета лирического: ведь именно благодаря ему, Татьяниному пись-

му, раскрывается перед нами авторское «я», раскрываются черты лирического характера автора.

В заключение приведу слова французского философа-гуманиста и эссеиста Мишеля де Монтеня (1533–1592 гг.): «Вот великая заповедь, которую часто приводит Платон: «Делай свое дело и познай самого себя». Каждая из обеих половин этой заповеди включает в себя и вторую половину ее и, таким образом, охватывает весь круг наших обязанностей».

Касаясь творчества Пушкина, следует отметить его интерес к созданию образа, подобного себе, через который он мог бы без всякого пристрастия вглядываться в себя, значит – и вообще в природу человеческую. Заниматься самопознанием – значит, вспоминать обо всем случившемся с тобою, равно и с целым миром. А вспоминать о случившемся – уже и преображать случившееся. Тут на помощь памяти, вступая в содружество с нею, приходит воображение или вымысел. Воображая о бывшем с нами, мы заново переживаем бывшее. Недаром Пушкин говорил: «...над вымыслом слезами обольюсь».

Вымысел – душа искусства. Мере вымысла сопутствует и мера сострадания. Самопознание без самоочищения бессмысленно, да и невозможно: нельзя познавать себя, не познавая своих слабостей и не преодолевая их. Тот же Барон из «Скупого рыцаря» является великолепным тому доказательством. Неисчерпаемость – признак всякого подлинного искусства: оно ведет нас в глубину нас самих, как представителей рода человеческого, до конца никогда не познанного. Поэтому все великие художественные произведения безмерны и бессмертны. Они адресованы всем нам, когда бы и где бы мы ни жили. Искусство, обозначившее свое время как причастное всем временам, наполняясь вечным смыслом, приобретает и неувядаемую вечную современность.

Приобщаясь к великим произведениям искусства, мы действительно приобщаемся к вечности, одновременно чувствуем себя живущими в определенное время и в определенном пространстве. Но даже и самые гениальные из них одновременно и всеобъемлющи, и частичны: в них, можно сказать, весь опыт мировой истории, увиденной с одной только точки зрения, потому и неповторимый, потому и вечный, хотя и приурочен к единственному историческому моменту. В этом общезначимость, равно разглядываемая, но остающаяся неразгаданной тайна, как и постигаемая непостижимость всякого гениального художественного творения.

К Пушкину, как и к любому другому гениальному художнику, приложима общая мера искусства. Но Пушкин является тем исключительным художественным гением, у нас единственным, который сам представляет собою художественную меру.

Виктор Тен

Сказание о спасении усадьбы Полотняный Завод в 1994 году*

*«Прямой поступок – вот реальность
Не меньшая, чем гениальность,
Его пример и моментальность
Слепят, как дуговой разряд».*

Александр Кушнер

Историко-архитектурный и природный музей-усадьба «Полотняный Завод» был торжественно открыт 5 июля 1999 года к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина как филиал Калужского областного краеведческого музея.

Полотняный Завод – это чудесное мгновение семейной жизни А.С. Пушкина и его жены Натальи Николаевны, урожденной Гончаровой.

Полотняный Завод – уникальный усадебно-фабричный архитектурный комплекс, возникший в 18 столетии. Здесь сохранились две усадьбы – Гончаровых и Щепочкиных.

Начало истории Полотняного Завода восходит к 1718 году, когда купец Тимофей Карамышев получил от Петра I Указ о постройке заводов для делания парусных полотен». В 1720 г. последовал еще один Указ: «... построить своим коштом бумажную мельницу и делать бумагу». В 1732 году компаниями в дело вошли Афанасий Гончаров и Григо-

* Редакция «Пушкинского альманаха» по согласованию с Теном В.В., автором книги «Последнее дело Пушкина».

рий Щепочкин, а после смерти Карамышева с 1735 г. они остались в деле вдвоем. Главой стал Гончаров: его капитал втройе превосходил долю Щепочкина. Тогда же произошел раздел фабрик, чтобы «каждый в своей части прилежнее рачить мог». К 1767 году сложился усадебный ансамбль, уникальность которого состояла в том, что производство находилось в непосредственной близости от господского дома. Парусно-полотняная мануфактура прекратила свою деятельность в середине 19 века. Бумажная мануфактура действует и поныне.

Летом 1994 г. над усадьбой нависла смертельная угроза. Где-то в московских кабинетах возник грандиозный проект запрудить малые реки России гидроэлектростанциями, хотя ГЭС на равнинных реках никто в мире давно не строит. Разумеется, это была очередная афера с целью выбить деньги из бюджета. Для этого решили построить показательную ГЭС в Полотняном Заводе, что привело бы к уничтожению заповедного места России.

А теперь в разговор вступает Виктор Тен, кандидат философских наук, член Союза журналистов РФ (г. Санкт-Петербург). Свой рассказ он посвящает памяти Галины Васильевны Галицкой, которая фактически спасла усадьбу Полотняный Завод от гибели в 1994 году.

– Эта невысокая, беспокойная женщина знакома многим, так как она была неизменным участником ежегодных Пушкинских конференций, а в качестве ответственного работника Министерства культуры Московской области занималась организацией музея-усадьбы «Полотняный Завод».

Я познакомился с Галиной Васильевной, когда работал в Калуге редактором отдела культуры газеты «Весть», обозревателем газеты «Знамя», главным редактором «Приокской газеты». Это было одно из самых интересных и благо-

датных знакомств в моей жизни. В таких, как она, влюбляешься с первой встречи, а потом в общении прощаешь все. А прощать таким людям приходится многое: «неудобный» характер, фанатическую увлеченность своим делом, которой она буквально заражает, отрывая порой от важных дел, общественных и личных. Если она «замагнитит», то заманит или на выставку народных промыслов, или в какое-нибудь старинное село, куда ты и не собирался за катастрофическим неимением времени. Вы будете ходить со скоростью черепахи, не проходя мимо потрескавшегося наличника или конька, а Галицкая будет засыпать вас скороговоркой о стилях, традициях, школах резьбы по дереву. Галина Васильевна своими «свойскими» вопросами вызывала такое доверие, что пожилые люди почти сразу переходили с ней на «ты», беседуя как с родственницей или соседкой. Благодаря ей возродились хлудневские глиняные игрушки. Если Галицкая забывала о своем деле, то только ради других людей. Когда в 1991 г. она появилась в моем кабинете с конкретной целью публикации своего материала – это было через неделю после смерти известного краеведа Генриэтты Михайловны Морозовой (в крещении Елизаветы) – в разговоре мелькнуло ее имя, и Галицкая вдруг начала говорить о Морозовой, да так, что я поспешил включить диктофон. Боль от потери, профессиональная оценка работы Морозовой, и с каким тактом, с каким достоинством! «Относись к людям так, как будто ты хочешь, чтобы это отношение стало всеобщим законом», – завещал Кант. Он исходил из того, что человек есть «в себе». В книге «Последнее дело Пушкина» мною показано отличие в отношении к людям Пушкина и его жены, которое стало одной из причин трагедии. Наталья Николаевна, будучи добрым и тактичным человеком, относилась к людям, как относится большинство так называемых «нормальных» людей,

а именно: если другой человек относится к тебе хорошо, и ты отвечай тем же, особенно, если это влиятельный человек. Пушкин всегда обращал внимание на то, заслуживает ли человек уважения. И если тот не заслуживал уважения по делам своим, то, невзирая на хорошее отношение к нему, Пушкину, – со стороны Пушкина ответного уважения добиться было невозможно. Поэтому у поэта не сложились отношения с фельдмаршалом Паскевичем, министром Уваровым, великим князем Михаилом Павловичем, которые начинали Пушкину покровительствовать. Без взаимного уважения покровительство обратилось во вражду, Галицкая враждовала с многими влиятельными людьми точно по таким же основаниям. Она говорила: « Эта чиновница льет мне на голову елей, а сама памятники распродает. Как я могу ее уважать?!» Не прощала равнодушия и формального отношения, но если она видела, что человек не фальшивит, прощала все, даже нелестные определения в свой адрес, сказанные сгоряча. Она была огонь, но благодатный, не обжигающий правдивых, но испепеляющий фарисеев.

Впервые в Полотняном Заводе она оказалась, когда работала на « Мосфильме». Снимался фильм « Ищу свою судьбу», герой которой в finale говорит: «Если б я задумал написать Родину, я писал бы с этого места». Галицкая отправилась на поиски ландшафта, где эта фраза звучала бы органично, и нашла его в Полотняном. С тех пор она каждый год снимала здесь дачу, стала компетентной исследовательницей-краеведом. Она раскрыла совершенно удивительные страницы истории. Полотняный известен производством бумаги и полотна, но кто бы мог знать о таком народном промысле, как производство прядильных («пряжных») станков. Оказывается, жители Полотняного Завода были основными поставщиками прядильных станков на Украину. На месте он стоял

три рубля с небольшим, а на Украине 5–8 рублей. Только в годы НЭПа, в 1926–27 гг., было вывезено 285 тысяч станков. Для их упаковки была построена целая рогожная фабрика. В огромных количествах производились в Полотняном клетки для птиц. Этот промысел тоже начинался, как подсобный для основного, канареочного. Полотнянозаводцы овладели таким тонким искусством, как разведение и обучение кенаров, которые пели, как соловьи, и пользовались большим спросом вплоть до Китая. Над каждым домом надстраивался просторный светлый мезонин для канареек. До революции канареочный промысел приносил до 12 тыс. рублей дохода в год. Эти интересные факты Галина Васильевна восстановила по архивным материалам, то же и об истории народной библиотеки, работавшей здесь до революции. Когда в конце 80-х годов началось восстановление усадьбы Гончаровых, Галицкая взяла этот процесс под свой личный контроль. Она считала буквально каждую доску, каждую паркетину. Ругалась с прорабами, воспитывала рабочих своими рассказами о значимости этого места. Разоблачала расхитителей стройматериалов, чем вызвала ненависть калужских чиновников, распоряжавшихся фондами. Её называли «человеком со стороны» и третировали на этом основании. Своей статье о Галине Васильевне я дал название «Человек со стороны.» Она размножила эту статью и ходила по кабинетам, «вооружившись» ею. Воскресенье в середине июля 1994 года стало днем её жизненной Голгофы. В этот день началось разрушение исторической среды памятника истории и культуры. Музея ещё не было, помешать было некому. Бульдозеры начали ровнять живописный берег у каменной плотины 18 века, готовили площадку для стенобитной машины, которая должна была разрушить плотину. Дворец стоит у самой воды, и спуск воды неизбежно привел бы к затоплению здания и

разрушению исторической плотины. А работающая ГЭС в ста метрах от будущего музея. Так бы и разрушили бы плотину, если бы не Галина Васильевна, которая буквально легла под бульдозер. Потом убедила рабочих повременить с вандализмом, а сама бросилась собирать жителей посёлка, организовала вахты. Сама поехала в Калугу, где ходила по кабинетам, пока не нашла виновников и не поставила их к позорному столбу, озвучив для мира их имена. Появилась моя заметка «Бульдозер против памятника». Так из-за Галицкой «блицкриг» не удался. Для инициаторов акции имя Пушкина ничего не значило: «А хотя бы и Пушкин. Ты-то здесь при чем?! Тебе Пушкин кто?....»

Она ответила, когда поняла, что этим людышкам не втолковать о неоднократном пребывании здесь Пушкина, здесь выросла его жена, в 1812 г. размещался штаб Кутузова. «Кто мне Пушкин? – сказала Галина Васильевна, – Да я от Пушкина сына родила!»

Больше никто ничего не сказал. Все поняли что имеют дело с человеком, который не только под бульдозер ляжет, но и под танк, но своего добьется. Отступились супостаты от Полотняного Завода.

Ныне в Полотняном Заводе звучит музыка, проходят много-людные праздники, выставки, творчески работает коллектив музея и не иссякает поток посетителей в любое время года.

И всем этим Человечество обязано подвигу Галины Васильевны Галицкой во имя Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных, во имя русской культуры и Великой России.

Феликс Кичатов

Каролина Собаньская

«Сегодня, это 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни <...> Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами – всякая другая забота с моей стороны – заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться. Рано или поздно мне придется все бросить и прийти пасть к вашим ногам. Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет лишь только мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в <нрзб.>. Там смогу я совершать паломничество, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, мельком вас видеть...»

Это письмо было написано Пушкиным Каролине Собаньской 2 февраля 1830 г. Спустя некоторое время, Пушкин пишет второе письмо этому же адресату. Вот несколько строк из него: «Хотя видеть и слышать вас составляет для меня счастье, я предпочитаю не говорить, а писать вам. В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние. Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки. Вы – демон, то есть тот, кто сомневается и отрицает, как говорится в Писании...»

И это написано за два месяца до помолвки поэта с Натальей Николаевной! Кто же была та, которая побудила Пушкина

к написанию этих двух неподражаемых по глубине чувств писем?

По выражению А. Ахматовой «Образ Собаньской, как он проявился в письме, сочетает два лика, которые воплотятся в Доне Анне и Лауре: она и «милый демон», как Лаура, и католическая ханжа, как Дона Анна».

Одна из красивейших женщин своего времени, изящная и разносторонне образованная, тщеславная и ветреная, она прожила бурную, романтическую и очень долгую жизнь, оставаясь красивой даже на самом закате своего жизненного пути.

Каролина родилась в семье графа Ржевуского в поместье Погребище, недалеко от Бердичева. Она была четвертым ребенком и первой девочкой в большой семье. У нее было три брата и три сестры. Старший брат, Адам, впоследствии стал генералом от кавалерии и генерал-адъютантом; второй брат, Генрих, стал известным польским романистом; третий брат, Эрнест, закончив армейскую службу полковником казачьих войск, стал бердичевским уездным предводителем дворянства; сестра Эвелина связала свою судьбу с классиком французской литературы Оноре де Бальзаком; сестра Паулина вышла замуж за И.С. Ризнича, первая жена которого, Амалия, воспета Пушкиным; самая младшая сестра, Александра, стала женой композитора Станислава Манюшко.

В доме отца Лолина, так по-домашнему звали Каролину, получила прекрасное образование. Мать ее, Юстина Рдуловская, находилась в близком родстве с княгиней Розалией Ржевской, урожденной Любомирской, которая закончила свою жизнь на Грэвской площади в Париже вместе с королевой Марией Антуанеттой. Графиня Розалия сыграла небольшую роль в воспитании Лолли, когда они некоторое время вместе жили в Вене. В эти дни салон тетки слыл одним из

первых в Европе «по уму, любезности и просвещению его посетителей». Именно здесь Лолли освоила фортепиано, постигла искусство красноречия, овладела не менее важным искусством – слушать. Здесь у нее расцвело и другое качество, унаследованное от отца, – мотовство.

С ранних лет красота Каролины привлекала множество поклонников, что, несомненно, нашло отражение в характере испускальницы.

Вот как описывают ее внешность современники: «Лолли была высокого роста. Ее прекрасную фигуру с пышными плечами венчала голова Дианы на божественной шее. Необыкновенные огненные глаза, которые, раз увидев, невозможно было забыть, обжигали каким-то затаенным пламенем и, казалось, тайно сулили неземные радости. Голос у нее был низкий, чарующий; походка величава. Улыбка и ласковый взгляд, казалось, излучали необыкновенную доброту и покой».

Ее очень рано выдали замуж за Иеронима Собаньского. Он был старше Каролины на 30 лет. Муж торговал зерном и имел в Одессе богатый дом и хлебный магазин. Нисколько не смущаясь мужа, Каролина стала любовницей генерала Витта, заводила амуры с Мицкевичем, кружила голову Пушкину.

Знакомство с Пушкиным состоялось 2 февраля 1821 г., во время пребывания Пушкина в Киеве. Через год поэт вновь посетил Киев. Затем он неожиданно встретил Каролину в Одессе. Это было осенью 1823 года. Вспыхнувшее в нем чувство не находило взаимности. И, странное дело, Пушкин впервые встретил женщину, перед которой робел: речь становилась скованной, куда-то пропадало остроумие, шутки получались плоскими. Это какой-то рок. Он ищет с ней встречи, уединения, а встречает насмешки, перед которыми чувствует себя беспомощным. Однажды ему даже показалось, что она

проявила к нему особое внимание. Это случилось в Преображенском соборе на похоронах сына Воронцовых, когда она, обмакнув пальцы в купель, коснулась ими его лба. Несколько раз они встречались, вели разговор о литературе. Позже, в Петербурге, он рассказывал ей о «Борисе Годунове», там же ей признался, что испытал всю её власть над собой, что благодаря ей он «познал все содрогания и муки любви». Здесь, в Петербурге, ему вдруг показалось, что в нем проснулись былые чувства. Он пишет ей сразу два письма, но так и не решается их отправить. Эти письма убеждают нас в том, что Пушкин действительно испытал роковую страсть.

Разве мог Пушкин знать, что Каролину интересовало только одно: возможность получить очередной автограф, посвященный ей. Страсть к коллекционированию автографов была свойственна ей с молодых лет. В ее коллекции были автографы генерала Веллингтона, королевы Марии Антуанетты и короля Фридриха II, писателей Шатобриана, де Сталь, Дельфины Ге, Мицкевича и многих других выдающихся личностей.

Но Пушкину неизвестна была другая жизнь этой польской демоницы. Прячась под личиной агента III отделения, Собаньская делала все возможное, чтобы помочь полякам освободиться от колониальной зависимости, а когда восстание в Польше было подавлено, она ловко использовала высокое положение мужа, чтобы оказать помощь, спасти от Сибири пленённых повстанцев.

Долгое время основными аргументами в пользу стереотипа Собаньской – шпионки III-го отделения, были воспоминания Ф. Ф. Вигеля, человека, неоднократно уличённого современниками в искажении фактов и даже в фальсификациях; и письмо самой К. Собаньской к графу Бенкендорфу, являющееся, по мнению исследователя М. Яшина, ничем иным, как

блефом, рассчитанным на близорукость шефа жандармов да и самого Николая I.

Многие, даже самые уважаемые исследователи-пушкинисты, поверили этим аргументам, закрыв глаза на целый ряд свидетельств современников Собаньской. Вот некоторые из них.

29 ноября 1830 года группа польских подпольщиков-патриотов напала на резиденцию великого князя Константина Павловича в Варшаве. Это послужило сигналом к Всепольскому восстанию. Среди нападавших оказались постоянные посетители салона Каролины Собаньской: полковник Блендовский, Нарцыз Олизар (брать Густава Олизара, одного из руководителей Польского восстания), Александр Собаньский и другие.

После подавления восстания поляков Собаньская срочно направляется в Варшаву. Через некоторое время управляющий III-м отделением А.Н. Мордвинов докладывает шефу жандармов Бенкendorфу о «подозрительном» поведении Собаньской: «Поляки и польки совсем завладели управлением. Образовалось что-то вроде женского общества под председательством г-жи Собаньской, продолжающей иметь большую силу над графом Виттом. Благодаря этому главные места представляются полякам, и именно тем, которые наиболее участвовали в мятеже».

Исследователь С.С. Ланда в своей книге «Мицкевич накануне восстания декабристов» приводит пример, подтверждающий активную деятельность Собаньской после поражения восстания в Польше. Он приводит высказывание одного из участников восстания, М. Будзыньского, спасённого Собаньской: «Грешила слабой женской натурай, но чувства польки никогда в ней не угасали. После взятия Варшавы, когда генерал Витт был назначен губернатором столицы, она

спасла многих несчастных польских офицеров от Сибири и рудников, <...> навещала госпитали, где раненые польские офицеры ожидали своей участи, и многим, если не помогала освободиться, то уладила неволю и помогла в беде».

Это же подтверждают другие участники восстания – Т. Бобровский и А. Ивановский: «...через Витта она добилась прощения и свободного возвращения многих особ, что вызвало к ней всеобщую любовь...»

Ее деятельность могла бы быть намного продуктивнее, не разгадай ее замыслов Николай I, который писал Паскевичу: «Долго ли граф Витт даст себя дурачить этой бабой, которая ищет одних своих польских выгод под личной преданностью, и столь же верна г. Витту как любовница, как России, быв ей подданная? Весьма хорошо бы было открыть глаза графу Витту на её счет, а ей велеть возвратиться в свое поместье на Подолию». За письмом последовало выдворение.

Собаньская, отлученная от своих дел и могущественного Витта, чтобы как-то прожить, выходит замуж за виттовского адъютанта, капитана лейб-гвардии драгунского полка С.Х. Чирковича. Новый муж тут же принял за исправление её «заблудшей души»: он потребовал изменения всех ее привычек и даже отдельных черт характера. Но не такова была Каролина. Поняв, что муж не в состоянии обеспечить ей старость, перед которой она испытывала неудержимый страх, она тайно уезжает в Рим в надежде подыскать более состоятельного поклонника. Но в Риме она никого не находит, кроме отцов-иезуитов, у которых обрела временное прибежище.

Дальнейший ее путь – в Париж, к сестре Эвелине. Как ни странно, но красота Каролины стала еще ослепительнее, несмотря на ее пятьдесят лет. Здесь, в Париже, она сразу очутилась в кругу страстных поклонников, а вскоре и вы-

шла замуж за французского литератора и драматурга Жюля Лакруа, который даже не подозревал, что младше своей жены на целых пятнадцать лет.

Вскоре их дом становится одним из самых привлекательных для служителей Парнаса. Об этом салоне сохранилось множество воспоминаний. Очарованный супруг посвятил Каролине сонет, открывший сборник его стихов «Скверный год».

Здесь, в Париже, судьба свела Собаньскую с ее старой подругой Софьей Станиславовной Киселевой (урожденной Потоцкой), знавшей в молодости Пушкина и даже, по предложению некоторых пушкинистов, подсказавшей ему сюжет «Бахчисарайского фонтана». Киселева, как и Собаньская, была ярой патриоткой Польши, что и послужило причиной ее разногласий с мужем, который не мог снести ее общения с польскими инсургентами. Дом Софьи Станиславовны в Париже стал местом, где собиралась вся польская эмиграция.

Когда-то вместе, на паях, подругой купили казино в престижном районе Гамбурга, которое через некоторое время стало известно на всю Европу. Благодарные гамбуржцы не остались в долгу: именем Каролины они назвали одну из центральных улиц города. Она протянулась от Зивекингплац до Рентцельштрассе. Есть там и улица, носящая имя Киселевой, – Софиенгассе. Это небольшая улочка, соединяющая Миттельвег в северной ее части с западным берегом озера Аусенэльстер.

Каролина Собаньская умерла 19 июля 1885 года, прожив девяносто один год и семь месяцев.

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.*

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

1829

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, пlesнувшей в берег дальний.
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем?
Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.
Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

1830

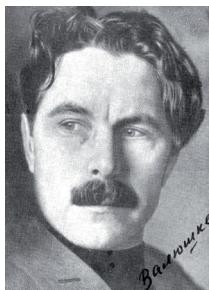
Сибирский Парнас

*И славен будь я, доколь в подлунном мире
Жив будем хотя один пинг...*

А. Пушкин

Юрий Гордиенко

В предисловии к одному из поэтических сборников Юрия Гордиенко его коллега по цеху поэзии Илья Фоняков сказал:

«Он принадлежит к тому поколению русских советских поэтов, которое представлено на полках библиотек книгами Михаила Луконина и Сергея Наровчатова, Бориса Слуцкого и Давида Самойлова, Александра Межирова и Евгения Винокурова, Сергея Орлова и Константина Ваншенкина, Семёна Гудзенко и Марка Максимова».

Из этого перечня уже видно, что Юрий Гордиенко принадлежит к поколению фронтовых поэтов. Он повоевал и на западном фронте и на восточном.

И далее: «Юрий Гордиенко связан с Сибирью рождением, детством, первыми поэтическими книгами.

Он часто бывает в Сибири и сейчас, а ещё того чаще возвращается в стихах к сибирским впечатлениям, воспоминаниям. В его стихах живут и гигант Новосибирск, и маленький Горно-Алтайск, и мало кому, кроме местных жителей, ведомые Седова Заимка и Ельцовка Вторая».

Да, именно в Новосибирске он громко заявил о себе сборником стихов о Востоке: Корее, Китае. Отсюда его направили в Москву на высшие литературные курсы, где он приобрёл

не только признание московских читателей, но и московскую прописку, сохранив и расширив при этом масштабное видение эпохи и страны. Впрочем, это видно по его творчеству.

*Раздел «Сибирский Парнас» ведет
член Союза журналистов России А. Чернышёв*

Зимняя сказка

Когда-то в тёплой кухне, при огне,
Уставшему кататься на салазках
Мне бабушка рассказывала сказку
Об очень дальней северной стране.
На старой – шаль из мягкой шерсти козьей.
Она сидит в своей спокойной позе...
И кажется, что бабушка права:
Что звуки замерзают на морозе
И льдинками становятся слова;
Что можно их везти с собой в карете
За сотни вёрст.
И если, говорят,
Внести в тепло немые льдинки эти,
Они оттают и заговорят.

Я стал большим,
Я в мир ушёл из дома.
И побывать пришлось однажды мне
В той, по рассказам бабушки знакомой,
В той очень дальней северной стране,
Где ты жила.
Что было между нами?
...Обутые в мохнатые кисы,
Бежали, чтоб согреться, за санями

И тёрли побелевшие носы.
Я помню смех твой,
Ласковый и тихий,
Поющие по снегу полоза,
Твои большие, как у оленихи,
С огромными ресницами глаза.

Весной, когда сломала с громом льдины
И в океан их вынесла река,
Простились мы. И я легко покинул
Охотничий посёлок в три дымка.
Слова любви твоей, твоей печали
Из песни той, что пела ты, грустя,
Казавшиеся льдинками вначале,
Оттаяли в душе и зазвучали
В краю ином и много лет спустя.

На даче, в Подмосковье,
При огне,
Уставшему кататься на салазках,
Я внуку пересказываю сказку
Об очень дальней северной стране.
Я говорю, в привычной сидя позе
И щурясь на горящие дрова:
— Там звуки замерзали на морозе
И становились льдинками слова...

* * *

Мы шли под пули, в стужу дрогли,
Мы бой вели четыре дня
И, взяв рубеж — везенье, рок ли, —
Живыми вышли из огня.

Бредя по полю снегом талым,
Вошли околицей в село...
И вдруг домашний звон гитары
К нам горьким ветром донесло.

Нам звук струны казался дивом.
Мы ход замедлили, топчась:
Должно быть, нас опередила
Другая воинская часть.

Под сапогом ледок ломался.
Пора бы трогаться давно,
Но всё ещё слова романса
Лились в открытое окно.

Не просто песня долетала,
Но – обещание и весть,
Что в мире есть ещё гитара
И женский голос в мире есть.

* * *

Я ночью выхожу из блиндажа.
В подлунном мире ясно и морозно.
Огни ракет, мерцая и дрожа,
Встают над пепелищами Лиозно.

Холодный ветер распахнул шинель.
Звезда скатилась по небесной круче,
Скатилась и погасла...
Уж не мне ль
Предсказана судьба звездой падучей?

Где тот обрыв, не угадаешь впредь, –
Скатилась просто звёздная крупица!
Но так легко от пули умереть
Или на минном поле оступиться.

* * *

Я встретил людей без речи,
Без родины, без угла,
И тяжесть ко мне на плечи
Лохмотьев чужих легла.

Норы noctлежек тёмных
Стали моим жильём.
Слёзы всех угнетённых
Встали в горле моём.

Зима в Сеуле

*Игорю Голубеву,
Гвардии капитану*

I

Древняя корейская столица
С одноногой цаплей на трубе,
Не монахов каменные лица
Вижу, вспоминая о тебе,
Не наряд богатой горожанки,
Не восточных двориков уют –
Две озябших девочки-южанки
Зимней ночью в памяти встают.
Детством обойдённые девчонки,
Как-то вам живётся на земле?

II

Коротко подстриженные чёлки,
Стиранные фартучки в золе...
Никому в большом и людном доме
Не было известно, почему
Двух сестрёнок робкие ладони
Тянутся доверчиво к нему.

Говорили, у калиток сидя:
«Горстью петушков из леденца
Капитан, прибывший из России,
Покорил их детские сердца»,
Говорили: «это – шрам от пули,
Уваженье к звёздам и летам!»
Но о правде в городе Сеуле
Знали только я да капитан.

III

С парой виз да бритвой в чемодане –
Дипломаты, скромные весьма,
Прибыли в Сеул мы.
Холодами
Встретила нас южная зима.
Холодно! Не за горами выюги.
На базарах – бой из-за угля.
Надеваем – русские! – на юге
По две пары тёплого белья.
Комнату биваку уподобя,
К огоньку садимся потесней,
Холодно в большом и людном доме.
В одинокой фанзе – холодней!
Холодней, когда стучится глухо
Ветер в безответное жильё.

IV

В фанзе одинокая старуха
Да сироты правнучки её.
Всё, что было, – отдано менялам.
Прикорнули молча стар и млад
Под худым последним одеялом
Из квадратных шёлковых заплат.
Иней по углам разросся цепко –
Третий день не топлен камелёк,

Дорога подобранный щепка,
Найденный случайно уголёк.
Нынче куклы девочкам не снятся.
Ждут они рассвета.
Снова им
Нужно в ближних улицах заняться
Ежедневным промыслом своим.
Холод гонит их с пустым ведёрком
По глубоким снежным колеям,
По чужим нахмуренным задворкам,
У сараев угольных и ям
Ворошить золу железной спицей,
Детскую надежду затая:
Может быть, остались там крупицы
Не совсем сгоревшего угля.

V

На помойке чёрная собака,
Воробы с взъерошенным пером,
Да у пирамид пустого шлака
Две девчонки с угольным ведром.
Вот они склонились над золою,
Им ещё не видно, что туда
В сапогах солдатского покроя
Молча приближается беда.
Оглянулись и окаменели:
Во дворе, увидев их одних,
Капитан в распахнутой шинели,
Человек со шрамом – шёл на них.
Это – русский!
Девочки не смели
В страхе на него поднять ресниц.
Видя, что от стужи посинели

Руки семилетних истопниц,
Над золы встревоженою горкой
Он, вчера приехавший в Сеул,
Поднял их дырявое ведёрко,
Чуть помедлил и... перевернул.
Знать, расправа близко...
И, однако,
Улеглась взметённая зола,
Завернулись в снег кусочки шлака –
Дорогие зёрнышки тепла,
И они увидели, как чудо,
Что в пяти шагах от шлака, там,
Над мерцавшей угольною грудой,
Взяв совок, склонился капитан...
Оглядев их латаные блузки, –
Нищета везде одна и та ж! –
Им сказал, им улыбнулся русский:
– Приходите! Это уголь – ваш.
И всю зиму, падал снег ли, выюга ль
Выла в перекрытьях чердака,
Жаркий-жаркий капитанский уголь
Согревал семью у камелька.

VI

Март промыл дождями водостоки,
Распустил акацию апрель,
Подошли и наступили сроки
Возвращаться нам за параллель.
Пистолеты прицепив на пояс, –
Дипкурьер в дороге, как в бою! –
Сели мы на уходящий поезд,
Завершая миссию свою.
Дрогнул трижды колокол из меди,

Двинулась вокзальная стена...
Только что там? – Капитан заметил
Из уже бегущего окна,
Там, на переполненном перроне,
В паровозном тающем дыму
Двух сестрёнок робкие ладони,
Словно в стужу, тянутся к нему...
Он, раздумья побороть не в силах,
Слушал, отвечая невпопад.

VII

Щедро, как бывает лишь в России,
Крыши одевает снегопад.
Стаей белых пчёл, покинув улей,
Осаждает окна снежный рой,
Как в ту зиму, в пасмурном Сеуле,
В стороне холодной и сырой.
И встают из этих снежных далей
Ветхой фанзы утлыес углы,
След неровный маленьких сандалий,
Пирамиды шлака и золы,
Коротко подстриженные чёлки,
Стиранные фартучки в золе...
Детством обойдённые девчонки,
Как-то вам живётся на земле?

В ювелирном магазине

Пускай тебе на этот раз приснится
Страна, где не бывает снежных зим,
Хорошенькая очень продавщица
И скромный ювелирный магазин.,
Где на руке своей сомкнув запястье
Из тех, что очень нравятся, она

Протягивает руку мне на счастье,
Моею просьбой не удивлена...
Всё так.
Но не отступничество это.
А просто я, кочуя вдалеке,
На ощупь примерял длину браслета,
Чтоб он тебе пришёлся по руке.
А продавщица?
Грех её обидеть.
Мерцало на руке её – кольцо.
Но если б только ты могла увидеть
Её вдруг погрустневшее лицо:
Склонившись низко над полоской чека,
Успев о покупателе забыть,
Она совсем другого человека
Представила невольно, может быть.
И, верно, не подарку дорогому,
Оставшись за витринами одна,
Не золоту, не камню,
А другому
Чему-то позавидует она.

Над раскопками Ниссы

Взойдя на холм тропою каменистой,
Я сел на камень, подвернув полу.
Пустое дно долины было Ниссой.
И значит я – на городском валу.

Кусок стены, песчинками истёртый,
Дождями и сухой позёмкой вьюг.
...Здесь тишина была и вправду мёртвой:
Века прошли с тех пор, как умер звук.

И лишь внизу,
Там, у подножья сопок,
Уйдя в дела серьёзные свои,
Рабочие траншеями раскопок
Сновали, как большие муравьи.

Старик, в панаме, бережно и скруто
Там землю обнажал за слоем – слой.
И коршуном профессорская лупа
Кружилась над старинной пиалой.

Её возьмут и, отряхнув от пыли,
Запишут, из каких она слоёв.
А из неё живые люди пили,
Густым вином наполнив до краёв;
Любили женщин, радуясь и мучась,
Пахали.
На соседа шли войной.

...А ведь и нам,
И мне – такая участь.
И значит, так и надо под луной –
Чтоб всё, что было самой яркой былью,
Всё, что земля оставит от меня,
Белесой, никому не нужной пылью
Осело под ударом кетменя?

Нет!
Шли монголы,
Разверзались тверди,
Сметались царства,
Гибли города.
Но гордую легенду о бессмертье
Не забывали люди никогда.
И, не солгав, иные говорили,

Встречая смерть насмешливо:
Мол, вот
Не весь умру! –
Душа в заветной лире,
В холстах и камне
Прах переживёт.

Век девятнадцатый...

Век девятнадцатый,
Ещё не знавший конок,
Вверявший жизнь
Седлу и парусам,
Век девятнадцатый, я твой,
Я твой осколок,
Твой пылкий мальчик-мичман
И гусар!

Я опоздал...
И не вернуть пропажи:
Ни сабли той,
Ни полковых друзей;
Мой ящик с пистолетами Лепажа
До моего рожденья сдан в музей.

Мой старый бриг
С изорванной оснасткой
Лежит на дне коралловых морей.
Мои друзья
Ушли в Сибирь с Сенатской,
Не зная о причастности моей.

Пунш отпыпал,
И голоса умолкли,

Остыла мысль,
Оборвалась строка...
Пусты пенаты гения на Мойке
И муз другой приют –
У Машука.

Дерутся нынче разве что в Толедо!
И лишь во сне порой,
Смешав века,
К гусарской сабле
Или пистолетам,
Не находя их,
Тянется рука...

* * *

Голоса с того света! –
В полуночный час
Удивлялись ответам
Сpirиты подчас.
Допотопные бороды,
Воротнички...

Были в деле подобном
Они новички.
Мы смеёмся сегодня
Над их простотой
И над их легковерьем...
Однако, постой!

Эти чёрные диски
Застывшей смолы
Под алмазною искрой
Поющей иглы,

С голосами актёров,
Умерших давно,
Тех, с одним из которых
Мы пили вино,
А с другим колесили
До рассвета в такси,
Заодно с ним басили –
Хоть святых выноси!

Ты постой! Да ведь это –
В полуночный час
Голоса с того света
Нам с тобою звучат!
Словно нет на Ваганьковском
Свежей плиты...
Я уйду.
Одинокой
Останешься ты.

Позабудешь обиды
И простишь мне грехи.
Я тебе с того света
Почитаю стихи.

Чаши юбиляры

К 100-летию П.Ф. Морякова

Анатолий Чернышёв

Столетие в разрезе вечности

Когда отсчёт идёт на столетия, то это уже – сама История. Живая История! Не по учебнику, а наяву. Вот она: стоит в виде поэта Петра Морякова – сто лет! А Лермонтову в октябре исполнится двести. Мгновения в масштабе вечности.

Моряков своё второе столетие начал 25-го января. А 26-го новосибирцы отметили это событие в областной научной библиотеке. Да и где ещё отмечать юбилей автора поэтических книг как не здесь? Тем более, что двери этого храма культуры всегда гостеприимно открыты. Как для читателей, так и для авторов: и профессионалов и любителей. И хозяйка радушная: Татьяна Николаевна Красникова – заведующая отделом абонемента библиотеки. На этот раз она выступала в роли ведущей.

В своём вступительном слове Пётр Фадеевич посетовал на морозы: мол, звонят, поздравляют и извиняются – морозы сильные, прийти не сможем.

– Я думал, что зал будет пустой, а он полон.

А зал действительно был полон. Да и как пропустить такое событие? Пропустить «мгновение» Петра Морякова, спрессованное в целое столетие? А в него уместились – страшно подумать! – и первая мировая война, и ещё более истребительная гражданская, и коллективизация, не уступающая по числу жертв целой войне, и сталинские репрессии, и великая отечественная, и великие стройки коммунизма, и подъём целины, и хрущёвская кукуруза, и строительство знаменитого БАМа. И пафос, и патетика, и «гром победы раздавайся».

Вот такое оно, «мгновенье» Петра Морякова, отдавшего почти полвека прессе. И армейской, и гражданской. А значит, прочно вписанное в его биографию, и заставившее на склоне лет вопрошать:

*Была Россия сверхдержавой
С крутым характером и хваткой,
Гордилась силою и славой.
Куда девалось всё? Загадка.*

Какая уж тут загадка? Просто передряги и перестройки не укладываются в его голове. Но он себя утешает:

*Нас и прежде не раз заносило,
А Россия живёт, всё живёт!*

Действительно – неистребимая живучесть! И России, и самого Морякова – журналиста и поэта. Не хочешь да подумаешь о памятнике этой живучести, этой неистребимой силе. Хотя... Великий учёный Менделеев в своём демографическом прогнозе предсказывал – ещё в 22-м году, – что к 21-му веку население державы составит 560 миллионов человек. 560 миллионов! А мы сегодня радуемся каждому рождению ребёнка: боимся вымереть, исчезнуть как нация, как народ.

Куда девалось всё? – вопрошает Моряков. А неистребимая жизнь стучится к нему в двери. И он пишет стихи о «бомже», обосновавшемся в подъезде его дома. И умиляется, что тот бедолага, встречая свой новый год, поставил на площадке ёлочку и украсил её игрушками. И сердца жильцов, ворчавших на непрошёного постояльца, растаяли, отмякли, прониклись сочувствием к изгою.

Вот уж действительно – неистребимая живучесть.

Моряков по складу ума и характеру – лирик. И писать бы ему о берёзках, рябинах, журавлях. О домашнем уюте, о тепле семейного очага, т.е., как сказал Александр Твардовский,

*Жить бы мне век соловьём-одиночкой
В этом краю травянистых дорог,
Звонко выщёлкивать строчку за строчкой,
Циклы стихов заготавливать впрок.
О разнотравье лугов неприметных,
Зорях пастушьих, угодьях грибных.*

А изломанная, исковерканная жизнь приходит к нему на площадку с новогодней ёлочкой, и он снова удивленно вопросивает:

*Ну, вот и кончилась обедня.
А где же рай в одной стране?*

И звучит это так искренно, так по-детски наивно, что и сам удивляешься – а действительно, где? Нет,

Моряков не ходил по этапам, не бросался грудью на амбразуры, не «бомжевал», не «челночил». Судьба миловала его. А сердце, оно ведь чуткое, приметливое, – всё подмечает, всё копит, а переполнившись, выплескивает в стихи. Вот стихотворение «Обречённый обоз»:

*Ещё и солнце не всходило,
Лишь кровоточила заря,
А всё село уж в голос выло,
И выли псы, закрыв глаза.*

Всё село! И обречённые и не обречённые: и те, что оставались дома, и те, что с детьми и стариками под стражей двинулись в Нарым. Целым обозом!

*Прощаюсь, бабы причитали.
Одна махала всё платком...
Она так пела и плясала,
Как будто тронулась умом.*

Эта пляска отчаяния, пляска обречённости и бесшабашности навечно врезалась в память поэта. Всё потеряно: и родное

село, и родной дом, и прикипевшие к сердцу односельчане, и привычный крестьянский уклад жизни. Что может быть страшнее? Неволя? Так она, уже тычет тебя в спину конвойным наганом. А страха нет – жизнь кончилась. Отсюда и эта бесшабашная пляска, и частушки, и отчаянная удаль: прощай село, прощайте, люди.

А ведь лирическая муз Морякова настроена на уютные миниатюры, похожие на афоризмы. На домашний быт, на семейный уклад, на тепло мирной жизни с берёзками, рябинками, с журавлями. С влюблённостями и мечтаниями. В его стихи входишь как в тепло домашнего уюта, где всё обыденно, узнаваемо, давно знакомо. Ни высоких страстей, ни повышенной тональности. Даже «Обречённый обоз» выписан сдержанно, без эмоций – как бы со стороны. Да, жизнь врывается неприглядными сторонами, но «люди тянутся к раздумьям о Боге, долгे и душе».

Боль – не беда.

Была бы чуткость.

Беду с ней легче пережить.

Одна она лишь может чувства

Из сердца в сердце перелить.

Юбилей Морякова совпал с годом культуры. И в этом есть что-то символическое. Культура начинается с языка. Британская империя превратилась в островное государство – и то на грани развала, – но почти полмира говорит на английском языке. Русский язык – где-то на четвёртом месте. Тоже не мало.

Затем идёт религия, вера. Россия ушла с Аляски, но оставила там православные храмы, православные обряды, православную культуру. Поэзия со своей исповедальностью – та же религия.

И очень хочется верить, что мы вступаем в новую эру: не убий, не укради – ну разве культура совместима с коррупцией? Обнадеживает и приветствие президента России Владимира Владимировича Путина: из далёкой Москвы, через голову политических, экономических, олимпийских забот долетел его голос до нашего юбиляра. До служителя культуры, а не бизнеса, наживы.

С поздравлениями к микрофону подходили и министр культуры нашей области Василий Иванович Кузин, и начальник управления социальной поддержки населения города Марина Валентиновна Хрячкова, и заместитель главы администрации Ленинского района, где живёт юбиляр, Татьяна Викторовна Алькова, и директор фонда культуры города Вячеслав Юрьевич Гаврилов, и конечно же, председатель писательской организации области Анатолий Борисович Шалин, и председатель журналистской организации области Андрей Геннадьевич Челноков, и хозяйка храма культуры, директор библиотеки Светлана Антоновна Тарасова – заслуженный работник культуры.

Старейший писатель города и старейший журналист был завален цветами. И не только: Вячеслав Юрьевич Гаврилов вручил ему сигнальный экземпляр нового сборника стихов, Андрей Геннадьевич Челноков только что учреждённую Союзом журналистов России медаль «Золотое перо» с порядковым номером – один, а Марина Валентиновна Хрячкова – конверт с денежной премией.

Был показан и фотофильм о юбиляре, подготовленный ветераном журналистики Лидией Михайловной Ливневой. Звучали и песни на стихи юбиляра.

А украшением торжеств стала театральная сценка, подготовленная руководителем литературного объединения «Молодость» Евгением Фёдоровичем Мартышевым. Он

взял её из кинофильма «Белое солнце пустыни», похитив гарем у Абдуллы, и раздавив его жен Петру Морякову, словно напоминая о молодости не стареющего ветерана. Сам он был в роли Фёдора Сухова, а «жёны» – коллеги Петра Фадеевича по цеху поэзии.

А сколько желающих поздравить

юбилияра теснилось у микрофона! Но время – увы! – не резиновое. Поэтому просто клали цветы на стол и отходили.

Праздник удался. Дай, бог, чтобы он стал двигателем культуры, двигателем развития области, совершенства нравов и общества. А в нравственном обществе и законы работают, и коррупция чувствует себя неуютно.

Фото Н. Семеновой

Очерк и
публицистика

Анатолий Чернышёв

Живая плоть истории

Здравые мысли иногда посещают и великих. Карл Маркс как-то признался, что у Бальзака «почерпнул больше для познания буржуазного мира, чем из целого ряда научных трактатов». Сам Карл Маркс! Мудрейший из мудрейших!

А что остаётся его эпигонам и последователям? Тому же Ленину? Учиться по Марксу или по Бальзаку? То есть, по реальной жизни или по умозрительной схоластике, где от каждого по способностям и каждому по потребности: кому – королевскую яхту, а кому рыболовную снасть.

– Удочку ему! Удочку! – кричат нынешние либералы, имея в виду пушкинского рыбака.

Видите, как естественно и предметно Пушкин упреждает «здравую» мысль Маркса, ещё не зная ни грядущего мыслителя, ни его учёных трактатов. Но зная человеческую психологию и реальную жизнь.

Писатели ближе к своему народу, к реальной жизни. Они остро чувствуют её боль и радость. Чувствуют её нерв. Возьмите Дениса Фонвизина, его бессмертная комедия «Недоросль», о котором светлейший князь Потёмкин сказал автору – умри, Денис, лучше не скажешь.

Здесь сама фамилия Простаковой о многом говорит: о размеренной патриархальной жизни поместного дворянства, о простых будничных потребностях и нехитрых житейских интересах – «варенье, вечный разговор про дождь, про лён, про скотный двор...»

А ведь только что прошумели оглушительные реформы Петра с переодеванием в камзолы и парики, с помпезными ассамблеями и карнавалами на европейский манер, с гувернёрами и гувернантками французского пошиба.

Увы, Россия так и осталась Россией со своими нравами, со своей культурой, со своим историческим опытом и возрастом: мамины туфли не прибавляют роста, даже если они на высоких каблуках.

А возьмите Обломова. Далеко ли ушёл он от простоватого Митрофанушки, своего предка? Да, Обломов образованней его. Он знает, что дверь в любом состоянии является име-нем существительным, а никак не прилагательным, хотя в житейской логике здесь Митрофанушке не отказать. Но родственные корни между ними налицо. Для истории ведь столетие – одно мгновение.

Это бесы живут вскачь, не замечая эволюции. Им надо всё сразу и сейчас. Как пушкинской старухе. И пусть золотая рыбка об этом позаботится. Иначе смута и революция. Обстоятельное последовательное развитие общества в соответствии со своим возрастом их не устраивает. Они, как дети, не понимают реальных условий и возможностей: хочу и всё!

Но если это «всё» даётся сразу, без личных усилий и труда, не умеют его ценить и не знают, что с ним делать. Возьмите Евгения Онегина, наследника всех своих родных. «Деревня, где скучал Евгений», не доставляет ему удовольствия, хотя это «прелестный уголок»: даровое – оно и есть даровое. И самое странное – воспринимается как должное, как обыденное. И... порождает иждивенчество.

Но Евгений Онегин – уже не поместное дворянство. Это – столичная штучка. Другой уровень воспитания.

*Он по-французски совершиенно
Мог изъясняться и писал;*

*Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно.
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умён и очень мил.*

Тут явные следы наносного Петровского чужебесия с его ассамблеями и карнавалами. Именно чужебесия, а не европейской зрелой цивилизации с её деловой хваткой и практичностью.

Но и он от Митрофанушки и Обломова отличается только светскими манерами, а праздность и барская бесцельность, бессмысленность бытия всё те же. Житейская зрелость, не говоря уж о гражданской, не наступила, хотя раскол с поместным дворянством состоялся. Оно вынесло ему свой вердикт: «Сосед наш неуч; сумасбродит: он фармазон...»

Однако Онегин хоть и неуч и фармазон, но всё же свой, доморощенный фармазон, вполне узнаваемый. Даже в сумасбродстве. С его отменой «барщины старинной, что породило неприязнь поместных соседей – пример-то больно соблазнительный для крестьян. Отсюда – неуч, фармазон.

Но Онегинская непрактичность – всё же русская непрактичность. А вот Ленский, который «из Германии туманной привёз учёности плоды» и вовсе сходил «за полурусского соседа». Распад общества, его расслоение уже наметились. И Пушкин здесь просто дополнил своих литературных предшественников.

А дальше что? А дальше вырождение сословия, не приспособленного к трудовым условиям жизни, к её движению.

*Служив отлично благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.*

Увы, промотался. Даже «служив отлично благородно». Дворянская вольность, дарованная Петром III, сыграла дурную шутку.

А Евгений и не служит, и не приспособлен к патриархальной сельской жизни с её натуральным хозяйством, где надо учитывать и капризы природы, и запросы рынка, и разумную меру трудовой повинности крестьянина. Он знал, «как государство богатеет и чем живёт, и почему не надо золота ему, когда простой продукт имеет», но всё это – от Адама Смита, т.е. схоластика в чистом виде. А сам он,

*Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.*

Тему, намеченную Пушкиным, продолжил Иван Сергеевич Тургенев – певец вымирающих дворянских гнёзд. А завершил – Антон Павлович Чехов. Хозяевами этих родовых гнёзд становятся купцы Лопахины, чаще всего – выходцы из крепостных.

В рассказе Тургенева «Хорь и Калиныч» крепостной помещика Полутыкина платит оброк барину и чувствует себя вполне вольным человеком. На вопрос рассказчика, почему он не выкупится, резонно отвечает, что боится «гололицых», т.е. бритой чиновной братии. А за барской спиной он как за каменной стеной. Ему и сам Полутыкин предлагает выкупиться – деньги-то, мол, есть. Нет, отнекивается: в вольном плавании дело-то придётся иметь с ним, с чиновником – а мы знаем что это такое.

Вот такие парадоксы: чиновник страшнее барина.

Кстати, деньги наживались не на высоких урожаях и приплодах скота, а на торговле. Тургенев показывает это на примере орловских и курских мужиков: «Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живёт в дрянных осиновых избёнках, ходит на барщину, торговлей не занимается». Да и местность такая же унылая: ни деревца, ни водоёма, изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой. Кормяется здесь от земли и помещики, и крестьяне, связанные барщиной.

Иное дело калужский оброчный мужик: «обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело... торгует маслом и дегтём». Калужская деревня окружена лесами, и для охотника здесь раздолье.

Но раздолье и для предпримчивого мужика. И рано или поздно Хорь выкупится «на волю». Или его освободит отмена крепостного права, и он вольётся в ряды русского купечества. А оно уже без смут и революций теснило дворянское сословие.

Вот вам и «ярем он барщины старинной оброком лёгким заменил». В масштабе одной деревни – крупная экономическая и социальная реформа. Без прокламаций и партийных сходок. Причём, более поучительная, чем сухой текст учебника. Живые лица, живые страсти, предметный уклад жизни – какая научнообразная схема может с этим сравниться?

А до Онегина были ещё и Фамусов с чадами и домочадцами и белой вороной среди них – Чацким, и персонажи Крылова, который сегодня куда актуальней и Пушкина, и его предшественников. Ощущение, что он сидит нос к носу с нашими властителями за одним столом и ведёт мудрую беседу. Они говорят о беспределе в ЖКХ, а он резонно замечает – а Васька слушает да ест. Они сетуют на утечку миллиардов в офшоры,

а он напоминает: «ворона каркнула во всё воронье горло: сыр выпал – с ним была плутовка такова».

Таких примеров множество. Отсюда вывод: Пушкин, безусловно, современник вечности. Но он не одинок. Рядом с ним идут удивительно талантливые предтечи и соратники. Одних он лично знал. Обсуждал с ними успехи и неудачи российской словесности. Другие – как, скажем, Денис Фонвизин – ушли до появления Пушкина.

Но пример их не остался незамеченным.

А какие восприемниками пришли после них!

Русская классическая литература – это не чтиво для развлеченья. Это живая история эпохи, неисчерпаемый кладезь «для познания буржуазного мира». Прочитай Карл Маркс сказку Пушкина «О рыбаке и рыбке», глядишь, избежал бы сумасбродной идеи «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Тем более, что и живые примеры с европейскими наполеонами и ротшильдами были наяву – куда уж наглядней и убедительней. Амбиции-то те же, что и у пушкинской старухи или у нынешних олигархов.

Вот вам и «здравые» мысли, с которых начался этот разговор. Приходить-то они приходят к великим, но не всегда дают естественный рост, расцвет благоразумия. Не оберегают от схоластики трактатов, оторванных от реальной жизни, и главное – от завышенного самомнения: слишком велика сила тщеславия, амбиций.

Геростраты и Нарциссы ещё не вывелись. И вряд ли выведутся.

Надя Трухина

Начало года культуры в салоне «Под сенью Пушкина»

18 января 2014 года – день чудес для членов Новосибирского регионального Пушкинского общества и гостей в салоне «Под сенью Пушкина». Почётным гостем салона

стал факелоносец олимпийского огня в Новосибирске 102-х летний Каптаренко Александр Александрович. Пришёл он румяный, жизнерадостный, готовый принять участие в обсуждении всех вопросов «Круглого стола» на тему: «Что

за прелест эти сказки!» Все, кто принимал участие в жарких спорах, получили право сфотографироваться с ним на память. Самая интересная из фотографий «Старый да малый», где ветеран спорта, писатель, пушкинист, участник чемпионата мира по настольному теннису в 100-летнем возрасте и 10-летний член Пушкинского общества Матвей Александров, горячий поклонник Пушкина и замечательный чтец стихов поэта. Чудом было и незримое участие в действе писателя и философа Виктора Тена, автора «немыслимой книги» «По-92

следнее дело «Пушкина». Тен изменил устоявшееся мнение об отношениях Пушкина и окружавших его людей, о перво-причинах дуэли, совершенно по-иному освещается история написания и смысл пушкинских шедевров, в том числе сказок. Один из рецензентов книги Тена называет сказки болдинского периода «историей любви».

Третьим чудом для присутствующих стала «поющая чаша» – религиозный атрибут буддизма. Удивлённые, восхищённые и потрясённые слушатели как бы прошли проверку состояния своей психики. За «Круглым столом» обсуждались вопросы:

1. Почему книга В. Тена «Последнее дело Пушкина» названа «немыслимой книгой»?

2. Как и для чего пытался Пушкин приобщить жену к своему творческому процессу? Как это происходило?

3. Удалось ли Пушкину создать общую его с Натали духовную гавань?

4. Почему процесс воспитания юной жены Пушкин начал со сказок?

5. Можно ли назвать 5 сказок болдинского периода сказками для Натали?

6. Какие качества ценил Пушкин в женщинах и хотел бы в полной мере видеть их в жене?

7. Некоторые из современников считали, что в период 1831–1836 гг. талант Пушкина затухает, другие же утверждали, что им созданы шедевры, и он поднялся до высот своего творчества. Ваше мнение?

Итак, «сказки для Натали», «история любви», а не только сказки для детей и сказки для взрослых. Каждая из формулировок верна по -своему. Активное обсуждение формирует мнение. Да, Пушкин боролся за то, чтобы, не ограничивая свободу, заставить прекрасную женщину, супругу, полюбить

себя. Он поставил перед собой сверхзадачу, чтобы она полюбила и душой, возвыщенно, пламенно и нежно. Терпеливо и ненавязчиво, используя юмор, посмеивался над своими недостатками и недостатками Натали. Пушкин не только клеймил пороки (завистливость, коварство, религиозное ханжество, неспособность довольствоваться тем, что имеешь, жадность, самовлюблённость, высокомерие, равнодушие), но и являл широту взглядов, что крайне важно в таком житейском союзе, как неравный брак. Пушкин понимал: если ему удастся приобщить жену к своему творческому процессу, «заманить» её туда, то его семейному кораблю не будут опасны никакие бури. У них будет общая духовная гавань. Наталья Николаевна в Царскосельский период переписывала рукописи мужа и была свидетельницей публичных чтений поэтом новых стихов, т.е. была свидетельницей творческого взлёта своего гениального мужа. На плачевный итог: «Ах Пушкин! Как ты надоел со своими стихами!» – Пушкин сделал вывод, что Натали – ребёнок и её надо приобщить к серьёзной литературе, а начать со сказок. Работа над сказками началась, когда он начал тесно общаться с Натали, с семьёй Гончаровых, особенно с тёщей Натальей Ивановной, религиозной ханжой и лицемеркой. Для Пушкина и его читателей золото русского языка проявляется в сказке. Народная сказка – всегда дитя любви. Она рождается из сердца для любимого человека. Народная сказка не давалась Пушкину, пока он не полюбил и не испытал желания рассказывать сказки любимому человеку. Поздние сказки – это сказки для Натали. Только они и стали народными, ибо народная сказка высекается любовью, как искра. Говорили, что героем сказок является сам автор (псу Соколко на полях «Сказки о мёртвой царевне» Пушкин придал свои черты). Сказки для Пушкина были личной потребностью. Он вкладывал в них что – то очень дорогое и, может быть, «тайное». Земное имя этому – любовь.

Участников «Круглого стола» в ходе обсуждения интересовало многое:

– Почему церковь не осудила Пушкина за «Сказку о попе и работнике его Балде»?

– Так ведь не устои религии затронул он, а осудил человеческий порок: как же напоминает наказанный за любовь к дешевизне поп богомольную тёщу Пушкина, Наталью Ивановну Гончарову, мелочную ханжу.

– Как узнали 7 братьев царевну в незнакомке?

– Вмиг по речи те спознали, что царевну принимали. Её скромность, трудолюбие, верность скорее напоминали крестьянскую деву, но поэт считал, что всем настоящим женщинам присущи эти черты. В сравнении со своей высокомерной гордячкой – мачехой царевна прекрасна.

– Почему мужчины в сказках Пушкина безликие, безроптные подкаблучники?

– Это совсем не потому, что поэт не уважает мужчин, он хотел показать, какое зло может исходить от женщин завистливых, коварных, злобных и своенравных.

– С сестрами жены царя Салтана ясно – это свояченицы Пушкина: Екатерина и Александрина Гончаровы. А кто же сватья баба Бабариха?

– Это скорее всего тётка Натали, фрейлина императрицы Загряжская.

10-летний Матвей Александров жёстко осудил царя Дадона за предательство. Какой же он отец, если так быстро забыл о смерти своих любимых сыновей при виде шамаханской царицы, ставшей виновницей гибели воинов и страшной смерти обоих сыновей царя? На это 102-летний Александр Александрович сказал, что он прекрасно понимает старика – отца и глубоко ему сочувствует. Ведь красота – это страшная сила: она может не только спасти мир но и разрушить его

до основания. А царь Дадон – всего лишь мужчина, хотя и старый человек.

Уходя, участники разговора о сказках Пушкина уносили и полученные знания, и ёщё не разрешённые для себя вопросы. Хочется надеяться, что Пушкин поможет им в поиске ответов на вопросы и не позволит своим читателям и почитателям заблудиться на неведомых дорожках.

Фото Е. Красильникова

Лидия Зеленская

Страж памяти

Давно-давно, в середине 1980-х годов, я любила приходить в помещение Новосибирской писательской организации, которая располагалась на улице Каменской; писательский дом был невелик, но уютен, заставлен цветами. В небольших комнатах располагалась прекрасная библиотека, бильярд, литфонд, кабинет председателя правления организации. Самым большим был актовый зал, где писатели проводили свои собрания, встречи с учеными и интересными людьми Новосибирска, Сибири, Москвы. Вдоль одной из стен стояли шкафы с редкими и старинными книгами, в застекленных витринах лежали фотографии литераторов, стоявших у истоков писательской организации Новосибирска, и первые номера журнала «Сибирские огни». Был и писательский билет за № 1 члена Новосибирского отделения писателей, кому он принадлежал, я теперь не помню. Да и никто уже не помнит. Его нет. Вроде бы, небольшая потеря для мироздания, но когда берешь такие документы в руки, оживает время...

Писатели это понимали, поэтому мечтали о своем Музее, где бы сохранялись документы и память. Еще в 1939 году литературовед, общественный деятель Савва Елизарович Кожевников (1903–1962) поднимал вопрос о необходимости создания в Новосибирске музея истории литературы и книгоиздательства Сибири. Не получилось... В середине 1980-х годов тогдашний председатель правления Новосибирского отделения СП Зеленский Виталий Иванович (1927-2008) исхлопотал деньги у литфонда СП России на строительство

нового помещения для организации, – город выделил место в самом центре, напротив Оперного театра, на улице Орджоникидзе, дом 33. Первый этаж многоэтажного красивого дома отводился организации. Был вычерчен план, который председатель любовно держал на своем письменном столе – там были предусмотрены комнаты для писательской организации, библиотеки, «Сибирских огней», маленькой гостиницы для приезжих писателей и, конечно же, большой зал для Музея. Дом строился, время шло. В 1990-м году ушел с поста председателя В. И. Зеленский, чтобы руководить Сибирской Писательской Ассоциацией, а в стране началась перестройка. В девяностые годы львиная доля построенного для писателей помещения отошла банку. Музей негде, да и некому было создавать, даже библиотека с редкими изданиями исчезла.

Так и осталась бы печально-несбыточной мечта о Музее, если бы не Эмма Александровна Алискина, умершая недавно, в августе 2012 года, светлая ей память. В 1970-е годы Эмма Александровна работала директором отдела пропаганды при писательской организации, хорошо знала писателей-сибиряков, была энергичной и заинтересованной в своем деле женщиной. Работая с марта 1997 года в Новосибирском Обществе книголюбов, руководимым Т. В. Пендюриной, стала она собирать еще не пропавшие документы и книги, скоро маленькая комнатка в Обществе книголюбов заполнилась экспонатами. Так организовался «Общественный музей «Новосибирская книга».

А еще, на счастье новосибирцев, переехала к нам в город жить Наталья Ивановна Левченко, многие годы отдавшая музеиному делу. Окончив Полтавский Государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко, работала в литературно-мемориальном музее его имени, о чем и поныне вспоминает с радостью и гордостью. Красочно и живо гово-

рит о Короленко, о доме, где он жил, цитирует наизусть его письма, о близких писателя говорят, как о родных людях. Так же неравнодушно и творчески работала Наталья Ивановна в литературно-мемориальном музее им. Ф. М. Достоевского в Семипалатинске, заведовала выставочным залом «Прокопьевская береста», трудилась в Новосибирском Краеведческом музее. В 2000 году стала она директором общественного музея «Новосибирская книга». Тогда уже большой и редкой коллекции нужно было придавать статус государственности, мэрия решила передать коллекцию в ЦБС им А. П. Чехова, где уже был прецедент – создан Центр Национальных литератур. Руководила и руководит ЦБС им. А. П. Чехова Татьяна Борисовна Ганицкая. Музей переехал в две комнаты при библиотеке им В. И. Даля, которая входит в систему ЦБС им. Чехова. Городской Центр истории Новосибирской книги получил свой статус государственного муниципального учреждения культуры в 2004 году. За этими сухими строками, перечисляющими официальные события, стоит много труда, переживаний, взаимопомощи коллег, бессонных ночей и, быть может, слез Натальи Ивановны Левченко, с чьим именем связана теперь работа Центра.

В 2009 году ГЦИНК получил помещение рядом с библиотекой В. И. Даля, где сейчас живет и работает полноценно и с отдачей.

Звенит китайский колокольчик, привязанный к ручке входной двери Центра, входят посетители. Их встречает уютный большой зал с планшетами на стенах, витринами с выставками, фото-панно. –Видеоряд на планшетах – это история Новониколаевска-Новосибирска, часто глазами сибирских писателей. Вот фотография места, где началось строительство моста, рядом фото красавца Н.Г. Гарина-Михайловского, который не только определил место строительства моста

— местонахождение будущего города — но и был хорошим русским писателем. Рядом витрина с его трилогией — «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», фотографии писателя с детьми за работой в кабинете. С другой стороны — полки с книгами авторов-новосибирцев, лауреатов премии им. Н.Г. Гарина-Михайловского, которая была утверждена в 1986 году. На планшете рядом с фотографией писателя Ефима Пермитина цитата из его произведения — первое впечатление о Новосибирске в 1925 году, а вот впечатление Николая Самохина о городе, куда он приехал учиться в конце 1950-х годов. В стеклянных витринах выставки, посвященные юбилейным датам писателей — Ф. Березовского, А. Китайника, Н. Яновского, девяностолетнему юбилею «Сибирских огней». Страницы Новониколаевских газет от 1917 года на стенах настраивают на торжественный лад. В хранилищах Центра аккуратно лежат архивы С. Е. Кожевникова, К. Н. Урманова, А. И. Смердова, Е. И. Коронатовой, А. А. Грызова (Ачайра). Это рукописи и записные книжки, письма писателей, книги с автографами, фотографии. Мне особенно интересны эпистолярные разделы архивов, темы их, конечно же, связаны с литературой, но элементы жизни прошлых лет, аромат времени пропускают сквозь деловые разговоры на страницах писем. Вот, например, письма из архива С. Е. Кожевникова, который в 1940—1941 и в 1946—1953 годах был главным редактором журнала «Сибирские огни», почти на каждом пометка — «отвучено» — это свидетельствует о высокой культуре редактора, с уважением относящегося к своим эпистолярным собеседникам. Такие разные послания: телеграмма от Л. Сейфуллиной от 1947 года — «Комитетом пьеса одобрена точка сама решила не печатать точка возвратите экземпляр привет Сейфуллина». Трагическая — от жены писателя Г. Федосеева — «Скоропостижно скончался

Москве Гриша Целую Федосеева». Письма от Р. Кармена и К. Симонова, В. Шишкова и Г. Маркова. Интересны письма от академика В. Обручева, который был автором «Сибирских огней», вот отрывок из одного:

«17 марта 1948 г.

Уважаемый т. редактор! Недавно получил Ваше письмо от 25 февраля с отзывом о моем рассказе «Загадочная находка». Вы пришли к выводу, что, в конечном счете, рассказ рисует не победу, а банкротство науки. Я с этим не совсем согласен. Мы еще так мало знаем сущность атомной энергии, что было бы рискованно утверждать, что наука справится с ней вполне и поставит ее на службу человеку. Вспомните извержения вулканов, землетрясения, тайфуны, наводнения и другие стихийные силы, создающие катастрофы, с которыми наука совладать не может. Возможно, что страшная сила, полученная при разложении атомов, будет аналогична этим стихиям. Рассказ и хотел обратить внимание на то, что с атомной энергией нужно обращаться осторожно во избежание катастрофы. Можно ли ручаться, что метеориты, падающие на нашу землю, не являются осколками погибшей планеты? Астрономы, я полагаю, не могут ответить Вам на этот вопрос...».

Очень важно, что архивы не лежат «мертвым грузом», с ними работают не только новосибирцы, но и люди из других городов. Так, например, с архивом Ачаира увлеченно знакомилась доцент исторического факультета университета штата Аризона (США) Лори Манчестер, сотрудник института Мировой литературы им. М. Горького (Москва) Попкова Е. А., внучка В. Иванова, исследовала письма деда; искусствовед, создатель музея «Искусство Омска» Чирков В. Ф. и сотрудник литературно-мемориального музея им. Ф. М. Достоевского из Новокузнецка тоже работали в архивах. Вокруг архивов

ведется не только исследовательская, но и воспитательная, просветительская работа, экспонаты их служат материалом для выставок, для размышлений. Обычно архивные документы приносят в Центр родственники писателей, а вот архив А. А. Грызова (Ачаира), казачьего офицера, поэта, музыканта, последние годы жизни прожившего в Новосибирске, принесла Н. М. Стогова, член ассоциации Харбин, слегка застенчивая и очень деликатная в общении с людьми женщина. Она радовалась, что нашла место, куда может принести бумаги, фотографии, вещи дорогого ей человека, будучи уверенной в том, что архив будет сохранен с уважением и бережностью. В Центре появился зал «Парк Ачаир» (так назвала его Наталья Ивановна), где проходят выставки, связанные с историей литературы первой половины двадцатого века, камерные встречи с поэтами, музыкантами. Так, была проведена музыкально-литературная композиция «Свет твоего лица» по стихам поэта Ачаира, посвященная его любимым женщинам, в ней звучали произведения, могущие исполняться на музыкальных вечерах в Харбине в 30–40-е годы двадцатого века. В профессиональном исполнении студентов Новосибирского областного колледжа культуры и искусств, которые помогали в проведении этого мероприятия, прозвучали произведения А. Скрябина и Ф. Шопена, М. Мусоргского и Ф. Листа; большинство из присутствующих были «харбинцы». Сейчас готовится к выходу миниатюрная книга стихов поэта – архив Ачаира тоже не лежит «мертвым грузом».

В Центре есть большая коллекция книжной графики – более десяти тысяч единиц – собрание такого масштаба – единственное за Уралом. В зале с витражами проводятся веселые и красивые выставки художников-графиков, иллюстраторов книг, связанных с когда-то процветающим Новосибирским книжным издательством – С. Калачева, Х. Аврутиса, Э. Го-

роховского, Е. Зайцева. В октябре-ноябре 2012 года проходит в зале выставка С. Ким, чьи рисунки – красочные, нарядные, сложные по колориту и композиции, в них много точных деталей, тонких линий. Посетители не только любуются прелестными рисунками, но участвуют в конкурсе художественного чтения стихов и отрывков из иллюстрированных произведений. Учащиеся начальных классов пяти школ города принимали участие в конкурсе, трудно было кому-то отдать пальму первенства – так были хороши маленькие чтецы.

В начале ноября 2012 года вернулись из Красноярска работы новосибирских художников-графиков, предоставленных ГЦИНК Художественному музею им. В. Сурикова для выставки «Сказки и были народов Сибири», она проходила в течение нескольких месяцев и очень порадовала красноярцев. Выставляют свои картины в зале и новосибирские художники, так, в 2012 году прошли выставки Л. Сугак, С. Парамзина, И. Багринцева.

Прекрасно работает с детьми в литературно-художественно-краеведческих конкурсах И. В. Костюркина, молодая, энергичная сотрудница Центра, у нее педагогическое образование, обаятельнейшая улыбка и умение доводить дело до конца. Очень интересен для школьников, да и для родителей, конкурс рисунков – «Новогодний привет из Новосибирска». Дети рисуют заснеженное здание аэропорта «Северный», Кукольный театр и бывшую гимназию Смирновой, отражающейся в елочном шаре Оперный театр, а рисунки победителей составляют набор подарочных открыток, который вручают вместе с грамотами. Если проводится комплекс мероприятий для школ города (приняли участие двадцать четыре школы) к 200-летию Бородинского сражения – викторина, конкурс художественного чтения стихотворения «Бородино», презентация материалов о сибиряках – участниках Бородинского сражения – то по результатам выпускаются две книжки «Бо-

родино» с детскими рисунками и электронный диск со всеми представленными учениками презентациями.

О многих формах работы Городского Центра истории Новосибирской книги можно еще говорить. Это – встречи с писателями и лекции об основоположниках новосибирской литературы, презентации книг, работа с различными Обществами. В Центре проводят свои заседания молодежное литературное объединение «Творчество», Пушкинское общество, общество любителей миниатюрной книги, проводят Пасхальные и Рождественские встречи харбинцы. Работает литературно-краеведческий абонемент для младших школьников «Путешествие в бабушкин детство», фольклорные занятия «Картинки по старинке». Для старших школьников проводился литературный квест по Железнодорожному району к его 70-летнему юбилею и «Суд над Раскольниковым», и много-много других интересных действий. Множество людей бывает в стенах Центра, почти все они, заходя, говорят: «Как у вас чисто и уютно, сколько цветов!» За порядком в доме следит Г. Г. Соколова, она строго и ответственно относится к своим обязанностям. Рассказывая о работе Центра, я вдруг заметила, что не говорю ни о каких проблемах – они, конечно, есть – и материальные, и профессиональные.

Но так захотелось говорить только о хорошем. О месте, где хранится память о новосибирских писателях, среди которых было много людей с интересными, часто печальными судьбами. А ведь писатели, если они настоящие, – это элита нации. Мне захотелось говорить о месте, где ненавязчиво помогают интеллектуально познавать мир, восхищаться умом и добротой. Таких мест немного вокруг нас, хорошо, что у нас в Новосибирске есть Центр.

Вновь звенит китайский колокольчик, привязанный к ручке двери, человек заходит в Центр, чтобы узнать что-то новое для себя или вспомнить уже ушедшее.

Поэтические страницы

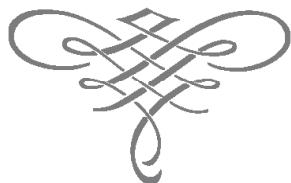

Александр Городницкий

* * *

В прошлое заглядывая хмуро,
Вспомню, забывая про дела,
Педагога, что литературу
В нашем классе некогда вела.
Свой предмет, которому учила,
Полюбила с юности она.
И от этой, видимо, причины
Коротала жизнь свою одна.
Внешним видом занималась мало,
На уроках куталась в пальто,
И меня от прочих отличала,
Сам уже не ведаю – за что.
Но судьба любимчиков капризна
И в итоге неизменно зла.
«Пушкин однолюбом был по жизни», –
Как-то раз она произнесла.
«Пушкин был по жизни однолюбом».
И примерный прежде ученик,
Засмеялся громко я и грубо,
Ибо знал наверное из книг
Вульфа, Вересаева и прочих,
Их прочтя с прилежностью большой,
Что не так уж был и непорочен
Африканец с русскою душой.
Помнится, имевшая огласку,
В дневнике Михайловском строка:

«Я надеюсь все же, что на Пасху...», –
Далее по тексту дневника.
Гнев ее внезапный был прекрасен,
Голос по-девически высок:
«Городницкий, встаньте. Вон из класса.
Двойка за сегодняшний урок!»
И еще ушам своим не веря,
Получивший яростный отлуп,
Снова я услышал возле двери:
«Пушкин был по жизни однолюб.
Женщин на пути его немало,
Но любовь всегда была одна.
В том, что не нашел он идеала,
Не его, наверное, вина».
Мне ее слова понятней стали
Через пятьдесят с лихвой лет.
Замечаю новые детали,
Наблюдая пушкинский портрет:
Горькие трагические губы,
Сединою тронутая бровь.
Так он и остался однолюбом,
Жизнью заплативший за любовь.

Юрий Карасёв

Молитва

(светлой памяти А.С. Пушкина)

Когда стихи ложатся на душу,
Иду, сижу я иль стою,
Сам удивляюсь, это надо же:
Шепчу молитву я свою.

Господь, чтоб милостью великою,
Меня не бросил без ветрил,
Чтоб речь мою, вполне безликую,
Найтием слов благословил.

Слова, по силе – непонятные,
По благодати – Божий дар:
Стройны звучаньем, мыслю внятные,
На запах, цвет, на вкус – нектар.
А звук! Плыёт в священном шелесте,
Гудит тревожно, как набат...
И создавать из них бы прелести,
Которым всякий будет рад.

Слова такие, други-русики,
В исконном нашем языке,
А ценим мы его по слушаю,
А то забудем налегке.
И ссоримся на нём за здравие,
И колыбельную поём...

Такой язык любить – за правило,
По крайней мере – за моё.
Слова очистить бы, как камешки,
Дворец сложить бы, не тюрьму.
Да, был в Руси подобный каменщик...
Рождён... уж двести лет тому.

1999 г.

Владимир Эвдасин

В потолок палаты глядя

(1990–2013 гг.)

На тихий праздничный погребальный
Я вас обхожу приглашать.
Но не хочу, одружи, умирают;
Я заживо хочу, чтоб жили и страдали.
А. С. Пушкин

Веду бредовый диалог

(притча)

Я побывал недавно на погосте.

И вдоль, и поперёк тропинками прошёл.

И вот какое приглашенье в гости

На плитах памятных внимательно прочёл:

«Здесь спящие, пришли по зову предков.

Потомков ждут они – придёт и их черёд.

Нас навещай и навещай нередко –

О памяти своей заботься наперёд.

Здесь спящие, достойны уваженья.

Они прожили жизнь, а ты пока что нет.

Они совершили все свои свершенья,

А ты пока не смог, прожив немало лет.

Здесь спящие, все участью довольны,
Их вовремя судьба лишила суеты.
Проси тебя призвать к нам добровольно
И с нами отдохни от жизни маяты».

Спасибо предки вам за приглашенье.
Приятен мудрецов на этот свет привет.
Я много размышлял, и вот моё решенье,
На камне написал я вот такой ответ:
«Здесь спящие! О как вы поумнели!
Какими мыслями вам выпало блажить!
Я не мудрец. Селиться с вами мне ли?
Нет, предпочту, как жил так жить, и жить,
и жить...

Я счастье вижу вовсе не в покое,
Хоть устаю уже от суеты сует.
Мне жизнь немало красоты откроет
И вложит не один в мои уста куплет.

А к вам приду, когда мой срок настанет.
Лишь из последних сил переступлю порог,
Когда душа служить мне перестанет ...
А точный день и час пусть мне укажет рок».

К вам обращу завет мой и тревоги

(размышлизмы)

1

Как тягостен порог между хотеть и мочь,
Когда уже нет сил бессилье превозмочь.
Что толку, что светла, как прежде, голова
И рвутся из души по-прежнему слова,

Коль планы ты в дела не можешь воплотить,
Коль плоть твоя дрябла, чтоб полноценно жить.

И всё же у судьбы не попрошу поблажки –
Не уступлю себя ни наркоте, ни фляжке.
Пусть даже недвижим в изнеможенье слягу
И не смогу марать чернилами бумагу,
Но думать, но мечтать я всё ж не перестану,
Хоть чуточку живым пред вечностью предстану.

До самой смерти надо жить, – мне завещал отец.
Вот только, тягостно родным стать в тягость

под конец.

2

Мне чудится, что миг летального исхода
Не финиш мой, а старт для нового похода,
Куда душа уйдёт совсем без одеяний,
Но всё же с узелком исполненных деяний.
Суд вечности – не скор, но справедлив и строг –
Деянья перечтёт и подведёт итог.

По крохам собирал я тот малый узелок,
Но всё-таки не нищим шагну через порог
Меж тем, где жив пока я, и тем, где скажут – жил,
Я словом невесомым кой-что да натворил.
Из прозы хоть абзац, да песенка, да стих,
Надеюсь, попадут на чашу дел благих.

Желанный мне удел – в нём вечности порука,
Запомниться добром и дочери, и внукам.

3

Ни какие камни, бронзы и бетоны
Сохранить не смогут память обо мне.

Никакие плачи, причитанья, стоны
Обо мне не скажут будущей родне.
Сохранятся мысли на моих страницах –
Им дано поведать обо мне сторицей.

Над моей могилой памятник не ставьте
И тропу не надо до неё торить.
В память обо мне душой добреे станьте
И извольте долго, долго-долго жить!
Передайте дар мой будущим коленам –
Всё, что натворил я, пока не был тленом.

Нет в моём наследстве скарба дорогоого,
Всё, что накопил я, уложилось в слово.

4

В памяти потомков предки остаются,
Если совершают добрые дела,
Коль ещё при жизни высоты добываются,
Если при паденьи всё же честь цела.
Ну а нет, так что же, выпадет забвенье,
В памяти сотрёшься через поколенье.

Вам, мои потомки, предок завещает:
Прах мой под корнями кедра пусть лежит.
Кедр всю мою сущность до конца впитает,
В кедрачных свечках я продолжу жить.
Станет скоро кедр мой основаньем бора,
Памятником вечным древа родового.

Вот такой, потомки, вам даю урок:
Памятником роду заложить борок.

5

Когда душа от плоти отлетит
На небо или в плоть иную

(Кто наших душ маршрут определит –
Чья в рай, чья в ад, чья в жизнь другую?),
Я не хочу чтоб то, что телом было,
Моим футляром, под землёй изгнило.

Оно служило верой – правдой мне,
Ему мои достались боли.
Убежище, уютное вполне,
Достойно благородной доли:
Не пищей быть червям, не гнить до мрази –
Дотла сгорев , взлететь, как звуки в джазе!

Да будет вам моей последней волей:
Футляр мой отвезите в крематорий.

Автоэпитафия

Следуя моей последней воле,
Выдохнул дымочек крематорий.

Так уж в моей жизни приключилось,
Что не все исполнились мечты,
Со здоровьем дружбы не случилось,
Увязал в болоте суеты...

Нет, признаться, не был я несчастен,
Не терял надежды и в пути
Над судьбой своей всегда был властен.
Так что, вспоминая, не грусти.

Не грусти, не истекай слезою,
Просто тихим словом помяни:
Не героем я бывал порою,
Но и не позором для родни.

*Гости
Пушкинского
альманаха*

Людмила Одиянкова

Заслуженная артистка России, профессор МГУКИ.

Один день в кино

«Завтра встреча с режиссером, надо быть в 10.00 утра и хорошо выглядеть», – улыбнулась мне пышная, молодая женщина, ассистентка по актерам. – «Пока, моя дорогая».

Я с уважением смотрела ей вслед. Женщина мечтала стать артисткой, не получилось, но в манерах и в голосе сохранила артистизм, от которого не спешила избавиться, а, наоборот, пустила в дело. Удачно пользовалась им в общении с артистами, поэтому без особого труда, как говорят «на раз», покупала их. Когда-то не оценили ее, не приняли, и что? Зато теперь она сама выбирала артистов и предлагала режиссерам. Кого отметит, тот и будет сниматься. Скажет «мой дорогой» или «дорогая», и артист в ее власти. Сегодня она подарила надежду мне, надо только дожить до утра.

Утром режиссер дружелюбно протянул руку.

– Здравствуйте! Как добрались? Без происшествий?

– Кто же в наше время передвигается без происшествий?

Разве только птицы. Я бы хотела стать птицей, только не чайкой, а то кому-нибудь взбредет в голову подстрелить.

– Свободолюбивое вы существо, – пошутил режиссер.

– Хочется дышать свободно, вольно, да не всегда получается.

– Да, высоко взлетишь, больно падать.

Контакт между нами наладился быстро. Заговорили о кино, и он признался, что в кино пришел недавно.

– Моя первая профессия – физик, ничего общего с искусством, но однажды что-то внутри щелкнуло, и я понял, что меня тянет в кино.

– Вы не первый прошли такой путь, среди талантливых режиссёров есть бывшие физики.

– Я всегда говорю, что пришел в кино случайно и, как ни прискорбно, в свои фильмы не влюблен.

– Вот это действительно странно.

– Да-да, затраченные силы превышают художественный результат. Хотел бросить это дело, да не могу.

Он развел руками и искренне засмеялся. С ним было легко, и с этого момента я почувствовала к нему необыкновенную симпатию. У нас оказалось много общего. Мой опыт в кино тоже был небольшой, и мне тоже пришлось пережить не приятности. Хотела с ним поделиться, что всякий раз, когда зажигалась на камере лампочка, меня переполняло волнение, из-за которого возникала лишняя нервозность, и что кино приносило мне больше мучений, чем удовольствия. Но промолчала.

– Надеюсь на скорую встречу, – любезно попрощался режиссёр.

– До свидания, спасибо! – улыбнулась я и, выйдя из офиса, попала в объятия ассистентки.

– Ро-ли по-ка нет, тебе ее привезут до-мой на днях, – приглушенно выговаривала она. – Открываю го-су-дарст-венную тайну. Ты будешь играть жену профессора. Про-фес-соршу.

– Передохнула, хмыкнула и со значением покивала головой. – Да-да, будешь с мужем-профессором гулять на свадьбе до-чери. Чуешь?

Что она хотела этим сказать, я не почуяла, но таинственный подтекст повлиял на мою фантазию. По дороге домой я уже фантазировала, как буду играть роль профессорши.

— Смотреть на благополучную жену известного человека не интересно, — сочиняла я, — надо «испортить» ее судьбу. Надо чтобы она хлебнула голодной студенческой жизни, прежде чем влюбится в «него». «Он» ей, конечно, не пара, но любовь не видит разницы в происхождении. Это для его родителей важна «чистота породы», поэтому они устроили ей «веселенькую жизнь» и попортили столько крови. И после последнего скандала, разочаровавшись в новых родственниках, она порвала с ними окончательно.

Будущая роль не выходила у меня из головы, я о ней думала постоянно, хотя не читала сценарий. Наконец, через несколько дней из телефонной трубки вырвался уверенный голос ассистентки. Раздалась команда, чтобы я спустилась к машине и забрала роль. Я вылетела на улицу. Дорогая черная машина тормознула рядом со мной, когда чья-то рука протянула из окна свернутый в трубочку листок, а голос прокричал, что останавливаться некогда — времени в обрез. Машина пугающе взвизгнула и умчалась. На развернутой бумажке я прочла текст из одного предложения и чуть ниже приписку, что «остальное получишь на съемочной площадке». У меня внутри похолодело.

Шел сильный дождь, погода была паршивая. Я добралась до гостиницы, в которой проходили съемки, и примостилась в уголке огромного вестибюля. Народу было много, все ждали приглашения войти в помещение. Знакомых не заметила, стояла одна и наблюдала за тем, как кто-то обнимался, кто-то смешил других свежими новостями, больше политическими, кому-то нравилось, как травили анекдоты, и они просили еще и еще. Люди смеялись, а мне почему-то было грустно.

— Слушайте, а почему мы, собственно, здесь торчим? — возмутился мужской голос. — Зачем я встал в шесть утра и пен-дюхал в дождь? Чтобы подпирать эти колонны? Кто-нибудь может мне ответить?

Одни молчали, другие продолжали смеяться.

— Люди! — заорал он. — Мне надоело быть быдлом. Дайте телефон этой тетеньки, как там ее...

Неожиданно массивные двери раскрылись, появился человек в казенной форме и, сухо сказав «идите», тут же удалился. Толпа ринулась к дверям и в одно мгновение перетекла из вестибюля в просторный зал. По сценарию здесь должна играть свадьба. Все разделились по группам, актеры и статисты не смешивались, каждый знал свое место. Подождали еще часок. Когда пахнет деньгами, пусть даже копейками, люди готовы мокнуть, голодать и бесконечно ждать...

Прошло еще часа два. Все изнемогали. И вдруг на середину зала стремительно вышел невысокий молодой человек, сложил руки на груди, как Наполеон, поднял подбородок и, не поворачивая голову, только глазами осмотрел «поле брани». На застывшем лице сияло торжество победителя. В этот момент существовал только он и место будущего сражения, а все остальное — пыль и пустота. Он стоял неподвижно. Само живое изваяние.

— Смотрите, смотрите, это же он, — прошептала женщина, указывая на изваяние, и ее соседки сразу оживились.

— О-о-ой, и, правда, он, — с сожалением подхватила другая.
— Какой мелкий, как мой Вовка. В кино они все лучше, чем в жизни. Вот расскажу Вовке, пусть порадуется, что он не хуже, чем этот артист.

Не опуская подбородка, артист развернулся и быстро покинул зал. Как только он вышел, во всех уголках зала поползли шепотки и шутки, людям уже было не скучно сидеть

за голыми столами. Женщины перемывали косточки артисту, пожизненно присвоившему себе титул «звезды».

В это время у входа в зал наметилось движение, и все взгляды устремились туда. Обкладывая все вокруг матом, мужики тащили кофры, а женщины, проклиная все на свете, волокли здоровые мешки и пакеты в костюмерную. За стенкой-времянкой, сооруженной из нескольких ширм, расположилась эта самая костюмерная. Туда сунула нос озабоченная художник-костюмер и выскочила назад. Оказывается, ей надо было в другой конец зала. На ее плечах висели костюмы, которые то и дело сползали вниз и, как бы она их ни поправляла, падали и тянулись по полу, мешая идти. В противоположном конце зала примеряли костюмы, вот туда она и нацелилась. Художнице только что сразила новость, от которой у нее пошатнулись ориентиры, – в свадебной сцене вместо одной будут участвовать две пары брачующихся, значит, одеть в костюмы нужно не одну, а две пары молодых.

Набегу она наткнулась на меня:

– Вы знаете, я перепутала номер телефона, не могла до вас дозвониться, чтобы узнать ваши размеры, костюм вам не подобрала, так что вместе будем думать.

Пока до меня дошло, что это значит, она уже растворилась. Мне показалось, что я потеряла часть своей головы и ничего не соображала. Все вмиг перевернулось и понеслось кувырком. Пробегающая обратно костюмерша дернула меня за рукав.

– Можно порыться в той куче, за стенкой, слева, слышите меня. И самой подобрать что-нибудь подходящее.

Я кивнула, и в моей уже не здоровой голове что-то стукнуло.

– Она направила меня к мешкам. Вот сюда ткнула пальцем. Значит, я иду правильно. В каком мешке велела порыться? – гу-

дело в голове. – Мешков много и все очень большие. Рыться придется до завтрашнего дня. А сниматься пригласили сегодня.

В этой куче вещей мне ничего не подходило. Я перекладывала тряпки с места на место и понимала, что уже ничего не найду.

– Ага, вот вы где! – громыхнула позади меня художник-костюмер. Я вздрогнула.

– Давайте примерим это, – напугала она опять. – Или лучше это! – взмахнула прозрачной блузкой и сразу отбросила ее в дальний угол. – Нет- нет, не надо. Дайте вон тот пиджак. Я подала.

– Какая гадость, бросьте его. Возьмите-ка во-о -о-н тот, – протянула женщина, и ее голос внезапно сел, она захрипела.

Я с удивлением повернулась в ее сторону и почувствовала, что в горле у меня запершило. Хотела спросить, почему она заговорила басом, но не смогла, звука не было, мой голос пропал.

Между тем она продолжала рыться в тряпичной куче, добывая для меня праздничную одежду. Наконец, вынула оттуда мятый слежавшийся пиджак, от души тряхнула его несколько раз, шоркнула рукой сверху вниз и набросила мне на плечи.

– Славный пиджачок, – сипела она. – Почему он мне сразу не попался? Я бы себе для жизни такой взяла. Надень, пожалуйста. Ой, славный, славный, очень славный.

Пиджачок был, правда, славный, только не сходился на моей груди размеров на шесть.

– Очень хорошо, очень, очень, – давилась она собственным голосом. – И по цвету хорошо, хорошо, хорошо, и вообще, самое то.

Возражать было бесполезно, все равно другого взять негде. Для душевного успокоения я согласилась, что пиджачок сочетается с моей юбкой, длинной и стильной. Какое счастье, что я пришла в этой юбке, а не в другой.

— Ну, вот и слава богу, костюм подобрали, не хватает топика. Топик, топик, топик, — запричитала костюмерша, судорожно копаясь в свалке из тряпья. — Его найти будет чуточку труднее, — обратилась ко мне, рассчитывая на сочувствие.

Я не реагировала, вела себя, как преступник, ожидающий смертной казни. Она недовольно отвернулась.

— Топика нет и не надо. Вместо него что-нибудь придумаем. Вот какая славная тряпочка, посмотри. Ну, все- все, эта пойдет, только надо чем-то закрепить.

Узкой полоской ткани она обернула мою нестандартную грудь, соединила концы на спине и скрепила большой булавкой, висевшей у нее на халате. Как только я пошевелилась, булавка впилась в мое тело, но боли я не чувствовала. Находчивая костюмерша выбросила злосчастную булавку «к чертовой матери», повернула меня к себе спиной и затянула ткань крепким узлом. На спине образовался бугор.

— Ничего страшного, сзади вас снимать не будут, и вообще ты сидишь за столом, а не ходишь, так что никто даже не заметит, — бубнила расстроенная женщина, путая «ты» и «вы». С моими глазами она старалась не встречаться. Я молчала. С костюмом было покончено, и, облегченно выдохнув, она направила меня к гримеру-парикмахеру.

В это самое время в дверь заглянула помощник режиссера и выпалила: «Бегом в кадр». Такого я не ожидала.

— Я не готова, не могу идти в кадр. — Мои губы едва шевелились.

Гример не спешила, аккуратно укладывала волосы одной героине, потом другой. Зачем ей спешить, если коллеги видят,

что актрису надо загримировать, но не торопятся уступить место? И почему она должна волноваться? Время катастрофически улетало. Наконец, я присела к зеркалу и отдала себя в руки мастера, будь, что будет.

Мастер своего дела развернула мое лицо к себе, мазнула по щекам тональным кремом и взяла карандаш для век. Секунду подумала, не отрывая взгляда от лица, и уверенно провела две черные полосы вокруг моих потускневших глаз. Затем обеими руками вздыбила волосы, соображая, что можно из них соорудить, и принялась начесывать. Когда на моей несчастной голове выросла пушистая копна, я поняла, что этот последний штрих завершит художественно продуманный образ. Для закрепления копны гримерша обильно полила ее лаком и отправила меня «в кадр».

Гримировальный фургон стоял на улице, под дождем. Промокшая, я влетела в зал и услышала с площадки разъяренный крик.

— Сколько еще потребуется времени, чтобы начать? Помощники, по вашей вине съемка задерживается.

Под взглядами десятков людей, актеров и статистов, я протиснулась к своей дочери-невесте. Актриса, игравшая дочь, даже не пошевелилась, не повернула головы в мою сторону. Я для нее была пустое место. Она так и просидела ко мне спиной или боком до конца съемки. Вместе с артистом-Наполеоном, ее женихом по сцене, они составляли «звездный» дуэт и чувствовали себя небожителями. Никого не удостаивали вниманием, считая себя наградой для всех, кто оказался рядом с ними. Между собой они обходились тоже без любезностей. И еще мне показалось, что они механически выполняли задания режиссера, работали, как автоматы. В этот злосчастный день я словно прозрела — искусство кино держится на технике. Во всех смыслах.

Раздалась команда «пробуем», и режиссер позвал меня к себе.

— Встаньте лицом к гостям, пройдитесь взглядом по всем, кто сидит за столом. Там, в центре стола, увидели детей, улыбнитесь им. Дальше будет так: Вы пойдете вдоль этого ряда за спинами гостей, люди, как видите, разные, высокие, низкие, здесь хорошо Вам из-за них видно, а здесь совсем ничего не видно, ищите щелочку, из нее выглядывайте. Вы смотрите на детей. Вы счастливы. Камера сначала пойдет за Вами, потом уедет вперед. Ясно? Начали.

— Простите, мне надо Вам кое-что сказать, — пролепетала я, но он уже был далеко от меня и не услышал.

Репетиция началась, я повернулась лицом к сидящим гостям, как велел режиссер, и должна была двигаться вдоль ряда. Пряча свою спину от камеры, я умоляюще смотрела на режиссера, чтобы он обратил на меня внимание, и когда мы оказались рядом, я опять прошептала, что сзади меня снимать нельзя, что это не предусмотрено. Режиссер разрывался между несколькими точками на площадке, и никак не мог врубиться, чего я от него хочу. Девочка, помогавшая сохранять мизансцены, следила за тем, чтобы мое движение вдоль ряда не прерывалось. Камера упорно шла за мной, и от этого мое беспокойство и страх непрерывно усиливались.

— Господи, помоги мне! Ну, почему все так? Позови на минутку этого человека, чтобы он понял меня и помог. Еще немного, и я потеряю сознание. Сделай так, чтобы он оглянулся на меня, — лепетали губы. Я заболевала. И чем дальше, тем удущливей становилась вокруг меня атмосфера. В воспаленном сознании рисовалась моя фигура со спиной в форме горы и лицо с безобразной гримасой. И вдруг рядом со мной оказался режиссер, злобно смотревший в мои глаза. Он хотел в чем-то убедиться. Молча, в упор, посмотрел

какое-то время, потом вернулся к камере и поехал с оператором в другую сторону. Там разыгрывалась сцена с моим мужем-профессором.

С этим прекрасным актером происходило нечто похожее. Как заколдованный, он топтался на месте, путая слова ироняя реквизит. Ни одного задания режиссера не мог выполнить. А напротив него сидел его «сын» – «звездный» актер и сверлил его взглядом, не чувствовать жуткого отношения было невозможно. «Профессор» психовал и никак не мог справиться с волнением. Позже я узнала, что режиссер не взял на эту роль актера, предложенного «звездой», а утвердил этого исполнителя, и вот теперь расплачивался. Напряжение, накопленное режиссером, передавалось другим, и больше всех досталось мне. Он меня ненавидел.

Творческое самочувствие, которым я жила до съемки, бесследно пропало. Мои надежды были растоптаны. Все рухнуло, и внутри что-то сломалось. Возникло равнодушие, мне хотелось только одного – бежать отсюда как можно дальше.

Фильм вышел на экран, но я его не видела. О режиссере стараюсь не вспоминать. С ассистенткой однажды встретилась, и она сделала вид, что мы не знакомы. Все как в кино.

Дмитрий Назаров

*Народный артист России,
актер МХТ им. А.П. Чехова*

Антитеррор

Когда глаза рыдать устали,
А сердце биться и стонать
В оковах яростной печали,
Приходит время понимать.
И без эмоций, трезво, строго,
Чтоб, не дай Бог, не занесло,
Я зверю без души и Бога
Пишу открытое письмо!

Холоп, шестёрка терроризма,
Проникший в вену чёрный тромб,
Деталь взрывного механизма,
Устройство для закладки бомб,
Когда от взрыва гексогена
Дом, умирая, оседал,
Дрожа и складывая стены,
И плоть людскую разрывал,
О чём ты думал в то мгновенье?
Бежал, дрожа, иль пил в щели,
Топя вопросы и сомненья,
Или шерстил свои рубли?
Не сомневайся ни на йоту:
Рубли упали не с луны.

Ты получил не за работу,
А одолжил у сатаны.
И будет день и час расплаты,
Но перед тем, как стать ничем,
Ты встретишь всех тобой распятых,
Тобой раздавленных во сне,
И люцеферовы солдаты
Тебя, злодей, покажут всем!

А потому не дожидайся,
Пока не вздыбилась земля,
Покайся, дьявол, хоть покайся,
На лобном месте у Кремля!

В. М. Зельдину - 90!

Не первый год с почтеньем и волненьем
По сценам театральным я хожу,
Но, видя вас, маэстро, я в смущеньи,
Чуть-чуть теряюсь, мелко, но дрожу.
Да, трепещу, слабеют в страхе нервы,
Когда задумаюсь, то мне спасенья нет,
Ведь Путин наш, для вас совсем не первый,
Не пятый, а девятый президент!
Я, правда, не считаю Николая,
Лишь пару лет вы жили при царе,
Родись вы раньше, может быть другая
Была бы власть сегодня на дворе.
У вас ведь дар такого убежденья,
Такая сила магии при вас,
Что в людях начинается смятенье,
Переворот и, даже ренессанс.
Не каждому актёру удаётся

Создать нетленный образ пастуха...
Так статью зельдинской наполнились все горцы,
Что до сих пор с Чечнёю чепуха.
Ваш донжуанский список неизвестен,
Хотя он где-то просто должен быть,
Но вы в военном театре – это место,
Где тайну очень просто сохранить.
Роман с артистом никому не вреден,
Что делать, Вета, он не виноват:
Все женщины, услышав слово: «Зельдин»,
Глаза потупив, сладостно грустят.
Другое дело Зельдин – непоседа.
Ему б халат, камин, компот и ланч,
Заботу Веты, сон после обеда,
А не вот этот бешеный «Ла-Манч»!
Ну, что же вам неймётся в девяносто?
Что за желанье бегать и играть?
Вот Гусман в вас засёк болезни роста,
Устроил вам мученья Холокоста,
Ведь сидя, режиссёру всё так просто,
А вам пришлось всё стоя исполнять!
Слова, движенья ваши – все бесценны!
Уходят сразу в летопись страны!
Зачем вам, патриарху нашей сцены,
Рекорды в книге Гинесса нужны?!

У вас в театре нет суфлёрской ямы,
Вам наизусть приходится играть,
Вы не боитесь петь без фонограммы,
Живьём, без фонограммы танцевать!
В то время как российская эстрада,
Уже давно на голубой луне,

И этим небожителям не надо
Будить умы в родной для них стране.
Вы, славный рыцарь, добрый и искусный,
Печальный образ свой подняв на щит,
О женщинах поёте и о чувствах,
О том, что любит, верит, и болит!

Плотникову Б.Г. 50

У нас у всех одна дорога
В стране актёрского труда,
Но как устраиваться могут
Мои коллеги иногда:
«Ах, Боря – душка, Боря – светоч,
Наш Боря не ударил в грязь!
Он – герцог, принц, барон, царевич,
Он, даже в «Идиоте» – князь!
Ах, как легко быть дворянином,
Ходить в камзолах, париках,
Весь в перьях, эдаким павлином,
Партнёры гнут в поклонах спины,
А ты стоишь в перстнях старинных
На белых царственных руках.
Сыграй хоть раз простого парня,
Который любит свой завод,
Который утром, рано-рано,
В свой цех формовочный идёт.
Наполни этот образ жизнью,
Любовью, верой насыщай,
Отдай всего себя Отчизне,
Но идиотов не играй!
Надень хоть раз в грязи спецовку,
Железо куй, давая брак,

А после смены пей мурцовку
И рассуждай про свой «Спартак».
Своей мозолистой рукою
С лица небритого стирай
Мазут и сажу, пот рекою,
Но дона Педро не играй!
Иль роль бойца, я это вижу:
Под перекрёстным артогнём
Ты вжался в глиняную жижу
Своим породистым лицом.
Потом израненный поднялся,
В грязи, в глазах огонь и сталь,
И, так, куда-то пробежался
Вот ты в таком бы фильме снялся,
А то, всё доктор Борменталь.
Нас вновь с тобой спаяло дело,
Любимый наш актёрский труд,
Ты – Яго мой, я – твой Отелло,
Но ты устроился и тут:
Ты появляешься вначале,
И у тебя побольше слов,
И у меня берёшь в финале
И жизнь, и веру, и любовь.
Но не сержусь, ведь мать-природа
Сознательно, не каждый год,
Такую стать, талант, породу,
Такое чудо создаёт.

Борис Григорьевич, мой товарищ,
Мой старший друг, родная кровь,
Ты каждый день партнёру даришь
И жизнь, и веру, и любовь!!!

Ирина Никифорова

Заслуженная артистка России

Уроки добра или «Тема с вариациями»

...память, память, за собою позови...

Р. Рождественский

Испокон веков человечество мечтает о машине времени, чтобы годы передвинуть вперед или назад. А память человеческая? Не она ли и есть машина времени? Вы скажете: «Да, назад память вернет, а вперед»? А что, разве наши планы, мечты, задумки – не есть ли «Время, вперед»? А? Сейчас передо мной часто возникают картинки прошлых лет. Словно кадры в кино: то мелькают, то еле движутся, то «стоп-кадр!» Интересно, когда начинаешь перебирать в памяти те или иные события, то с высоты сегодняшнего дня многое видится по-другому. Поистине, прав поэт: «Большое видится на расстоянии...»

«Тема с вариациями»

Так я решила назвать эти маленькие новеллы из собственной жизни. Тема? Да, тема одна – люди, которые меня окружали. А почему с вариациями? А потому, что это были самые разные люди – по возрасту, по роду занятий, по месту жительства, то есть разные вариации, самые разные. Сначала была мысль – описать детство, опаленное войной. Но тогда пропустишь многих, сыгравших важную роль в твоей жизни. Встречи бывали очень краткими, но ведь не бесследными.

Я иногда говорю: «Меня воспитали враги народа»... И это правда. В детстве – так сложилось – вокруг меня было их

немало – «врагов народа». А на самом деле это были совсем не враги, а порядочные, умные, любящие Россию, истинные ее патриоты... О ком из них рассказать? Я не буду соблюдать хронологию – все так переплелось. Перепуталось... Вот, например, в педучилище, где я училась, был у нас сторож, он же истопник Петрович. Возраст определить было трудно пожилой. Ходил он в шинели очень странной – оказалось, бывшая офицерская шинель. Да, да, дореволюционная. Потертая, залатанная, выцветшая. У него было тонкое, выразительное лицо – я бы сейчас сказала – породистое, впалые щеки с нездоровым румянцем и тонкие аристократические руки. Несмотря на бедность и ветхость одежды, он не производил впечатления неряшливости. Он выделял меня из студенческой среды – меня и трех моих подружек, часто расспрашивал о наших семьях, о родных. Выручал не раз. Когда мы опаздывали, покрывал наши студенческие проказы.

В те годы выборы в Верховный Совет были всенародным праздником. В школах, учебных заведениях располагались избирательные участки. А голосовать приходили люди по раньше: к открытию уже толпа стояла! И у нас в педучилище был избирательный участок, а во время компании – агитпункт. И мы активно там работали – агитаторами. Часто оставались наочные дежурства. И вот как-то девчонки уже заснули на диванах, а мы с Петровичем сидели возле печки в его сторожке. Не спалось. Тогда-то он совсем немного рассказал мне о своей судьбе. Бывший дворянин. Офицер. В революцию и Гражданскую войну потерял всех. Даже не знал точно, кто погиб, кто «убежал за границу». Он застрял на Амуре, долго жил в тайге, среди нивхов, нанайцев. Как удалось избежать ареста? Не знаю. Да он и не вдавался в подробности. А я не спрашивала. Говорил то, что мог. И то рисковал. Читал мне

очень красивые стихи. Позже я их узнала у Гумилева, Волошина, Сологуба, Бальмонта...

На последнем курсе техникума я уже работала на радио. Директор строго-настрого предупредил, что если опоздаю хоть раз, не разрешит работать! И я прибегала на занятия прямо к звонку. Спасибо педагогам, которые пропускали меня вперед себя в класс, и спасибо Петровичу, который «тянул» со звонком и частенько подхватывал у меня пальто, сам вешал его, а номерок отдавал мне на перемене.

Короткая встреча... Хотя, как посмотреть... Ведь полтора года мы были знакомы. А потом он исчез. Что с ним стало? Не знаю. Но в памяти моей Петрович жив. Простой русский человек с трагической судьбой. Может быть, какие-то крупицы своей душевной щедрости он передал мне? Может быть. Спасибо, Петрович.

Каждое лето, начиная с 1940 года, я уезжала в пионерлагерь, что на Красной речке. Его называли дальневосточным Артеком. Сюда приезжали дети со всего Дальнего Востока: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Владивосток, Камчатка, Чукотка, Колыма. В общем, «ребята Амура, Чукотки, Камчатки – всего необъятного нашего края» – летом встречались на берегу Уссури в нашем любимом лагере. Кажется, в 1942 году или 1943 году ему дали имя Берии, после 1953 года он носил имя Ленина. Так вот, отдыхали здесь дети сотрудников Улага (вначале был Дальлаг). И вся obsłуга лагеря состояла из з/к. Естественно, не уголовников, а политических. Врач – высококлассный специалист, профессор, медсестры, их было две, – врачи со степенями, руководители кружков – авиамодельного, хорового, драматического, юннатов – тоже з/к.

Драматическим кружком руководил Яков Савельевич Хавис – бывший режиссер МХАТа, сподвижник Станиславско-

го. Я занималась с ним несколько лет. И не только летом, но и зимой бегала в клуб, где он руководил взрослым театральным коллективом Улага. Два лета подряд, уже после войны, был у нас эстрадный оркестр под управлением Э. Рознера. Это особая страница в моей биографии. А вот оформлением пионерлагеря занимался художник Р.Р. Орлов, он руководил и кружком ИЗО. Был у него помощник Саша. Красивый! Бывший военный летчик. Играли на гитаре, пели, читали стихи. Все вожатые были в него влюблены! А он был влюблен в самую красивую вожатую нашего лагеря, ее звали Аля. Он говорил: «Влетел в туманность Андromеды». После освобождения и реабилитации он много лет был начальником аэропорта в Тюмени. Увы, я этого не знала, когда в 1982 году была там на гастролях. А жаль! А вот с Родионом Родионовичем судьба свела меня в конце его жизни. Однажды А.А. Косицына – близкий и дорогой мне человек – спросила у меня: «Вы знаете художника Р. Орлова?» Я задумалась: «Вроде помню». А он вас хорошо знает и внимательно следит за вашей судьбой. Я пыталась вспомнить: нет, не знаю, не помню. «Вот видите, а он говорит: «Ира Пастаногова залезала на чердак в пионерлагере и в рупор вещала: говорит радиогазета «Лагерные комары», главный диктор – Комар Комарович – Длинный нос...» И тут я вспомнила: это художник из нашего пионерлагеря. Дядя Родион? Конечно, помню!

– А хотите с ним встретиться?

Еще бы!

И вот, спустя 53 года у меня состоялась встреча с этим удивительным человеком! В назначенный день я пришла в ДК им. Орджоникидзе. Аэлита Александровна встретила меня в холле, попросила подождать и поднялась в свой музей, как я поняла, за Родионом Родионовичем. И вот я вижу – спускается по лестнице пожилой человек в светлом летнем костюме. В

руках трость и шляпа. Уж конечно, разве может воспитанный человек быть в головном уборе в помещении? Ни в коем случае! Это неприлично. Я никак не могу привыкнуть к тому, что нынешние лица мужского пола сидят в каких-то кепках, да еще задом наперед, за столом в кафе, в служебных кабинетах... Он слегка горбится, несколько груноват... А глаза – глаза молодые и с легкой усмешкой. Какая-то сила поднимает меня с банкетки, и я почти бегом бросаюсь ему навстречу. Родион Родионович! Вы?! Мы обнимаемся и несколько секунд стоим, замерев. На глазах у обоих слезы. Он меня хотя бы по телу видит иногда, а я его не видела 53 года! Тогда ему не было сорока, а нынче уже за восемьдесят! Мы садимся в холле на банкетку и говорим, говорим, говорим... «Из моего окна я вижу то место, где была проходная, а подо мной живет один из бывших конвоиров. Мы встречаемся каждый день и обмениваемся рукопожатием... Что делать? Он не виноват, он просто делал свою работу». «А я смотрю из окна, – продолжает мой собеседник, – и представляю: вот здесь был барак уголовных, там – иностранцев, а вот тут наш, в котором жили мы с Э. Рознером, Я.С. Хависом и В. Куликовым.

В конце разговора Родион Родионович грустно говорит: «Странно, но часто глядя на так изменившуюся округу, я ощущаю, что я по сей день не свободен...» С того памятного дня нашей первой встречи через 53 года мы общались и по телефону, и в музее завода – до его кончины. Узнав, что я готовлю программу из произведений Лермонтова, он решил написать для меня портрет поэта. Программу я назвала «Поэт, с которым говорили ангелы и демоны». Он расспрашивал, что я буду читать, о чем я буду говорить, какие факты из биографии Лермонтова включу в рассказ, принес несколько книг о поэте, объяснил, где и как я должна буду демонстрировать

портрет. «Ни в коем случае не на заднем фоне! Лучше где-то сбоку – на первом плане я сделаю вам подставку-пюпитр». А однажды он позвонил Аэлите Александровне и сказал: «Портрет для Иришки готов. Можете забирать, осталось чуток – доклеить тубус...» «Ой, Родион Родионович! У меня такое давление – хочу отлежаться. Давайте до понедельника отложим встречу», – сказала Аэлита. «Давайте, какие наши годы!» А на другой день рано утром у меня раздался телефонный звонок. Аэлита Александровна, рыдая, с трудом произнесла: «Час назад скончался Родион Родионович, звонила Римма, его дочь...»

Его последнюю работу – портрет Лермонтова – мне вручили в музее, где вместе с его родными отмечали девять дней со дня кончины художника. Я читала Лермонтовскую программу, портрет был у меня, а потом я отдала его в музей завода, а мне взамен сделали копию, небольшую, в рамочке, чтобы я могла повесить ее дома. И сейчас эта последняя работа Р.Р. Орлова висит в моей небольшой квартире в Новосибирске. В альбоме хранится фотография, на которой рядом с художником музыканты филармонии – А. Кондратьева, В. Будников и я на фоне панно, посвященного 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, выполненного Р. Орловым. А хабаровчанам знаком памятный знак жертвам репрессий, что возле института искусства и культуры.

Еще один светлый, добрый человек в моей судьбе, человек, чья жизнь была сломана, исковеркана, чья душа обливалась кровью и слезами, но не озлобилась, не разучилась любить жизнь, людей, искусство... Светлая память ему – Р.Р. Орлову...

22 июня 1941 года в нашем пионерлагере торжественное открытие. Мы заехали пять дней назад. Еще два-три дня

продолжали прибывать дети из далеких краев – Камчатки. Колымы, Чукотки... Мы определялись в отряды, обживали корпуса и палаты, выбирали кружки, в которых будем заниматься, знакомились друг с другом, с обслугой, окрестностями – жить нам здесь тридцать дней. Такие были у нас смены. Их было всего две. Конечно, готовили праздничный концерт, выставки поделок – благо, здесь было полно белой глины на берегу, рисунки, модели... Чем отличалась жизнь до открытия? Да только тем, что не поднимался на мачте красный флаг. А линейки были. И вот воскресенье 22 июня. После завтрака глаза всех устремлены на дорогу через деревню Хапёровка. Из лагеря хорошо она видна. И, наконец, кто-то кричит: «Едут, едут!» На дороге показалось несколько автобусов и черных легковушек. Это приближаются почетные гости и родители. Звуки горна собирают нас по отрядам, мы строимся, волнуемся, готовимся к встрече. Что говорить? Это был настоящий праздник! Прошли первые минуты встречи, обмен поцелуями, объятиями, гостинцами. А вскоре горн опять зовет нас на торжественную линейку. Лучшие из нас – двое – поднимают флаг. Лагерь открыт! Прозвучали речи начальства, родителей, пионеров... Лагерь, как улей, шумит. Гудит. Поет. Кричит. И так весь день, даже сончас отменен, хотя, кто хочет, отдыхает. А главное, с родителями в это время можно купаться в Уссури! После полдника – футбольный матч, концерт на танцплощадке (кто что хочет – импровизация). Танцы и прощание с гостями. Ужин в две смены (с 19 и 19.30). Свободное время... Какая-то странная тревожность воцарилась над лагерем. Странно ведут себя взрослые – перешептываются, переглядываются. К чему? Мы, уставшие за день, засыпаем после костра, даже успокаивать нас не надо – за день так устали от впечатлений и событий. Но почему тревога? Что случилось? Вроде, в лагере все в порядке.

Утром на линейке после подъема флага нам объявили: «Началась война. На нашу страну напали фашисты». Тут же все отряды отправились в лес – пилили, рубили ветки, деревья тонкие и обкладывали ими корпуса, жилые помещения. Зачем? Ведь война идет там, на Западе, за 10 тысяч километров! А у нас уже словно прифронтовая полоса. Так было в течение всей войны. Хабаровск был как бы прифронтовой полосой – заклеенные крест-накрест окна, светомаскировка... жизнь в пионерлагере с началом войны несколько изменилась. Усилилась военная подготовка: сдача норм на значки ГСО и БГСО («Готов к санитарной обороне» и «Будь готов к санитарной обороне»), БГТО и ГТО («Будь готов к труду и обороне» и «Готов к труду и обороне»). Более старшие ребята сдавали нормы на значок «Осоавиахим». В лагере периодически проводились военные тревоги, походы. У всех нас были противогазы. Если до войны был совет лагеря и его председатель, советы отрядов, то во время войны появился штаб дружины (в школе), штаб лагеря, штаб отряда, а слово «председатель» заменили на «начальник штаба отряда, дружины, лагеря». Я, несмотря на маленький рост, все нормы сдавала на отлично! В пионерлагерь мы ездили ежегодно, все – с первого по девятый класс – были членами дружины. В старших отрядах – 8–9 классы – были ребята в возрасте 15–17 лет, ведь в школу тогда шли с восьми лет. Представляете, какими взрослыми были ребята первого и второго отрядов? Так вот, летом 1942 года многих мальчишек мы не увидели – они зимой ушли на фронт. В полном составе на фронт ушли и наши футболисты во главе с капитаном Юрий Петровым. Я была тайно влюблена в него, ни одного матча не пропускала! Юре всегда букет полевых цветов вручала. С фронта вернувшись не все, я запомнила лишь одного из вернувшихся после войны – Мая Довбича. Он работал в пионерлагере сначала

вожатым в первом отряде, а потом физруком. У нас было два физрука – Май и еще Владик Шишарин, легендарная личность, окутанная тайнами. Его сестра училась со мной в одной школе и говорила, что он был разведчиком. Не знаю, что было правдой, что выдумкой. Но то, что он был какое-то время в дальнем плавании – точно. У него на руке крошечная татуировка – якорек, и притом цветной, таких не было ни у кого тогда. И еще Владик замечательно пел песню, которую я безуспешно искала в течение многих лет для своих вокалистов. Не могла найти! В ней были такие слова:

*Сколько в море капель,
Сколько в небе звезд,
Столько над страною песен пронеслось.
Помню песни детства,
Песни матери родной,
Помню песни сердца в час ночной.
Но в пути далеком, в грозовом бою,
Я всегда, родная, только песенку твою,
Ты, что ты в часы разлуки
Пела мне, сжимая руки,
В радости и горести пою...*

Представляете, я 20–30 лет искала эту песню, и вдруг совсем недавно, уже здесь, в Новосибирске, обнаружила ее на диске, который кто-то мне подарил – выступление оркестра под управлением Эдди Рознера. Вот парадоксы судьбы!

Да, война изменила нашу жизнь. Мы рано взрослели, мы рано ощутили себя «народом», понимали всю ответственность своих поступков в это непростое время. Наша школа № 4 была неполной средней, когда ввели раздельное обучение, она стала женской. Школа была одноэтажная, кирпичная, с печным отоплением, уроки физкультуры часто заменяли

пилкой и колкой дров. В каждом классе были дежурные, которые после уроков топили в своих классах печи, свет гасили после девятнадцати часов. Зимой в это время уже темно, и мы часто уроки готовили при свете топящейся печки. Репетиции проводили также у печки. Ох, и любила я эти вечера! Мальчишечек у нас не было, и все роли играли девчонки. Помню, мы готовили постановку «Витязь в тигровой шкуре». Наверное, было очень смешно, когда я, маленькая, худенькая, изображала Автандила – друга главного героя Тариэля. Отдельные отрывки из роли по сей день помню:

«Тариэль, ты дело мыслью осветил, как тьму лучом!»

«Но, мой рыцарь, не расстался ни с копьем ты, ни с мечом...»

Ставили скетчи на военную тему, делали монтажи, учили стихи и песни. При свете печного отопления линовали тетради, сшитые из оберточной бумаги – для первоклассников. Для себя мы сшивали тетради из газет и часто выполняли упражнения между строк Совинформбюро.

Школа наша не была элитной, сюда ходили дети из небогатых семей. Такой был район – возле базара, в основном, частный сектор. Много было семей многодетных. Отцы ушли на фронт, заботы легли на плечи матерей и старших детей. Частенько, закончив семилетку, пятнадцатилетние подростки шли учениками на завод или учиться в РУ (ремесленное училище), ФЗО (фабрично-заводское училище). Там обучение сокращалось во время войны до шести месяцев.

В соседнем дворе жил паренек по имени Генка. Он был старшим в семье, а их, детишек, братьев и сестер его, было пять или шесть. Генка был таким задиристым! Маленький, крепенький, ни одну девчонку без тумака не пропускал. За косы дергал, банты срывал. Меня однажды от школы до дома гнал бегом, ударяя по спине своей холщевой сумкой с учеб-

никами. Боялись мы его, как огня! После седьмого класса Генка поступил в ФЗО, а через полгода на завод «Энергомаш» пришел новый токарь. Руки талантливые, голова технически светлая, а рост – метр с кепкой. Ящик к станку подставили. Генка стал важным, солидным, но таким грязным, ужас! Идет с завода, спецовка аж блестит от масла, мазута, на морде грязные полосы, руки тоже, как у негра! И мы его прозвали «помазок». Дразнить открыто боялись: он свой кулак черный покажет – и мы врассыпную. Как-то в воскресный день слышу – моя соседка тетя Маша, что тоже на «Электромаше» работала, разговаривает с Генкой и обращается к нему – Геннадий Васильевич. Я обомлела, а потом спрашиваю: «Тетя Маша, а чего это вы Генку по имени-отчеству зовете?» А она мне в ответ: «А как же? Во-первых, он – мой бригадир, значит, начальник. А во-вторых… Ты моего мужа, дядю Васю, помнишь?» «Да.» «А помнишь, как его чествовали за перевыполнение плана?» «Да, помню.» «Вася тогда норму в раз в семь перевыполнил. Так вот, Генка наш нынче норму Васи перекрыл в несколько раз… А ты говоришь, зачем по имени-отчеству? Знаешь, как его на заводе уважают! Геннадий Васильевич – настоящий мастер!» Вот так. А мы: «Помазок!»

До войны в парке стадиона «Динамо» была танцплощадка, там играли три гавайские гитары, танцевали и совсем юные, и взрослые пары, жившие неподалеку от «Динамо».. Нас, ребятишек, на танцы не пускали. Но мы, как птицы, усаживались на крышах каких-то построек, на ветках старых дубов, и следили за танцующими. Были у нас свои любимцы: пара, которая танцевала лучше всех и была самой красивой. Она – высокая, статная, с толстой до пояса косой, а он – ниже ее на полголовы, военный курсант-летчик, но такой красивенький! Темные волосы волнистые, синие-синие глаза, брови, как нарисованные! А как они танцевали! Особенно когда

гитаристы играли фокстрот «Рио Рита». Все танцующие пары расступались и давали им место. Мы смотрели, затаив дыхание, и были все в них влюблены» В обоих сразу! Ее звали Люся. Мы знали, что ее мать, врач, рано умерла от туберкулеза. Люся жила с бабушкой и теткой Зиной, у которой было двое детей чуть моложе Люси. После школы девушка поступила в мединститут. Как звали ее жениха, не помню. Вроде, Виталий...

Когда началась война, танцплощадка закрылась, зимой ее растащили на дрова. Было не до танцев. Года через два после окончания войны площадку восстановили. Нам было уже по 16–17 лет, и, купив билет, мы по праву входили в этот таинственно привлекательный мир музыки и танца. На эстраде по-прежнему играло трио гавайских гитар. Только гитаристы были другие – более молодые. Мы всегда держались «кучкой». По молчаливому согласию был один танец, который мы «пропускали». Гитаристы играли «Рио Риту», мы, тесно прижавшись плечами, сидели недалеко от эстрады и следили за танцующими. Среди них нашей любимой пары не было... Когда началась война, наш новоиспеченный лейтенант улетел на фронт, а через год ушла на фронт военврач Люся. С войны они не вернулись...

*Танцплощадка допоздна открыта.
В спелых звездах темный небосвод.
И на полный голос «Рио Рита»
Что-то зарубежное поет.*

Закончилась война. Жизнь потихоньку входила в свою колею. Каждое лето мы по-прежнему ездили в свой любимый пионерлагерь имени Берия. Там все было то же по-прежнему. Многие из obsługi были теми же з/к, повар Илья Лукич Ка-сатадзе (бывший кремлевский повар) или другой шеф-повар

Иван Степанович – менялись иногда, врачи тоже были прежние, и медсестры, уборщицы... Все знакомые! Из «новых» появился художник Р.Р. Орлов, его помощник Саша. Вдоль дороги в центре лагеря стояли военные палатки. В них жили солдаты-охранники. Мы думали, что они охраняют нас, а оказывается, не нас, а тех кто нас обслуживал...

Я ездила в пионерлагерь уже не пионеркой, а вожатой. В тот год мне доверили третий отряд. Сколько же было моим пионерам? Двенадцать-тринадцать лет, кое с кем я по сей день поддерживаю отношения. Помню, утром я, пристроившись на подоконнике с уличной стороны, даю указания дежурным – аккуратно подправить все коечки, чтобы было ровненько. На аллее показался Яков Савельевич Хавис, а с ним красивый мужчина в голубой рубашке-апаш, загорелый, с усиками, белозубый, волосы темные гладко зачесаны и набриолинены (тогда это было модно)... Такой улыбчивый. Яков Савельевич спросил: «Не забыла? Сегодня репетиция в четыре...» А красивый мужчина встал около меня и, улыбаясь, сказал: «Девочка, дай глазки поносить!» «Это Ирочка, моя любимая ученица», – представил меня Яков Савельевич. «Ирочка, познакомься, это Эдди Игнатьевич Рознер, приехал к нам со своим оркестром, теперь побудку вам будет играть золотая труба Европы!» С тех пор каждое утро Эдди Игнатьевич на мое «Здравствуйте» отвечал: «Ирочка. Ну когда дашь глазки поносить?» Теперь каждое утро мы поднимались под звуки золотой трубы знаменитого джазмена, трубача Э. Рознера. На линейке подъем флага сопровождали звуки трубы и дробь барабана. Играли на них «враги народа», политзаключённые... Ват такие парадоксы!

А вечером на нашей танцплощадке игры, танцы сопровождал эстрадный оркестр под управлением Рознера. Мы говорили «джаз-банда», слово «бенд» нам было незнакомо. А

джаз-банда – потому, что музыканты – заключенные. Кроме игры на массовках и прочих мероприятиях оркестранты занимались с музыкально-одаренными детьми. Эдди Рознер часто со своей трубой уходил в глубину парка и там, над обрывом его труба пела, плакала, тосковала и рвалась на свободу.

Еще одна картина возникает в памяти. Лагерный костер. Посреди футбольного поля огромный костер! Мы весь день таскали сучья, бревна, складывали пирамиду. Когда темнело, по сигналу старшие мальчики во главе со старшим пионервожатым разжигали костер. Пламя поднималось высоко в небо, летели искры, и, казалось, они превращаются в звезды. Недалеко от костра сидит оркестр, музыканты все в светлых теннисках, а впереди стоит сам Эдди Рознер. Он без рубашки, загорелый, как скульптура, возвышается над оркестром, труба кажется продолжением его рук. Он не просто играет, его труба буквально разрывает сердце. И я, комсомолка, такая идейная, не могу сдержать слез. А может быть, это из-за дыма костра? Не знаю. Но ведь сердце-то сжимается не от дыма... Рядом стоящий Яков Савельевич, слегка обнимая мои плечи, тихо говорит: «Поплачь, поплачь, девочка... Поплачь за нас». Да, наверное, сам он за эти годы плакать разучился...

Прошло много лет. В 1959 году на гастроли в Хабаровск приехал большой эстрадный оркестр под управлением Э. Рознера. Вел концерт артист МХАТа А. Степин. Солистка – Ирина Бржевская и ударник Борис Матвеев, который всегда сидел на переднем плане рядом с Рознером. Оркестр гастролировал долго, все билеты были проданы. Как-то утром мы с мужем подошли к гостинице «Дальний Восток», у него была встреча с кем-то из музыкантов. Я села на скамейку. Недалеко от нас стояла невысокая женщина с мальчиком лет десяти. Вышел Э. Рознер, поздоровался со всеми, поцеловал

мальчика и его маму, стал о чем-то с ними говорить. Потом вышла его жена-танцовщица, забыла ее фамилию. Он сразу как-то сник, что-то еще сказал женщине с мальчиком, и они ушли. Немного погодя, все отправились на репетицию в ДОСА, а мы с мужем домой, в музучилище. Муж, Вадим Тимофеевич, мне объяснил, что женщина с мальчиком – «лагерная любовь» Рознера из Комсомольска, а мальчик – его сын. Родился он в 1949 году, Рознер отбывал часть срока в Комсомольске-на-Амуре. Я забыла об этой встрече... Но спустя много лет у меня раздался звонок: «Ирина Викторовна, вы знали Э. Рознера?» «Да.» «Я звоню по поручению его сына Владимира...» Так началась моя история дружбы с сыном Эдди Рознера. Да, тем самым мальчиком из 1959 года. Теперь он был известным в Комсомольске врачом-урологом. Он попросил меня написать письмо в городскую Думу, так как хочет открыть мемориальную доску в память об отце. Конечно, я не отказалась, да еще привлекла к этому доброму делу хабаровских известных джазменов. Меня порадовала наша Дума: как быстро они откликнулись! Открыть доску решили на здании театра драмы. Это бывший клуб НКВД, и здесь Рознер не раз выступал со своим оркестром. Его везли в Магадан, не знаю точно, или он здесь, в Хабаровске, задержался из-за болезни, или его решил оставить в Хабаровске генерал Долгих, начальник управления НКВД по Хабаровскому краю, поклонник его творчества. Факт тот, что его оставили, и по всем зонам собирали музыкантов. Таким образом и был создан в Улаге эстрадный оркестр. Первое его выступление состоялось в клубе НКВД на торжественном вечере, посвященном годовщине Великой Октябрьской революции. Когда выступали заключенные, аплодировать было не принято. Но когда оркестр под управлением Рознера исполнил первую вещь, зал не выдержал – грянули аплодисменты! А

как было устоять? Невозможно! Вот так и оказался Рознер у нас в городе. Четыре года был в Хабаровске, потом два года в Комсомольске-на-Амуре, а затем два года в Магадане.

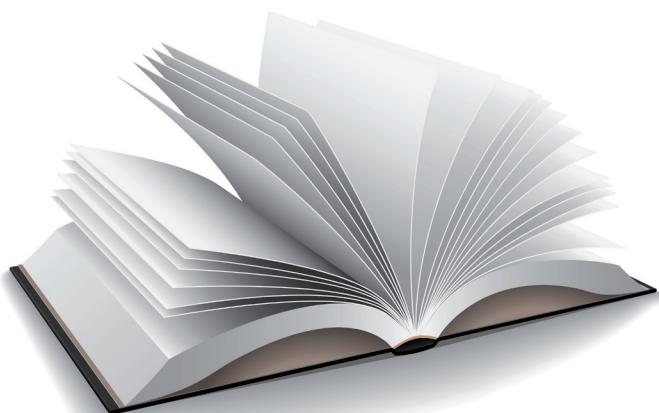
Я познакомилась с ним в пионерлагере, зимой встречала его не раз на радио – председатель радиокомитета заказывал ему музыку для радиопередач. Правда, шла она под другим именем (все-таки, мир не без добрых людей). А еще мои встречи с Рознером состоялись в больнице: в 1948 году я лежала в центральном лазарете Улага, мне удаляли аппендицит. Рознер лежал в отделении для з/к, не помню, что у него было. В рентген кабинете техником был мой приятель Володя Хантер, Рознер часто сидел у него. Я перед выпиской пришла к Вовке попрощаться, у него был Эдди Игнатьевич. Потом приятель попросил меня достать нотной бумаги для музыканта, и где-то через пару дней я принесла ему целую кипу нотных тетрадей и бумаги...

А с Володей Рознером мы подружились. Даже здесь, в Новосибирске, он был у меня в гостях! Иногда мы общаемся по телефону.

Да, жизнь щедра на людей хороших...

Забытые страницы Пушкинианы

Патриарх Краснодородько

История одной мистификации*

(Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Иванго»)

В 1963 г. Пушкинский Дом приобрел у московского пенсионера, в прошлом учителя, Антонина Аркадьевича Раменского томик первого русского перевода романа Вальтера Скотта «Иванго, или Возвращение из крестовых походов», на страницах которого были автографы Пушкина: начало монолога князя из первого замысла «Русалки» («Как счастлив я, когда могу покинуть...»), фрагмент одной из «декабристских» строф «Евгения Онегина» («Одну Россию в мире видя...»), несколько рисунков, владельческая надпись Пушкина и его же дарительная – Алексею Алексеевичу Раменскому. Экземпляр был в очень плохом состоянии: он представлял собою неправильно и неумело переплетенные две (из четырех) частей смирдинского издания романа 1826 г. Когда-то книга, видимо, была залита водой, переплет ее слегка покоробился, но более всего оказались попорченными именно листы с автографами: они прорваны, покрыты грязью, и сами записи почти «угасли», они едва заметны и скорее угадываются, чем читаются. Такое состояние книги последний владелец объяснял ее необычной, сложной судьбой. По его словам, роман был подарен в 1829 г. прадеду Антонина Раменского – Алексею Алексеевичу, который учителяствовал в селе Мологине

*Легенды и мифы о Пушкине. Сб.статей. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. – С.269–281.

Старицкого уезда Тверской губернии. Пушкинская реликвия передавалась Раменскими из поколения в поколение. В Отечественную войну село Мологино, где они жили, горело при отступлении советских войск; сгорел и учительский дом. После войны, в 1945–1947 годах, Антонин Аркадьевич предпринял розыск дедовской библиотеки и обнаружил роман Вальтера Скотта в подвале старой церковной сторожки. Как рассказывал сам Раменский, книга «растрапалась, держалась на нитках, сшивавших ее. Она была в грязи, масле, листочки были склеены. В сторожке заправляли, должно быть, тракторы, а может быть, и танки во время войны¹». Пушкинских записей на этой книге Раменский тогда не заметил, но отложил ее и среди прочих книг оставил у родственников в Вышнем Волочке. Через пятнадцать лет остатки дедовской библиотеки перевезли в Москву, и тут-то Антонин Аркадьевич рассмотрел записи на романе Вальтера Скотта. О находке сразу же сообщили журналисты – в «Литературной газете», «Вечернем Ленинграде», «Литературной России»². Из профессиональных пушкинистов-текстологов первой увидела автографы Т. Г. Цявловская. Со слов владельца она и записала приведенную здесь версию чудесной находки книги. С согласия Раменского в лаборатории Института марксизма-ленинизма листы с записями расчистили, отреставрировали и сфотографировали³. В прочтении и транскрипции авто-

¹ Цит. по кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л., 1966. С. 21.

² См.: Диленская И. Л.: 1) Нахodka в Мологине//Лит. газ. 1962. № 153; 2) Реликвии рода Раменских//Лит. Россия. 1963. № 31; Лазарева Т. «Одну Россию в мире видя»: Новый автограф Пушкина//Веч. Ленинград. 1963. № 251.

³ Так как фотокопии, сделанные в Москве в 1963 г., п. Пушкинский Дом не поступили, весной 1993 г. директор Лаборатории консервации и реставрации документов РАН Д. П. Эрастов произвел повторную съемку записей на книге в лучах собственной видимой люминесценции (такой

графов Т. Г. Цявловской помогал С. М. Бонди. Заключение московских текстологов было положительным: записи на книге, кроме плана на последней странице, сделаны рукою Пушкина. Академия наук приобрела книгу для Пушкинского Дома; рукописи присвоили архивный шифр – ф. 244 (А. С. Пушкина), оп. 1, № 1733, и она обрела свое постоянное место в Пушкинском хранилище, среди автографов поэта. А вскоре Т. Г. Цявловская опубликовала во «Временнике Пушкинской комиссии» большую статью об уникальной находке⁴.

Изучив автографы на книжке и сопутствующие им семейные воспоминания Раменских, Т. Г. Цявловская заключила, что они «обогатили пушкиниану целым рядом неизвестных доселе данных»⁵. Позволю себе напомнить основные выводы исследовательницы, так как это необходимо для дальнейшего изложения.

Во-первых, ею были установлены новые биографические факты: посещение Пушкиным весной 1829 г. имения Грузины Новоторжского уезда Тверской губернии, которое принадлежало Константину Марковичу Полторацкому (о том, что Пушкин знал его, прежде не было известно). В круг пушкинских знакомых был введен и сотрудник Н. М. Карамзина (также неизвестный ранее факт) Алексей Алексеевич Раменский – сельский учитель, которому Пушкин подарил роман Вальтера Скотта.

способ съемки позволяет «проявить», усилить слабые чернильные тексты) и выполнил фотографию для настоящего издания. Приношу свою искреннюю благодарность Д. П. Эрастову за любезное содействие и проведение новой экспертизы.

⁴ См.: Цявловская Т. Г. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта// Временник Пушкинской комиссии. 1963. С5–30.

⁵ Там же. С.29.

Во-вторых, дарительная надпись на этой книге и семейные предания Раменских, по мнению Т. Г. Цявловской, давали новый «материал для размышления над возникновением замысла «Русалки»»⁶.

В-третьих, новонайденный документ пополнял пушкинскую графику новыми рисунками: портретом неизвестного, изображением весов и виселицы с пятью повешенными. Причем последний рисунок Т. Г. Цявловская считала лучшим пушкинским изображением казни декабристов.

Наконец, последний вывод исследовательницы сводился к тому, что в книге из библиотеки Раменских обнаружились «новые данные по творческой истории «Евгения Онегина», новый авторский текст шести стихов одной из «декабристских строф» романа и неопровергимое свидетельство, что эти строфы были написаны уже к марту 1829 года»⁷.

Все эти данные, подкрепленные авторитетом Т. Г. Цявловской, вошли в исследовательский оборот, стали широко использоваться авторами популярных краеведческих работ о пребывании Пушкина на Тверской земле, а имя А. А. Раменского, которое прежде ни разу не встречалось в обширной мемуарной и эпистолярной пушкиниане, попало в справочник Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение», первое издание которого появилось в 1975 г. Приблизительно в это же время у Антонина Аркадьевича Раменского обнаружились новые пушкинские реликвии. Среди них – первый том романа А. П. Степанова «Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым» (СПб., 1835) с владельческой надписью Пушкина, гусиное перо и перочистка поэта, его дорожный подсвечник, бумажник и серебряная чайная ложечка, которые Раменский преподнес

⁶ Там же.

⁷ Там же. С.30.

в дар Московскому музею А. С. Пушкина⁸. Позднее, в 1977 г., Раменский передал Всесоюезному музею А. С. Пушкина в Ленинграде четвертый том романа «Постоялый двор» (также с владельческой надписью Пушкина) и еще несколько реликвий из своей «пушкинской коллекции». Книга А.П. Степанова осталась в фондах музея; что же касается «мемориальных предметов», то авторитетные музейные эксперты, в числе которых был крупнейший искусствовед В. М. Глинка, члены ученого совета музея, выразили серьезные сомнения в подлинности этих вещей, принадлежности их пушкинской эпохе, и в экспозицию Ленинградского пушкинского музея они не попали. Однако бесценные пушкинские реликвии учителей Раменских по-прежнему возбуждали внимание журналистов и краеведов, и время от времени статьи о них появлялись в массовых изданиях⁹. Авторы этих публикаций, как правило, были знакомы с А. А. Раменским и более или менее добросовестно излагали его рассказы. В 1984 г. в книге А. Г. Никитина «Пушкин и Урал» неожиданно появилась новая версия чудесной находки русского издания «Айвенго» с пушкинскими записями, и эта версия слабо согласовывалась с тем, что Раменский рассказывал раньше

⁸ См.: Дилигенская Н. Загадка старой книги//Наука и жизнь. 1974. № 5. С. 112–115; Винокур И. Г.: 1) Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1972 году//Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 147–148; 2) Государственный музей А. С. Пушкина (Москва)// Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 164; Головин В. В. Новейшие публикации автографов Пушкина//Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 80–81; Пьянов А. С. «Мои осенние досуги»: Пушкин в Тверском крае. 3-е изд. М., 1983. С. 186–210, 246–267.

⁹ См., например: Пьянов А. С. Ильин М. Пушкинские места Верхневолжья. М., 1972. С. 44–49; Каткова В. Ф. Пушкин и тверской учитель А. А. Раменский//Пушкинские чтения на Верхневолжье: Сб. 2. Калинин, 1974. С. 78–98; Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980. С. 19–20.

Т. Г. Цявловской: «Осенью 1941 года политрук Красной Армии Антонин Раменский, рискуя жизнью, пробрался в уже оставленное с боями родное село и вынес из горящего дома часть пушкинских реликвий. Антонин Аркадьевич увез их в Москву. Хотел сдать в архив или музей. Но архивы эвакуированы, музеи закрыты. Да и задерживаться в столице нет возможности. И Раменский, вооружившись саперной лопаткой, зарыл свой клад во дворе детской больницы близ проспекта Мира. Ведь тогда еще никто точно не знал, сколько времени продлится война. Оставил Раменский свой мологинский клад ненадолго, а пролежал он до 1946 года, когда вернулся в Москву Антонин Аркадьевич и разыскал столь необычное сокровище»¹⁰.

В конце концов, эти истории можно было бы оставить без внимания, если бы в обширной пушкинане семейные предания и в полном смысле слова «рукотворные» реликвии из дома Раменских постепенно не приобретали характера достоверности, если бы легенды, которые долгое время существовали, говоря пушкинскими словами, «домашним образом», не стали претендовать на роль непреложных фактов пушкинской биографии и творчества. Показательный пример – огромная публикация «Обратить в пользу для потомков...» в «Новом мире»¹¹. Читателям журнала предложили семидесятитрехстраничную аннотированную описание уникальных архива и библиотеки, которые, якобы, хранились до войны в доме учителей Раменских. По утверждению публикатора, этот «Акт» был составлен в 1935–1938 гг. комиссией Ржевского краеведческого музея, педтехникума и горено. Подлинник его

¹⁰ Никитин А. Г. Пушкин и Урал: По следам находок и утрат. Пермь, 1984. С. 260–261. Еще одну беллетризованныю историю о том, «как нашелся "Айвенго"» и «как он потерялся», можно прочитать в книге А. С. Пьянова «Мои осенние досуги» (С. 192–196).

¹¹ «Обратить в пользу для потомков...»/Публ., предисл. и примеч. Михаила Маковеева//Новый мир. 1985. № 8. С. 195–212; № 9. С. 218–236.

(как и все собрание Раменских) погиб во время войны, а копия отыскалась в 1968 г. в Павловском Посаде во время ремонта одного из домов. В течение трех лет комиссия изучила и описала в «Акте» сотни листов архивных документов, начиная с XV в., богатейшее собрание рукописных и старопечатных книг, русской периодики XVIII – XIX вв. (около пяти тысяч томов), 136 (!) листов рукописей Пушкина, около 10 000 (!) писем: Карамзиных, Муравьевых, Вульфов, Вревских, В. А. Жуковского, И. И. Лажечникова, О. А. Кипренского, И. И. Левитана, М. А. Бакунина, С. В. Перовской, Э. Л. Войнич, М. В. Фрунзе, Дмитрия и Марии Ульяновых¹². Словом, документ, опубликованный «Новым миром», казалось, призван был свидетельствовать о том, что Раменские на протяжении двухсот лет, говоря пушкинскими словами, были связаны с людьми, «коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей». Но вскоре было доказано, что целый ряд опубликованных в «Акте» писем: А. Т. Болотова, А. Н. Радищева, О. С. Чернышевской, Марко Вовчок, А. И. Герцена – и факты, в них заключенные, являются фальсификацией¹³. Упоминается в аннотированной описи 1935 г. и книга Вальтера Скотта «с автографами, стихотворением, отрывком из десятой главы «Онегина» и рисунками повышенных декабристов»¹⁴. Поразительно: работники Ржевского горно-, музея и педтехникума сумели не только прочитать густо зачеркнутую черновую скоропись, но и уверенно определить, что это фрагмент десятой главы пушкинского романа в стихах! Разумеется, и в этот раз не обошлось без

¹² О существовании этого «Акта» впервые известил А. С. Пьянов и опубликовал из него ряд фрагментов (Юность. 1979. № 6, С. 88–92).

¹³ См. отклики на публикацию М. Маковеева, напечатанные «Литературной газетой» под общим заголовком «Осторожно: сенсация» (Лит. газ. 1986.. № 22).

¹⁴ Новый мир. 1985. № 9. С. 219.

новой «пушкинской реликвии». В «Акт» была включена копия письма, которое Пушкин, якобы, отправил Алексею Алексеевичу Раменскому 22 июля 1833 г. О том, что текст этого письма – подделка, причем неудачная, убедительно писал С. А. Кибальник. Тогда же он вскользь высказал предположение, что и «надпись на русском переводе «Айвенго» представляет собой местами более, а местами менее умелую подделку под пушкинский почерк»¹⁵, но гипотезу свою не аргументировал. О том, что после «безответственной публикации» в журнале «Новый мир» стало особенно актуальным проведение повторной экспертизы автографов на книжке Вальтера Скотта, писал С. А. Фомичев, отмечая, что «без распространённых рассуждений о контактах Пушкина с Раменским не обходится <...> ни один очерк о тверских страницах в жизни поэта»¹⁶. Между тем во втором издании словаря «Пушкин и его окружение» рядом с фамилией Раменского появились звездочка, означающая гипотетичность знакомства Пушкина с ним, и указание, что свидетельства об отношениях Пушкина с Раменским «требуют тщательной проверки»¹⁷.

Как видим, в этой истории остаются «и», над которыми следует расставить точки. Прежде всего, это касается вопроса о подлинности записей на книге Вальтера Скотта. В отличие от ряда других «реликвий» из так называемого архива Раменских, фальсификация которых доказана определенно, эта по-прежнему продолжает оставаться «пушкинской» и, защищённая авторитетом Т. Г. Цявловской, С. М. Бонди, Н. В. Измайлова, не исключена до сих пор из фонда подлин-

¹⁵ Кибальник С. А. Мнимый Пушкин//Лит. газ. 1986. № 22.

¹⁶ Акмен А. И., Фомичев С. А. Пушкинское кольцо Калининской области: (Перспективы развития)//А. С. Пушкин: Проблемы творчества. Калинин., 1987. С. 158.

¹⁷ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988, С. 365.

ных рукописей поэта. Записи на «Айвенго», прежде всего «декабристские» (рисунки и шесть стихов из «Онегина»), в научных исследованиях стоят в одном ряду с автографами из пушкинских рабочих тетрадей¹⁸. Словом, необходимость повторного критического, научного анализа этого документа очевидна. Проблема, однако, состоит в том, что именно следует подвергнуть экспертизе. Тексты? Они, безусловно, пушкинские: сохранились черновые автографы отрывка «Как счастлив я, когда могу покинуть...» (ПД, № 84), и «онегинских стихов» («Одну Россию в мире видя...») (ПД, № 171). Для каждого из рисунков, даже плана на последней странице книги¹⁹, без труда можно обнаружить аналогии в рукописях поэта. Почерк? Следует отметить, что до появления этой «находки» пушкинисты не встречались со слу-чаями сознательной подделки почерка поэта. Нам известны фальсификации пушкинских текстов: например, зуевское «окончание» «Русалки», попытки «дописать» десятую главу «Онегина». Известны и случаи атрибуций рукописей И. И. Пущина, А. Д. Илличевского, Н. М. Коншина, Льва Пушкина, А. П. Керн, Е. Н. Вульф как пушкинских, но эти случаи были все-таки результатом невольных заблуждений, основанных на сходстве почерков, а не сознательной спекуляцией. Графологическая экспертиза как таковая не может быть единственным и достаточным доводом в пользу подлинности документа. К тому же ее надежность для таких дефектных записей, как на «Айвенго», – едва видимых или тщательно зачеркнутых, весьма проблематична.

¹⁸ См.: Лотман Л. «И я бы мог, как шут...»//Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981. С. 46–59; Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1986. С. 64–124.

¹⁹ Вероятность того, что план-схема, показывающий, как проехать от Торжка до имения К. М. Полторацкого Грузины, нарисован рукою Пушкина, Т. Г. Цявловская исключила изначально.

В 1963 г., благодаря А. А. Раменского за книгу с собственоручными записями Пушкина, Н. В. Измайлова, в то время заведующий Рукописным отделом Пушкинского Дома, писал, в частности, о его находке: «Автографы «неказистые» с виду, но изумительные по содержанию»²⁰. Внимание Т. Г. Цявловской, С. М. Бонди, самого Н. В. Измайлова оказалось полностью направленным на содержание записей. Их, текстологов, увлекла тогда трудная задача прочтения тщательно зачеркнутых и почти невидимых строк. Эти ученые были людьми высокой культуры и строгих этических принципов. Они подошли к новооткрытым документам с позиции презумпции невиновности. Вряд ли они могли допустить возможность такой сознательной спекуляции на имени Пушкина. Но именно слова Н. В. Измайлова о «неказистости» внешнего вида подсказали иное направление исследования книги. Объектом повторной экспертизы стала прежде всего формальная сторона, «внешность» книги – как отдельных элементов записей на русском переводе «Айвенго», так и их совокупности. Для сравнения были взяты все книги с какими-либо записями Пушкина. Эта в определенном смысле рутинная работа (было обследовано около 70 книг) дала замечательные результаты. Оказалось, что не экстремальные условия хранения сделали автографы грязными и «неказистыми»: они нарочито были сделаны такими²¹.

Рассмотрим более подробно записи на титульном листе книги «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов».

²⁰ Цит. по кн.: Никитин А. Г. Пушкин и Урал. С. 261.

²¹ Д. П. Эрастов, исследуя записи на книге при помощи фотометрических методов, обратил внимание на такую деталь: оборванные края листов, с записями не свидетельствуют о ветхости бумаги, это результат насилия, намеренного обрыва достаточно прочной и плотной бумаги.

Первая помета – владельческая. Она и должна была появиться раньше других, т.е. тогда, когда Пушкин книгу купил. Мы видим сокращенно написанное слово «St. Pet.», фрагмент утраченного текста (возможно, здесь был указан год) и собственно подпись – «Александр Пушкин».

Отметим, что место приобретения книг Пушкин никогда не обозначал: вряд ли в этом была необходимость. Все покупки, как правило, делались им в петербургских или московских книжных лавках. В редких случаях (их всего четыре) Пушкин отмечал особые, раритетные экземпляры. Так, на карте Екатеринославской губернии 1821 г. его рукой написано: «Карта, принадлежавшая Императору Александру Павловичу. Получена в Симбирске от А. М. Загряжского 14 сент.<ября> 1833» (ПД, № 702)²². Широко известна запись на «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии, заплачен двести рублей» (ПД № 1608)²³. Любопытна отметка на томе сочинений Никколо Макиавелли: «Achete dans une vente publique (avec de sots commentaires, au crayon)»²⁴. Покупка двухтомника Кольриджа совпала с днем смерти английского поэта, и, видимо, пораженный этим: «странным сближением», Пушкин отметил его: «Купл.<ено> 17 июля 1835 года, день Демид.<овского?> праздн.<ика>, в годовщину его смерти»²⁵.

Но если даже допустить, что помета «St. Pet.» на «Айвенго» – тот единственный случай, когда Пушкин обозначил место покупки книги, то само слово он бы так не написал. В сохранившихся французских письмах поэта были выявлены

²² Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 601

²³ Там же. С. 603.

²⁴ Там же. Перевод: «Куплена на распродаже (с дурацкими комментариями карандашом)» (франц).

²⁵ Там же. С. 602.

следующие написания имени российской столицы: «S^t.-P.» (ПД, № 505, 506), «S^tP.» (ПД, № 1373, 1467), «S^tP.b.» (ПД, № 570, 629, 1520), «P.b.» (ПД, № 628, 634), «St Petersbourg» (ПД, № 636, 639, 779, Прил. № 47), «Petersbourg» (ПД, Прил. № 42). Как видим, нет ни одного сокращения, которое совпадало бы с надписью на титульном листе «Иванго». Более того – написав «Санкт-Петербург» по-французски, он должен был сделать и владельческую запись также по-французски; во всяком случае, в письмах Пушкина и официальных документах эта закономерность прослеживается четко). Но французских владельческих: надписей на книгах личной библиотеки Пушкина нет, как нет и такой, как на «Айвенго», русской – «Александр Пушкин». В пушкинской библиотеке около четырех тысяч томов, лишь 27 из них имеют владельческие надписи, и только в двух вариантах: «Пушкин» и «А. Пушкин». Правда, на парижском издании басен Фанелона 1809 г. написано «Александр Пушкин» (ПД, № 1599). Это самый ранний из известных пушкинских автографов – детский, возможно долицейский. И если предположить, что томик Фенелона был подарен Пушкину-мальчику, та психологически объяснимо, что десяти-одиннадцатилетний ребенок обозначил собственную книгу своим полным именем – Александр Пушкин.

Итак, детальный анализ владельческой надписи на «Айвенго» не выявил в ней ни одного признака пушкинских помет подобного рода.

Обратимся теперь к дарительной записи на этом же листе.

Два обязательных элемента такой надписи – имя того лица, к кому она обращена («Ал. Ал. Раменскому»), и дарителя («Александр Пушкин») – разделены стихотворными строками::

*Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора.
Уйти опять в пустынные дубровы,²⁶
На берега сих молчаливых вод.*

Сразу же настораживает сама форма посвящения: сокращённо написанное имя и отчество Раменского и полностью написанное пушкинское имя. Аналогичных случаев отыскать не удалось. Вот некоторые примеры пушкинских посвящений: «Его Высокопревосходительству Милостивому Государю Ивану Ивановичу Дмитриеву от Сочинителя»²⁷; «Парасковии Александровне Осиповой от Автора в знак глубочайшего почтения и сердечной преданности» (ПД, № 748)²⁸; «Евпраксии Николаевне Вульф от Автора. Твоя от Твоих» (ПД, № 751)²⁹; «Александру Ивановичу Тургеневу от А. Пушкина» (ПД, № 750)³⁰; «Сергею Дмитриевичу Комовскому от А. Пушкина в память Лицея» (ПД, № 759)³¹. Впрочем, полное написание имени, отчества, фамилии «адресата» не обязательно. Если Пушкина связывали с ним короткие, дружеские отношения, запись была предельно лаконичной: «Полторацкому от Пушкина» (ПД, № 1680)³²; «Евгению Баратынскому от Александра Пушкина» (ПД, № 754)³³; «Плетневу от Пушкина. В память Дельвига»³⁴; «Другу от Друга» (надпись Н. И. Кривцову)

²⁶ В сохранившемся пушкинском автографе (ПД, № 84) этот стих читается иначе: «И убежать в пустынные дубровы».

²⁷ Рукою Пушкина. С. 710.

²⁸ Там же. С. 711.

²⁹ Там же. С. 713.

³⁰ Там же. С. 711.

³¹ Там же. С. 721.

³² Там же. С. 715.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 719.

(ПД, № 876)³⁵; наконец, «А. Норову от А. Пушкина» (ПД, № 757)³⁶. Это единственный случай, когда Пушкин сокращает имя «адресата», но обратим внимание на симметричность элементов этой записи, их равноправие – сокращены оба имени: так два поэта подписывали свои стихи.

Такая форма обращения в книжной дарительной надписи, которую мы видим на «Айвенго», да еще и подчеркнутая, несвойственна не только Пушкину, она в принципе невозможна для человека, воспитанного в культурных традициях пушкинского времени, потому что противоречит элементарным этикетным требованиям. Осмелюсь заметить, что форма «Ал. Ал. Раменскому» – советизм.

Что же касается четырех стихов из первоначального замысла «Русалки», то такую запись Пушкин, скорее, мог оставить в альбоме, как вписал он когда-то в альбомы Марии Шимановской и Полины Бартеневой три стиха из «Каменного гостя»: «Из наслаждений жизни Одной любви музыка уступает, Но и любовь Гармония»³⁷. И дело здесь вовсе не в том, что у сельского учителя Раменского не было альбома, как предположила Т. Г. Цявловская³⁸, а в том, что поэт не смешивал никогда этих двух жанров – альбомного и книжного посвящения. К тому же в стихотворной записи на «Айвенго» есть и фальшивая нота: написание слова «счастлив». Орфографическая норма пушкинского времени допускала двоякое написание этого слова: как с начальным «сч», так и с начальным «щ». Пушкин, как, впрочем, и Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, П. А. Плетнев, П. А. Вяземский, писал «щ». Словарь язы-

³⁵ Там же. С. 726.

³⁶ Там же, С. 729.

³⁷ Там же. С. 661.

³⁸ См.: Цявловская Т. Г. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта. С. 21.

ка поэта регистрирует 553 случая употребления им слова «счастье» и однокоренных образований. Формы «щастливъ» и «щастлив» употребляются в текстах Пушкина 89 раз. К счастью, сохранилась черновая рукопись монолога князя из первого замысла «Русалки» – там безусловное «щ». Были просмотрены все рукописи, где встречается форма «счастлив»: беловые, черновые, авторитетные копии, которые восходят к утраченным автографам, письма.. Выяснилось, что у Пушкина нет других, кроме «щастлив», вариантов написания этого слова. Обнаружился даже такой любопытный факт: в цензурной рукописи третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» 1832 г. писарское написание слова «счастлив» в стихотворении «Счастлив ты в прелестных: дурах. . .» Пушкин или Плетнев (они оба готовили это издание) исправляют на «щастлив» (ПД, № 420, л. 17). Одно исключение все же встретилось, оно касается формы «счастье». В заключительной строке стихотворения «Из Пиндемонте» (его рукописи помечены июлем 1836 г.) Пушкин пишет это слово с начальным «сч»: «Вот счастье! Вот права...» (ПД, № 236, 237). Убедительного объяснения этому случаю пока нет. Вряд ли это описка.

И наконец, обратим внимание на то, что все эти записи сделаны на титульном листе. Пушкин же подписывал книги либо на обложке (лицевой или оборотной ее стороне), либо на шмундитуле, который предшествовал титльному листу и предназначался для того, чтобы защищать его от повреждений и грязи. Притом пушкинские строки всегда тщательно обходили печатный текст и никогда не покрывали его. Надпись по тексту титульного листа в такой же мере противоречит культурной традиции пушкинского времени, как и посвящение «Ал. Ал. Раменскому».

Когда-то Т. Г. Цявловская оценила обнаруженный в доме А. А. Раменского томик «Айвенго» как «уникальный случай соединения» на одной книге трех разнородных видов автографа –

фов Пушкина»³⁹. Тогда исследовательница не почувствовала уже в самой этой «的独特性» тревожного сигнала. Такое прихотливое сочетание разножанровых автографов: черновой скорописи и беловых строк, рисунков, плана, даты, владельческой надписи – возможно только в одной «книге» – рабочей тетради Пушкина.

Подведем итоги. Повторная экспертиза записей на русском переводе романа Вальтера Скотта «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов» показала, что мы имеем первый случай сознательной подделки пушкинского почерка. Кстати, потому закономерен вопрос, какими источниками пользовался имитатор. Недостатка в материале для копирования, как известно, нет: пушкинские рукописи воспроизводились бесконечное количество раз. Но очевидно, что в этой подделке опирались на вполне конкретные образцы. На мой взгляд, все они находятся под одним переплетом – в пушкинском томе «Литературного наследства», изданном в 1934 г. Там в статье Б. В. Томашевского «Десятая глава «Евгения Онегина». История разгадки» приведены разные редакции стихов «Одну Россию в мире видя...» и – главное – дано факсимile чернового автографа этой строфы. Сообщение А. М. Эфроса «Декабристы в рисунках Пушкина» сопровождают воспроизведения рисунков весов на листе с надписью А. Н. Вульфа «Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декабря 1825 года» и виселицы с казненными из Третьей масонской тетради (ПД, № 836). Мужской профиль на «Айвенго» – скорее всего неудавшаяся попытка скопировать портрет С. Л. Пушкина с этого листа. Среди иллюстраций в томе «Литературного наследства» есть и два плана, собственноручно составленные Пушкиным в ходе работы над «Историей Петра» и «Историей Пугачева»; и шмуртитул «Полтавы», подаренной

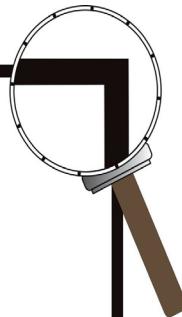
³⁹ Там же. С. 29.

С. Д. Полторацкому 2 апреля 1829 г., с расположением даты в дарительной надписи не слева, как обычно у Пушкина, а посередине строки. И именно так расположил ее имитатор на титульном листе «Ивангое». Наконец, подпись «Александр Пушкин» в факсимиле письма М. А. Дондукову-Корсакову повторена золотым тиснением на крышке переплета этого тома «Литературного наследства»⁴⁰. В нем нет только отрывка «Как счастлив я, когда могу покинуть...». Единственный его автограф ни разу не воспроизвился, и потому-то слово «счастлив» оказалось написанным на «Айвенго» в соответствии с современной орфографической нормой, а не так, как это было свойственно Пушкину⁴¹.

Удалась ли мистификация? С одной стороны – да, ибо в нее поверили Т. Г. Цявловская, С. М. Бонди, Н. В. Измайлов – авторитетнейшие знатоки пушкинских рукописей и почерка поэта. С другой стороны – нет. Если учитывать результаты сегодняшней экспертизы, то имитаторам можно было бы ответить словами Владимира Высоцкого: «Все не так, все не так, как надо». Систематическое обследование книг из библиотеки поэта позволило выявить главные особенности дарительных надписей Пушкина, а в их расположении на книжном листе обнаружить важное сходство с беловыми рукописями: у Пушкина рукописный лист всегда эстетически организован, в этом проявляется в высшей степени свойственное ему гармоническое чувство «соподчиненности и сообразности». В записях на книге «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов» этот эстетический, художественный, культурный уровень отсутствует.

⁴⁰ См.: Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 391, 461, 483, 491, 549, 925, 937.

⁴¹ Отметим попутно орфографическую оплошность мистификатора: на плане в конце первой части «Айвенго» слово «Новгород» написано без «ъя», что решительно было невозможно до реформы 1918 г.

Поиск. Находки. Гипотезы

Александр Зинухов

Где похоронен Александр Пушкин?*

Ответ на этот вопрос, на первый взгляд, очевиден: неподалеку от своего родового имения – села Михайловского, что на Псковщине, в Святогорском монастыре. Однако не все так однозначно и просто. Давайте посмотрим на известные факты более пристально.

Пушкин умер 29 января 1837 года. Отпевание состоялось в 11 часов утра 1 февраля в придворной Спаса Нерукотворного Образа церкви, принадлежавшей конюшенному ведомству двора Его Императорского Величества. В просторечье ее называют Конюшенней церковью.

В ночь с 3 на 4 февраля гроб с телом покойного в сопровождении Александра Ивановича Тургенева и жандармского офицера отправлен из Петербурга в Псковскую губернию для захоронения. Вечером 5 февраля гроб и сопровождающие его лица приезжают во Псков.

Утром 6 февраля еще до рассвета останки Пушкина погребены возле церкви в Святогорском монастыре.

Такова внешняя канва событий. Что скрывается за нею?

Известно, что Пушкин просил не хоронить его на петербургских кладбищах, называя их «болотом». После посещения Новодеревенского кладбища на Елагином острове он написал стихи, проникнутые чувством глубочайшего фи-

*Медовый месяц императора. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. – С.63–78.

зического отвращения и страха. Поэт сравнивает открытую могилу со «скользкой» зевающей пастью чудовища:

*Решетки, столбики,
Нарядные гробницы...
В болоте кое-как
Стесненные рядком...
Могилы слизкие,
Которы также тут,
Зеваючи, жильцов к себе
Наутро ждут, –
Такие смутные мне мысли
Все наводят,
Что злое на меня
Уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...*

Бежать? Но куда? В 1836 году Пушкин похоронил свою мать, Надежду Осиповну Пушкину. Похоронил в Святогорском монастыре, неподалеку от имения Михайловское.

Приближалась весна. Трудное для Пушкина время года. Обычно по весне он страдал меланхолией. Мрачное настроение не покидало его неделями. Что-то тревожило душу, чудилось недоброе. Мысли о смерти, ранее имевшие философско-поэтический смысл, теперь стали реальностью.

Рядом с могилой он приобрел место... для себя. Именно здесь по соседству с землями, принадлежавшими Ганнибалам, он и хотел обрести последнее пристанище.

Судьба сурова к поэту. Даже посмертному желанию осуществиться не дано. Личная жизнь Пушкина – существование под бременем запретов. Он хочет стать военным и отправиться в действующую армию. Нельзя! Хочет поехать за границу. Нельзя! Чего проще уехать в деревню и писать, писать... Нельзя!

Даже посмертное желание выполнить нельзя. Князь П.А. Вяземский в письме к А. О. Смирновой-Россет осторожно намекнул на это печальное обстоятельство: «Горько знать, что светское общество (по крайней мере некоторые члены оного) не только терзало ему сердце своим недоброжелательством, но и озлобляется против его трупа».

Что князь Петр Андреевич имел в виду? Кажется, что сказал он эту фразу против своей воли. Робкий князь не спешил высказывать правду даже в приватных письмах. Знал методы работы столичной почты. Письма его полны намеков на какие-то «адские козни», погубившие поэта, на «коноводов» из высшего света. Вяземский явно что-то знал, но так никогда и не сказал.

Сам Пушкин пророчески писал в послании к Дельвигу:

*Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.*

Не было покоя и ему. Пушкин не хотел лежать в петербургском болоте. Вряд ли он мог подумать, что именно там ему и придется лежать. Но – по порядку. С момента принятия решения похороны Пушкина стали делом государственной важности.

Дирижировал этим старинный его недруг, начальник Третьего отделения и шеф жандармов Александр Христофорович Бенкендорф.

После гибели поэта в обществе долгое время циркулировали слухи о неблаговидной роли Бенкендорфа в этой истории. Игнорировать эти слухи невозможно. Если Бенкендорф принимал участие в организации убийства Пушкина, то он должен был и скрыть следы преступления: необходимо убрать тело, главное вещественное доказательство...

Первым делом меняют место отпевания – первоначально его предполагалось провести в Исаакиевском соборе, в цер-

ковном приходе которого жил Пушкин. Вдруг тело ночью 31 января переносят в Конюшенную церковь, имевшую иной статус – это церковь придворная. Дело не только в том, что власти – имеется в виду император Николай, ибо без него такой вопрос не решить и Бенкендорфу, – пытались ограничить доступ народа в церковь, сколько в том, что необходим был полный контроль за телом. Именно по этой причине от участия в похоронах устраниются все родственники. Никто из родных поэта не только не присутствовал на отпевании, но даже не был извещен о смерти сына и брата. Племянник Пушкина, Лев Павлищев, писал: «Дед мой узнал о смерти сына в половине февраля 1837 года, как видно из письма к нему В.А. Жуковского, а мой дядя Лев гораздо позднее». Психологически у властей сработал рефлекс преступника – любыми путями скрыть следы преступления.

Никто из родных не возмутился, не высказал своих чувств, кроме Ольги Сергеевны, сестры Пушкина, которая, находясь в нервной горячке, кричала: «Пустите меня к брату! Безбожники, безбожницы его режут, мясо его едят». Христианский закон грубо попран. Родственникам отказано в естественном праве – проститься с усопшим. Ольга Сергеевна Павлищева права: безбожники! Преступные безбожники.

Отец, Сергей Львович, и брат, Лев Сергеевич, никакого видимого недовольства не проявили.

Несколько странно ведет себя жена поэта. Если отставной офицер путей сообщения Веревкин пробрался по льду через реку к дому Волконской и присутствовал при выносе тела, то Наталья Николаевна, как позднее вспоминала княгиня В.Ф. Вяземская, «на вынос тела из дома в церковь... не явилась». С момента смерти Пушкина минуло двое суток. Шок уже прошел. Пушкина нет, а это для нее означает, что его никогда и не было. За красивой наружностью скрывалось черствое

сердце. Мы помним слова Пушкина о том, что «твердою любовою корой, тройным булатом грудь ее вооружена, как у Горациева мореплавателя».

Вынос тела напоминал военную операцию: во главе – начальник штаба корпуса жандармов Дубельт и с ним два десятка жандармских чинов. По соседним дворам расположены многочисленные пикеты. Список провожающих крайне ограничен. Василий Андреевич Жуковский так запомнил и отразил в письме к графу Бенкендорфу перенос тела в церковь: «Вместо того назначенную для отпевания церковь переменили, тело перенесли в нее ночью, с какою-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на который собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились о умершем, нас оцепили, и мы, так сказать, под стражей проводили тело до церкви».

Письмо Жуковского наполнено волнением, скрытой обидой и даже возмущением действиями правительства. Интересно сравнить его с записью в дневнике Александра Ивановича Тургенева: «31 января. Воскресенье. Зашел к Пушкину. Первые слова, кои поразили меня в чтении псалтиря: «Правду твою не скрыв в сердце своем». Конечно, то, что Пушкин почитал правдою, т.е. злобу свою и причины оной к антагонисту – он не скрывал, не угомонился в сердце своем и погиб. Обедня у К. Гол. Блудова болтовня. Оттуда к Сербиновичу... О бумагах, приписал, о 14 тетрадях Броглио, опять к Пушкину. И к Д'Аршиаку, где нашел Вяземского и Данзаса: о Пушкине! Знать наша не знает славы русской, олицетворённой в Пушкине. Слова государя Жуковскому о Пушкине и Карамзине. «Карамзин ангел». Пенсия, заплата долгов, 10 тысяч на погребение, издание сочинений пр. Обедал у Карамзиной. Спор о Геккерне и Пушкине. Подозрения

опять на К.И.Г. После обеда на панихиду. Оттуда пить чай к К.Мещер. – и опять на вынос. В 12, т.е в полночь, явились жандармы, полиция, шпионы – всего 10 штук, а нас едва ль столько было! Публику уже не впускали. В 1-м часу мы вывезли гроб в церковь Конюшенную, пропели за упокой, и я возвратился тихо домой».

Неудивительно, что Тургенев возвратился «тихо домой» после такого бурного дня. Удивительно другое: смерть друга, а Пушкин и Тургенев действительно считались друзьями, никоим образом не отразилась на его обычном времяпрепровождении. Он успел побывать у Блудова, Сербновича, Д'Аршиака, Карамзиной, князя Мещерского. Да, еще с утра «зашел к Пушкину», словно Пушкин не лежал в гробу, а сидел у себя в кабинете! Кстати, интересно бы узнать, что делали ближайшие друзья Пушкина у секунданта его противника Д'Аршиака?

После обеда у Карамзиной он успевает на панихиду. После чая у князя Мещерского – бегом на вынос тела. Откуда такая черствость, цинизм и бездушие?! Адмирал Чичагов в своих записках уделил место Александру Ивановичу Тургеневу, отмечая, что у того «в натуре была потребность рыскать». Он и рыскал весь день. Так же рыскал он и 29 января, и 30-го. Перерыв в несколько дней произошел, когда высшая власть поручила Тургеневу сопровождать гроб с телом Пушкина в Михайловское.

Почему выбор пал именно на него, а не на Данзаса, как просила Наталья Николаевна Пушкина, или на Жуковского, как предполагалось накануне? В Третьем отделении очень внимательно отнеслись к выбору сопровождающего. С одной стороны, он должен быть лицом достаточно известным, с другой – он должен настолько зависеть от властей, что даже малейшие подозрения, могущие возникнуть у него во время

пути в Михайловское, не должны стать никому известными. Это должен был быть человек ленивый, вялый, «довольно легкомысленный и готовый уживаться с людьми и обстоятельствами».

Так описал Тургенева адмирал Чичагов. Именно такими качествами должен обладать сопровождающий гроб Пушкина. Кроме того, у Тургенева имелся брат Николай, уже двенадцать лет находившийся в Лондоне в качестве политэмигранта. После декабрьского восстания в Петербурге в 1825 году Николай Тургенев был приговорен заочно к смертной казни, и приговор не отменен. Братья Тургеневы висели на крючке у русского правительства. На эту сцену с удовлетворением взирает император Николай I. Он и хотел бы простить опального Тургенева, но закон нарушать невозможно. Осенью 1836 года Александр Иванович Тургенев добивается аудиенции у императора. Его принимают благосклонно, в ноябре Тургенева видят даже в императорской ложе в театре, но решения вопроса нет, хотя нет и полного отказа.

И тут ответственное поручение правительства, от которого нельзя отказаться. Это шанс. Тургенев понимает. Он готов оправдать доверие.

А пока в Конюшенной церкви закончилось отпевание. Гроб закрыли крышкой и отнесли в подвал. Некоторые светские дамы утверждали позднее, что провели у гроба всю ночь. Если это так, то вряд ли это происходило в подвале. Н. Невзоров опросил служащих церкви, и они сообщили, что гроб с телом Пушкина поставили не в подвале, а «при входе в церковь, внизу, к северу, в особо устроенной комнате, где в ту пору хранилась погребальная колесница, на которой привезено было из Таганрога тело покойного императора Александра I».

Утром доступ к гробу прекращен.

Начиная с утра 1 февраля обычно неповоротливая бюрократическая машина заработала с лихорадочной быстротой. 1 февраля граф Григорий Строганов обращается с письменной просьбой о разрешении захоронить тело Пушкина в Свято-горском монастыре Псковской губернии. Создается впечатление, что министр внутренних дел Д.Н. Блудов только и ждет письма графа. Немедленно на письме появляется резолюция: «Истребовать и прислать ко мне поскорее все бумаги». В тот же день соответствующие письма получают петербургский военный губернатор и обер-прокурор Святейшего синода. Одновременно граф Строганов получает формальное согласие министра внутренних дел на свою просьбу.

Но, конечно, не Блудов решал этот вопрос. Необходимо получить согласие императора. Получить его в один день просто невозможно. В данном случае мы имеем дело не с согласием императора, а с его решением. Подготовленное графом Бенкендорфом, оно только ожидало формального обращения графа Строганова. Последний, естественно, не мог обмануть ожиданий столь высоких лиц.

Совершенно неожиданно объявлен смотр войскам петербургского гарнизона, в котором участвовало 60 000 (!) солдат. Даже войсковые обозы шли по улицам, вызывая страх и недоумение жителей столицы. Именно обозы блокировали доступ в Конюшенную улицу, где находилась церковь Спаса Нерукотворного Образа. Движение гражданских лиц в этом районе прекращено.

Таким образом, 2 февраля гроб с телом Пушкина находился под полным контролем властей. Учитывая все эти странности, сопровождавшие похороны Пушкина, можно с большой долей вероятности предположить, что именно в этот день (или ночь) агенты Третьего отделения изъяли тело, похоронив его на одном из петербургских кладбищ. А на его место положен труп неизвестного, вероятно, сильно разложившийся.

Гроб заколочен, поставлен в дубовый ящик, который также заколочен и просмолен.

Операция осуществлена довольно чисто. Однако сведения о ней могли просочиться в общество. М.П. Погодин записал в дневнике: «Разговор о происшествии после смерти Пушкина, нелепых подозрениях». Запись относится к периоду между 21 и 28 февраля 1837 года. Погодин не указывает, с кем был разговор, но судя по предыдущему абзацу – с Владимиром Ивановичем Далем. Даль знал многое. Он делал вскрытие тела Пушкина. И именно ему «обстоятельства», читай агенты Третьего отделения, не дали извлечь пулю. Пуля важна только в том случае, если она не из пистолета Дантеса и не пистолетная пуля, а ружейная или винтовочная. Они скрывали вещественные следы преступления.

Поздним вечером 3 февраля все готово к отправке «групп». Василий Андреевич Жуковский описал момент прощания с грустной и наивной прямолинейностью: «3 февраля в десять часов вечера собрались мы последний раз к тому, что еще для нас осталось от Пушкина, отпели последнюю панихиду; ящик с гробом поставили в сани; в полночь сани тронулись, при свете месяца я провожал их несколько времени глазами, скоро они повернули за угол дома; и все, что было на земле Пушкин, навсегда пропало из глаз моих».

Панихиду пели над закрытым ящиком. Жуковскому, конечно, и в голову не могла прийти мысль, что осуществлена подмена тела.

Тайная полиция России имела определенный опыт в таких делах. После самоубийства Александра Николаевича Радищева его похоронили настолько оперативно и скрыто, что до сих пор найти его могилу не могут. Опыт этот вполне мог пригодиться при разработке и проведении операции по подмене и захоронении тела Пушкина.

За полночь трое саней покинули столицу. Одновременно в Псков послан специальный представитель императора и Третьего отделения камергер Яхонтов с приказом для губернатора Пещурова: «...воспретить всякое особенное изъявление». В конце вскользь замечено: «К сему не излишним считаю заметить, что отпевание тела уже совершено». Вот главное! Из-за этого спешил в Псков камергер Яхонтов. Если не отпевать, то и вскрывать гроб не нужно.

6 февраля в 6 часов утра гроб предан земле. При этом гроб из ящика не вынимали, бросив ящик и гроб в мерзлую землю, и чуть присыпав снегом.

До весны пролежал ящик у стены Святогорского монастыря. Никто и подумать не мог, что в нем важная государственная тайна.

Примечательно, что близкие родственники на могиле Пушкина не были. Жена, Наталья Николаевна, заехала как-то, постояла немного и ушла, а кирпичный склеп сделала соседка Пушкина, владелица села Тригорское П. Осипова.

Сомнения в том, что в Михайловском похоронен именно Пушкин, в очень осторожной форме высказал А.И. Фаресов почти сто лет назад в статье «В Святых Горах», помещенной в июльском номере журнала «Исторический вестник» за 1899 год: «...Островский уездный исправник, которому приказано было встречать и провожать тело до вечного места упокоения, не рискнул сам отправиться для встречи тела поэта, а командировал для сего одного из своих последних канцелярских чиновников, который один и мог засвидетельствовать, что прибывший рано утром в Святые Горы осмоленный ящик зарыт в земле или, точнее, в снегу у одного из алтарей обители. Что же в действительности заключалось в этом ящике – свидетелей никого не было».

А если кто и был, то, конечно, молчал, и правильно делал, ибо сопричастен был государственной тайне. Но кое-какие слухи появились уже в феврале 1837 года.

За прошедшие годы с момента погребения трижды появлялась возможность убедиться, кто захоронен в погребении. Первый раз – при установке памятника в 1841 году. Затем в 1902 году, когда во время реставрационных работ осела земля и обнажился гроб. Решено было укрепить откос горы и заменить попортившийся кирпичный цоколь надгробного памятника гранитным. Работами руководил гражданский инженер В.Л. Назимов. Он являлся и автором проекта.

Работы фактически начались 1 июля 1902 года. При переделке свода часть склепа с западной стороны обвалилась. Образовалось значительное по размеру отверстие, сквозь которое стал виден гроб. Произошло это примерно 10 августа 1902 года.

Об этом узнал журналист В.К. Фролов, гостивший в имении барона Г.В. Розена. 12 августа Фролов и барон Розен приехали в Святые Горы. Фролов 26 сентября, в газете «Новое время» опубликовал статью, где подробно описал увиденное: «Подойдя к передней решетке могилы, мы увидели около нее груды кирпичей, бочки с известью, почерневшие гнилые доски, тут же валявшиеся, и над всем этим хаосом высоко приподнятую чугунную решетку, из-под которой в беспорядочном виде торчали обломки старых могильных сводов и новые кирпичи, вделанные в стены могильного склепа. Небольшая группа рабочих в пять-шесть человек во главе с десятником копошилась около этих сводов. Еще момент, и мы увидели на глубине не более одного аршина от поверхности земли переднюю (головную) часть дубового гроба с прахом гениального поэта!»

Очевидно, что Фролов и Розен увидели именно гроб, а не ящик. Вероятно, при устройстве склепа ящик сняли. Гроб

находился и отличном состоянии. Этому способствовали почва и климат Святых Горах. В дальнейшем для нашего исследования это окажется очень важным. Из статьи Фролова: «...местами на нем уцелели даже отдельные куски парчового позумента, некогда украшавшего гробовую крышку; весьма возможно, что это были остатки креста из парчовой ткани... Не только парчовые позументы, но и узоры в виде петель по их краям – все в значительной степени сохранили если не свои первоначальные (вероятно, золотисто-темные и красные), то изменившиеся от долгого лежания в земле, но все же достаточно еще яркие и свежие цвета зеленовато-желто-голубой и коричневый, отчасти же и свой мишурный блеск. На крышке гроба уцелели также некоторые металлические фигурные части, служившие либо его украшением, либо скреплением самой крышки; они, надо полагать, были сделаны из позолоченной меди, судя по сохранившимся на них и заметным на очень близком расстоянии темно-желтым полоскам на выпуклых местах...»

В шестом томе Полного собрания сочинений А.С. Пушкина анонимный автор статьи, подписавшийся инициалами В.В., анализируя статью Фролова, справедливо замечает, что «благодаря почвенным условиям Святых Гор гроб Пушкина сохранился гораздо дольше, чем можно было предполагать, и это дает право допустить, что и останки поэта могли сохраниться в большей целости, чем при обычных условиях».

Таинственный В.В. вроде как подводит читателя к необходимости и обоснованности эксгумации трупа, находившегося в данном гробу. Он что-то знал или догадывался.

Прошло полвека. В августе 1953 года директор заповедника «Пушкинские Горы» Семен Гейченко решил провести капитальные работы по укреплению памятника на могиле. Работы выполнялись специалистами из Псковской рестав-

рационной мастерской. Был приглашен известный археолог П.Н. Шульц.

В своей книге «У Лукоморья» Гейченко уделяет эпизоду вскрытия могилы всего три страницы небольшого формата. За время, прошедшее со дня вскрытия могилы и выхода книги, никто из исследователей не удосужился вникнуть в смысл информации, изложенной на этих трех страницах.

С 18 по 30 августа на могиле А.С. Пушкина производились работы, результаты которых можно смело назвать сенсационными. Свидетельствует С. Гейченко: «На второй день работы сняли надземные части памятника. Открылись створки двух больших плит, лежащих в его основании. Когда убрали плиты, в центре основания обнаружилась камера, квадратная по форме, со стенами, облицованными кирпичом в один ряд. Высота камеры 75 сантиметров. В восточной стене ее маленькое окошечко. На дне камеры были обнаружены два человеческих черепа и кости. Экспертиза показала, что кости принадлежат людям пожилого возраста. Останки были обмерены и помещены в специально приготовленный свинцовый ящик. Этот ящик поместили в камеру, когда, по окончании реставрации, детали памятника были вновь поставлены на свои места».

Итак, над склепом с захоронением «поэта» обнаружено захоронение костей и двух черепов пожилых неизвестных людей. Почему-то Гейченко и другие исследователи отказались от всяких комментариев по этому вопросу. Кто были эти люди? Умерли они насилиственной или естественной смертью? Почему и когда совершено погребение их в «могиле Пушкина»?

На часть вопросов можно получить ответы, если найти и проанализировать акты вскрытия и экспертизы. Гейченко пишет, что они хранятся в «музейном фонде заповедника». Я

письменно обратился к нынешнему директору заповедника, но ответа не получил.

Через знакомую журналистку обратился в Пушкинский Дом с просьбой предоставить копию протокола вскрытия. Сначала ей ответили, что документ находится в спецхране, а через некоторое время заявили, что его вообще в фондах Пушкинского Дома нет.

Очевидно одно: черепа попали в захоронение не случайно. Захоронение черепов в специальной камере над склепом является обязательной частью некоего ритуала, который условно можно назвать «мертвая голова». Не исключено, что в ходе его выполнения совершено ритуальное убийство неизвестных людей.

Культ «мертвой головы» возник многие тысячи лет назад. В одном историко-смысловом ряду стоят циклопические головы из Южной Америки (культура древних инков) и гигантские головы с острова Пасхи. В Европе «мертвая голова» считалась священной у тамплиеров и масонов.

В ходе следствия над членами ордена храмовников (тамплиеров) следователи инквизиции, допрашивавшие тамплиеров, отметили в протоколах: «Большая голова из позолоченного серебра, очень красивая, с женским лицом; внутри черепные кости, завернутые и зашитые в полотно из белого льна, покрытого другим полотном красного цвета...»

В Средние века существовала легенда о тамплиере по имени де Сидон, вступившем в половую связь со своей умершей возлюбленной. Некий голос приказал ему явиться к могиле через девять месяцев. Де Сидон пришел в назначенное время и раскопал могилу. Между берцовых костей скелета лежала голова. Голос сказал: «Не расставайся с ней никогда, потому что она принесет все, что ты пожелаешь». Так и случилось.

Всю жизнь рыцарь держал у себя эту голову, потом она перешла в собственность ордена храмовников.

В повести Пушкина «Барышня-крестьянка» молодой барин Алексей Иванович Берестов «носил черное кольцо с изображением мертввой головы».

«Мертвая голова» – один из основных масонских символов. Она участвует в обряде приема профана в первую ученическую и переходе его во все последующие степени (градусы). Она же провожает умершего брата в мир иной. Масоны изображали мертвую голову на надгробных плитах и... клади черепа в могилу.

Пробую искать аналогии. Недолгие поиски вывели меня к захоронению еще одного великого писателя, умершего несколько позже Пушкина.

В июне 1931 года на кладбище Данилова монастыря вскрывали могилу Николая Васильевича Гоголя. Присутствовавший при этом писатель Вл. Лидин отметил в своих записках: «При наличии вскрытия могилы на малой глубине, значительно выше склепа с замурованным гробом был обнаружен череп, но археологи признали его принадлежащим молодому человеку». При этом головы самого Гоголя в гробу не оказалось!

Давно известно, что Пушкин был масоном, причем масоном потомственным. Членами масонских лож являлись его отец и дядя, Василий Львович. Последний с успехом писал масонские гимны.

Исследователи обычно несколько стыдливо касаются этой темы. Почему-то забывает, что вся русская литература XIX столетия вышла из масонской лаборатории, из масонской философии, мистики и практики. Не избежал этого влияния и А.С. Пушкин. М.Д. Филин, известный пушкинист, впервые серьезно занялся поисками следов масонского влияния на творчество поэта в работе «Две перчатки в гробу. «Масонский след» в судьбе Пушкина».

Если пушкинисты недооценивают роль масонства в судьбе и творчестве поэта, то масоны значительно ее преувеличивают. Для них Пушкин – масон навсегда, масон как человек и как поэт. Кстати, в Париже создана ложа «Александр Пушкин».

Масоны претендуют на духовное и поэтическое наследие Пушкина. Ритуальное захоронение черепов на могиле поэта – еще одно тому свидетельство.

Судя по всему, камера с ритуальными черепами появилась над склепом в 1841 году, когда известный масон граф Григорий Строганов установил на могиле памятник работы замечательного мастера Александра Пермагорова. Проект утверждал сам государь Николай Павлович. Одобрав его, император вдруг заметил, что на памятнике отсутствует крест. После замечания императора Григорий Строганов не очень охотно дал указание Пермагорову на сей счет. Крест «присочинили», очень небольшой, чтоб в глаза не бросался.

Братья всячески старались отдалить Пушкина от христианства.

Достаточно хорошо известен и такой скандальный эпизод: в гроб с телом поэта Жуковский и Вяземский бросили белые лайковые перчатки – знак, что и после смерти покойный принадлежит к братству. Более того, они исхитрились и на руки покойного надеть слегка пожелтевшие от времени масонские перчатки.

Ритуальное захоронение черепов в могиле свидетельствует, что масоны не имели информации о замене тела перед захоронением в 1837 году Тайная полиция умела хранить свои тайны.

Вернемся в август 1953 года. Четвертый день работы. Рабочие расчистили крышку склепа. Дальнейший рассказ Гейченко носит следы авторской или редакционной правки, приведшей к нарушению логики рассказа. «Всем стало ясно,

— пишет Гейченко, — что перед нами крышка склепа с гробом Пушкина. Два кирпича обвалились внутрь склепа».

Автор хочет убедить читателя, что именно сквозь это отверстие, опустив в него электрический фонарь, они осматривали склеп и гроб. Однако ниже он приводит размеры склепа с точностью до сантиметра. Выполнить замеры сквозь небольшое отверстие невозможно. Также невозможно определить, что гроб сшит коваными дубовыми гвоздями и что у него прекрасно сохранилось подножие. Для этого необходимо разобрать стенку или часть свода склепа и проникнуть внутрь.

Гейченко получил разрешение на реставрацию памятника, но вскрывать захоронение ему никто не разрешал, поэтому он осторожничает, не пишет всего. Чуть более пяти месяцев назад умер Сталин, месяц назад расстреляли Берия. В Кремле идет яростная борьба за власть. Бывший заключенный Гейченко прекрасно понимает, что будет с ним, если узнают, что он не только вскрыл склеп, но и рассматривал содержимое гроба. Однако ученый побеждает заключенного. Он не может не заглянуть внутрь. Авось никто не донесет или в неразберихе смены власти будет не до Пушкина. С этой точки зрения время выбрано весьма удачно. Работами на могиле никто из властей не заинтересовался. Не обратила на них внимания и ученая общественность. Гейченко даже не послал в Пушкинский Дом акты вскрытия могилы и отчет. По его словам, все эти документы хранятся в музее-заповеднике «Пушкинские Горы». Исследователи с ними никогда не работали, И совершенно напрасно. Возможно, именно в них ответ на вопрос; что же увидел Гейченко в гробу?

Послушаем Гейченко: «Принесли электрический фонарь и осторожно опустили его в отверстие. Все затаили дыхание. Когда глаза наши привыкли к свету, как будто из тумана выплыли контуры помещения. На дне склепа мы увидели гроб с прахом поэта.

Произвели промеры склепа: длина 3 метра, ширина 85 сантиметров, глубина 80 сантиметров. Стены сложены из камня, верхняя крышка из красного кирпича. Кирпич нестандартный, хорошего обжига. От действия атмосферных вод кирпич частично деформировался. Гроб стоит с запада на восток. Он сделан из двух, сшитых железными коваными гвоздями, дубовых досок, с медными ручками по бокам. Дерево коричневого цвета. Хорошо сохранились стенки, изголовье и подножие гроба. Никаких следов ящика, в котором гроб был привезен 5 февраля 1837 года, не обнаружено. На дне склепа остатки еловых ветвей Следов позумента не обнаружено. Прах Пушкина сильно истлел. Нетленными оказались волосы.

Отрывок приходится читать как криптограмму. Прежде всего, чувствуется рука археолога. Скорей всего, П.Н. Шульц составил профессиональное описание погребения. Но ни слова не сказано о том, куда делись позолоченные украшения с крышки гроба. Крышка провалилась, говорит Гейченко, тогда они должны быть внутри. Неужели археолог Шульц их не заметил? Как не заметил и пулью, которая должна была остаться в крестце трупа. В это трудно поверить, вероятно, украшения украдены с гроба еще в 1902 году. А пули в гробу просто не оказалось. Она осталась в теле Пушкина, а не того, кто под этим именем лежит в чужой могиле.

Иногда мне приходит в голову мысль, что вся реставрация 1953 года затеяна именно с целью взглянуть, а может быть, и изучить останки поэта. А почему, собственно, нет? Если у Гейченко не было научного интереса к останкам в могиле «Пушкина», то он не стал бы разбирать стену склепа и заглядывать в могилу. Остается открытым вопрос: что же он там увидел? Отделаться фразой «прах Пушкина сильно истлел» ему, конечно, не удастся. Мне кажется, что фраза Гейченко

переводится с языка шифров на обычный язык следующим образом: ничего, напоминающего останки Пушкина, в могиле не обнаружено. Правда, найдены чьи-то волосы, но ученый обязан доказать, что это волосы Пушкина. Почему-то ни их цвет, ни внешний вид не вызвали интереса у Гейченко. Скорей всего, они не соответствовали ни по виду, ни по цвету волосам Пушкина, как их описывали современники. Почему Гейченко отправил в музейный фонд гвоздь и кусочек дерева от гроба, а волосы нет? Ведь сегодня у нас имелась бы возможность сравнить их с волосами, хранящимися в Пушкинском Доме. Он этого допустить не мог, ибо тогда пришлось бы решать загадку: где похоронен Пушкин?

Есть необходимость рассеять все сомнения вокруг смерти и захоронения Александра Сергеевича Пушкина. Необходима эксгумация останков. Вскрытие могилы позволит не только произвести экспертизу ритуальных черепов, но и выяснить окончательно, кто же в ней захоронен.

Параллельно можно решить ряд специфических научных задач.

Во-первых, окончательно выяснить внешний облик Пушкина. Не портреты изучать, как предлагал антрополог Д.Н. Анучин, а с помощью независимых экспертов, возможно по методу Герасимова, воссоздать подлинный облик поэта.

Во-вторых, необходимо разобраться с многочисленными потомками так называемой английской ветви, ведущей свое происхождение от дочери Пушкина Натальи Александровны, причем разобраться на молекулярном уровне, ибо существуют веские причины считать, что последняя дочь Пушкина его дочерью не является и рождена от близких отношений ее матери, Натальи Николаевны, с императором Николаем I.

И наконец, если утверждение В. И. Даля о том, что при вскрытии тела Пушкина пуля вынута не была, правда, то по-

является возможность найти ее и точно определить, из какого оружия стреляли и смертельно ранили поэта, а следовательно, и кто стрелял, другими словами, верно ли предположение, что стрелял снайпер из ружья.

Если Гейченко в августе 1953 года увидел и понял то, о чем сказано выше, то становится ясно, почему он так невнятно описывает увиденное. Он – директор музея-заповедника, и директор, видимо, превозмог ученого. Останки истлеть не могли, особенно череп. Почва в Святых Горах такая.

Мне возражают: вскрывать могилы кощунственно. Но почему можно вскрыть могилу Ивана Грозного, Тамерлана, хотя древнее пророчество предупреждало, что делать этого нельзя? Почему в Европе извлечены из могилы и изучены учеными останки Рафаэля, Петrarки, Данте, Шиллера?

Важность изучения останков национальных гениев очевидна.

Могила А.С.Пушкина в Святогорском
монастыре. Гравюра М.Васильева

Изобразительная
Пушкиниана

*Александр Ралин
Маргарита Иванова*

Пушкин в блокадном Ленинграде

В этом году мы отмечаем 70-летие полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Проходят десятки лет, сменяются поколения людей, но легендарная оборона города, выстоявшего 900-дневную вражескую осаду, оставила в нашей истории невиданный пример стойкости и отваги в борьбе с фашистскими захватчиками.

Окруженный со всех сторон врагом, город был лишен самого необходимого – света и воды, топлива и хлеба. Но ничто не смогло сломить ленинградцев: изнуренные холодом и голодом, вражескими обстрелами и бомбардировками, они ни на минуту не прекращали сборку орудий и танков, изготавление снарядов и патронов.

В Ленинграде не было границ между фронтом и тылом – весь город был в буквальном смысле слова передовой линией фронта. И тем более замечательно, что в эти дни беспрепятственно тяжелых испытаний в городе не затихала творческая жизнь. Все ее проявления были едины в своей целенаправленности – все для разгрома врага, все для фронта, все для победы. В этом заключался смысл каждой радиопередачи, каждого концерта и спектакля, каждой работы художника.

Обратимся к летописи жизни блокированного врагом города. В ней, оказывается, немало «пушкинских» страниц. Напомним сегодняшнему читателю некоторые из них.

1941.

11 сентября. В Таврическом дворце (тогда он носил имя Урицкого) проходил общегородской митинг молодежи, на котором выступал В.В. Вишневский. Его речь транслировалась по радио и была опубликована «Комсомольской правдой».

«... Твоя душа, товарищ, твоя душа, девушка и юноша Ленинграда, отзывалась на все лучшее, что было в мире, на все, что было лучшего в культуре, – говорил он. – Ты любишь и знаешь Пушкина. Так узнай, что эти стервецы срывают портреты Пушкина, делают из них мишени и, смеясь, стреляют. Они говорят, что Пушкин – не ариец, и они хотят уничтожить его, отнять гения нашего народа...».

Гений нашего народа... Светлое имя Пушкина стало добрым спутником ленинградцев на пути к Победе. Его стихи звучали на фронте, печатались на страницах газет, журналов и книг, на политических плакатах и почтовых открытках¹.

Худ. неизвестен. Красуйся, град Петров

¹ На иллюстрациях воспроизводятся почтовые открытки военного Ленинграда.

20-21 ноября. Впервые после длительного перерыва возобновились оперные спектакли. В помещении театра Госнардома (впоследствии – кинотеатр «Великан») представлена опера П.И. Чайковского «Евгений Онегин». На следующий день об этом сообщила городская комсомольско-молодежная газета «Смена». В дальнейшем этот спектакль 40 раз прозвучит в блокадном Ленинграде.

Сценические воплощения произведений А.С. Пушкина – не редкость в театральном репертуаре тех незабываемых дней. Учитывали их популярность и фронтовые бригады артистов, готовя свои выступления в воинских частях.

Поздней осенью 1941-го на Малую Неву с Балтики пришел дивизион подводных лодок и встал на зимовку против Пушкинского Дома. Там, в подвале исторического здания Петербургской таможни, подводники вместе с оставшимися в Ленинграде сотрудниками ИРЛИ, оборудовали железной печкой комнату и, собираясь в ней вместе, при свете коптилки читали Пушкина, стихи его современников, слушали лекции о поэте и его времени.

1942.

9 февраля. Московская газета «Известия» рассказала о работе композитора и музыковеда, академика Б.В. Асафьева в осажденном фашистами городе на Неве. В те годы им были созданы музыкальные пушкинские произведения на сюжеты «Графа Нулина», «Домика в Коломне», «Каменного гостя», «Гробовщика», написаны исследования об операх «Евгений Онегин» и «Борис Годунов», о М.И. Глинке (к 100-летию первого представления оперы «Руслан и Людмила»).

10 февраля. Из воспоминаний литературоведа В.А. Мануйлова: «Дом на Мойке, 12 высился обледенелой глыбой среди огромных снежных сугробов, доходивших до заколоченных

фанерой окон первого этажа. Где-то в нескольких квартирах второго и третьего этажа теплилась жизнь, кто-то из жильцов носил еще из проруби воду, кто-то рубил на дворе уцелевшие на кухне столы и стулья. Из музея все было вывезено еще летом, пустые стены пушкинских комнат охраняла сотрудница Института русской литературы Академии наук СССР, жившая в одном из подвальных помещений.

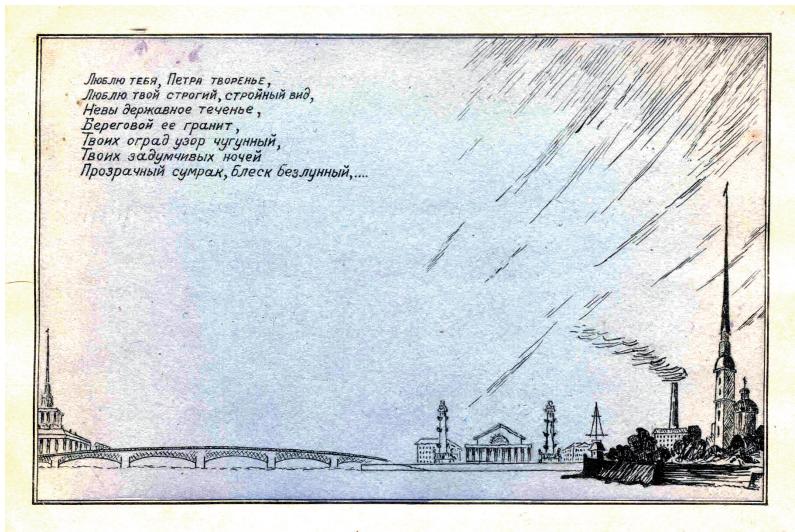
Сотрудники Института время от времени наведывались на Мойку, 12, чтобы убедиться, что «все в порядке». Ни о каком памятном собрании в день 10 февраля 1942 года, конечно, не могло быть и речи. Стояли лютые морозы. И многим не было суждено пережить именно эти первые февральские дни, хотя солнце светило ярче и верилось, что весна придет.

И вот в начале третьего часа 10 февраля, как всегда в этот день, не сговариваясь друг с другом, пять ленинградцев добрались до дома на Мойке и встретились под аркой у той заветной двери, через которую сто пять лет назад внесли смертельно раненного Александра Сергеевича Пушкина по лестнице через прихожую в рабочий кабинет.

Да, помнится, было пять человек, изменившихся, похудевших, не похожих на себя. Трех из них в тридцатые годы можно было часто встретить на собраниях Пушкинского общества. Одной из пришедших была Валентина Романова-Завитаева, учительница, энтузиастка, другой – Юлия Гавриловна Заварина, третьим – пишущий эти строки (т.е. Мануйлов). А вот кто были двое других мужчин, вспомнить не удается.

Почему-то говорили шепотом, да и то очень немногословно. Не до речей было. Постояли молча, как-то больше для себя, чем для других, вспомнили вещие слова: Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия. Посмотрели друг на друга (не в последний ли раз!) и разошлись.

Так отметили ленинградцы светлую память Пушкина в лютые дни первой блокадной зимы» (очерк «Мы шли к Победе вместе с Пушкиным», 1971).

Автор В[иктор]. Рукописная открытка. Люблю тебя, Петра творенье

1943.

Январь. Бойцы Волховского фронта вспоминали батальонного комиссара П.М. Ходжанова. Поклонник пушкинской поэзии, он часто и с глубоким чувством читал вдохновенные строки поэта. Когда начиналось построение наших войск, готовивших прорыв блокады Ленинграда, комиссар в беседах с бойцами ударных групп неоднократно вспоминал посвященные городу строки из «Медного всадника». И это не единичный случай. Есть и другие подобные свидетельства очевидцев. Один из них рассказал, как воин Ленинградского фронта – поэт, журналист В.Т. Станцев читал солдатам пушкинскую «Полтаву» и той поразительной реакции, которую вызывало это чтение.

8 февраля. Писатель Л.В. Успенский вспоминал о виденных им в этот день красных гвоздиках из материи, лежавших у памятника на месте дуэли Пушкина (очерк «За Черной речкой», 1974).

9 февраля. В Большом зале Ленинградской филармонии с пушкинской программой выступил популярный мастер художественного слова В.Н. Яхонтов.

10 февраля. Памятное заседание в день 106-й годовщины со дня смерти А.С. Пушкина провели Пушкинский Дом, Союз писателей и Пушкинское общество. Доклад «Пушкин – великий национальный поэт» прочитал В.А. Мануйлов.

В феврале состоялся также вечер, посвященный памяти поэта, в зале Центрального лектория на Литейном проспекте.

15 марта. В помещении Театра комедии на Невском состоялась премьера оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама». Постановку осуществила заслуженный артист республики Н.Л. Вельтер (Середа), в роли графини – народная артистка республики С.П. Преображенская, Елецкий – заслуженный артист республики В.Л. Легков, Герман – В.И. Сорочинский, Лиза – Н.Д. Болотина.

В 1943-м балетный коллектив городского театра поставил фрагменты из «Руслана и Людмилы» и «Бахчисарайского фонтана».

4 июня. Приближался день рождения А.С. Пушкина. В дневнике Веры Инбер появилась запись о желании написать «пушкинское» стихотворение.

5 июня. В этот день Вера Михайловна написала стихотворение «Пушкин жив». Это двадцать строк о том, как дорого для советского человека имя Пушкина, как не хочет расстаться с его книгами он во время варварской бомбейки фашистов, не задумываясь о риске для своей жизни.

6 июня. В этот день 144 года назад родился А.С. Пушкин. Мойка, 12... «Набережная Мойки, – вспоминал Н.С. Тихонов, – была пуста, разбита бомбами и снарядами. Среди камней росла трава. Было так тихо, что стук упавшего кирпича в руинах казался громом...».

В пустынных комнатах последней квартиры поэта торжественно и тихо. В кабинете поэта нет ни книг, ни дивана, ни письменного стола с чернильницей-арачонком, ни гусиного пера. К двум часам дня здесь собирались ученые, писатели, артисты, командиры и бойцы Ленинградского фронта. У мраморного бюста Пушкина стоит микрофон. Выступления транслируются по радио на Большую землю. От имени Пушкинского Дома памятное собрание открыл профессор В.А. Мануйлов (это его воспоминания помогают нам воссоздать обстановку того дня).

Вот, что говорили выступающие: Н.С. Тихонов: «Мы отмечаем этот день в обстановке сражающегося Ленинграда, мы не можем быть сейчас ни в Михайловском, ни в Тригорском. Эти священные для нас места сейчас у немцев. Но здесь, в Ленинграде, Пушкин – участник нашей борьбы с поработителями. В бою участвуют не только люди с оружием в руках, не только современники боев. Наши предки величием своих деяний также борются за свою Родину. Всю жизнь ненавидевший тиранию и рабство, воспевающий солнце человеческого разума, Пушкин сейчас с нами».

В.М. Инбер прочла свое стихотворение «Пушкин жив», написанное накануне. Заслуженный артист республики А.П. Нелидов читал стихи поэта.

Последним выступил В.В. Вишневский: «Пушкин защищал честь свою, честь семьи, а главное – честь России. Пушкин, уже смертельно раненный, приподнялся и выстрелил по врагу, ненавидя его. Таким мы ощущаем поэта сегодня здесь, в его

городе, который не сдался врагу и упорно дерется. Пушкин – это бессмертный образ героя. Ленинградцы, и вместе с ними вся страна, благоговейно чтят его память».

Когда говорил Всеволод Витальевич, начался артиллерийский обстрел. Снаряды разрывались где-то неподалеку. Но никто не покинул музей. Лишь когда он закончил свою речь, народ стал неторопливо расходиться.

15 июня. В этот день подписана в печать книга «Русские поэты о Родине». Большой раздел в антологии занимают стихи А.С. Пушкина.

В 1943 г. в Ленинграде тиражом 30 тыс. экз. вышли «Сказка о рыбаке и рыбке» с иллюстрациями замечательного русского художника И.Я. Билибина, погибшего от истощения зимой 1942 г., и «Сказка о царе Салтане...».

Декабрь. «Письма любви и юности» – под таким заголовком 24 марта 1984 г. «Комсомольская правда» опубликовала переписку Л.В. и Л.А. Жаковых. Находясь в блокадном Ленинграде, Л.В. Жакова писала в конце 1943 г. своему другу на фронт: «Я в последнее время увлеклась Пушкиным...».

1944.

Январь. Войска Ленинградского и Волховского фронтов, после тщательной подготовки перешли 14 января в решительное наступление и осуществили одну из важнейших стратегических операций Великой Отечественной войны, разработанную Л.А. Говоровым – замечательным полководцем нашего времени. К 27 января Ленинград полностью освобожден от фашистской блокады, а в ходе боев 24 января был освобожден город, носящий имя поэта.

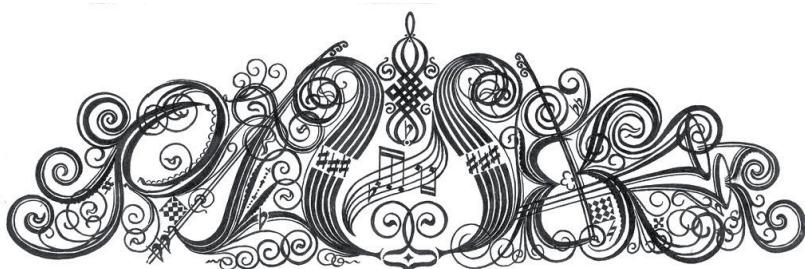

Худ. В.М. Соколов. Блокада прорвана!

Значение победы под Ленинградом и величие подвига города, воспетого Пушкиным, очень выразительно представил художник-карикатурист, недавно ушедший из жизни, Б.Е. Ефимов (1900–2008). По горячим следам – 30 января 1944 г. в газете «Красная звезда» опубликована карикатура в сопровождении пушкинского текста «Ленинград идет!»: Медный всадник преследует убегающего в панике Гитлера.

Залпами грандиозного победного салюта отмечал город день своего освобождения. И в радостный час вместе с победителями был их любимый поэт – незримый труженик Победы, чья бессмертная музя помогала выстоять в невероятно тяжелых испытаниях.

*Страницы
лицея
имени А.С. Пушкина*

Инесса Батраева

Научный руководитель – Ирина Николаевна Обухова

Языковые формы выражения зависти и ревности в трагедии «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина

1. Содержание
2. Введение
3. Понятия
4. Исследование языковых форм выражения зависти и ревности
5. Заключение

Цель моей работы заключается в том, чтобы понять неразрывность плана содержания и плана выражения в художественном тексте, развести эти два плана, не смешивать языки их описания, исследуя формы выражения зависти и ревности в трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери».

Методы исследования: метод перцептивного наблюдения, свободного ассоциативного эксперимента.

Понятия «зависть» и «ревность». Проблема

Мы рассматриваем в трагедии «Моцарт и Сальери» Александра Сергеевича Пушкина два очень близких чувства. Герой в монологах рассказывал о своей зависти и ревности к Моцарту, считая, что его другу всё даётся без труда и усилий.

Зависть – это социально-психологический концепт, охватывающий целый ряд различных форм социального поведения и чувств, возникающих по отношению к тем, кто обладает чем-либо.

Ревность – негативное чувство, возникающее при ощущаемом недостатке внимания.

Выписав из текста А.С. Пушкина 10 единиц, где есть прямое или опосредованное упоминание в монологах Сальери зависти и ревности, мы предположили, что анализ взаимодействия плана содержания и плана выражения объяснит основания наших интерпретаций художественного образа в пушкинском тексте.

При чувстве зависти Сальери хотелось быть лучше, гениальнее, божественнее Моцарта, а при ревности – хотел обратить на себя внимание. Но какими языковыми средствами, способами Пушкину удается так воздействовать на читателя, что тот испытывает противоречивые чувства восхищения и презрения к Сальери?

Формы выражения зависти и ревности в трагедии «Моцарт и Сальери»

1. Нет! Никогда я зависти не знал, о никогда!

В первом же монологе Сальери рассказывает о том, как пришёл к чувству зависти. Трёхкратное отрицание, выраженное с помощью отрицательного местоимения, отрицательной частицы и отрицательного предложения, завершают ретроспективный рассказ о трудном пути к известности. Обрамление слова с двух сторон двумя отрицаниями выпячивает его значение не просто на передний план, а на авансцену, очень близко к зрителю.

2. Кто скажет, чтоб Сальери гордый был когда-нибудь завистником презренным.

Существительное «завистником» возникает в связи с необходимостью назвать себя от имени публики. Сальери от 1 лица говорит, что он не испытывает это чувство, а от 3 лица называет не чувство, а лицо, которому оно принадлежит. Эпитет «презренным», использованный с инверсией, усиливает значение этого слова. Местоимение «когда-нибудь» указывает

на невозможность принадлежности в прошлом этого чувства Сальери. Пушкин не использует отрицательное местоимение «никто», которое могло бы вполне быть засифмовано в этот стих; например, никто не скажет, что Сальери гордый был когда-нибудь завистником презренным. Следовательно, у Пушкина этот вопрос, адресованный публике, может означать следующее: пусть кто-нибудь **посмеет** сказать что-либо подобное обо мне, в противном случае будет иметь дело со мною. Просто не было такого человека, который мог бы испортить биографию Сальери, в чём тот был абсолютно уверен до сего момента.

3. Я завидую; глубоко, мучительно завидую. – О небо!

Сальери сознаётся в своей зависти и презирает сам себя. Глагол 1 лица «завидую» в стихе, заканчивающемся обращением к небу, следовательно, к Богу, звучит как торжество справедливости. Сальери как бы говорит, что Господь наделил его подлинным переживанием чувства, пусть и отрицательного. А это высоко ценится у любого творца, так как питает его вдохновение. Сравните: «Я люблю; глубоко и мучительно люблю. О небо!» Или: «Я ненавижу; глубоко и мучительно ненавижу. О небо!» Такой вариант замены позволяет понять частотность речевого использования конструкта этой фразы: констатация факта, уточнение действия с повтором самого действия, обращение.

4. Нет! Мне не смешно, когда маляр негодный мне пачкает Мадонну Рафаэля, мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери. Пошёл, старик.

Сальери признаёт, что Моцарт – гений и, завидуя ему, прогоняет старика, которого Моцарт привёл из трактира. Сальери не хочет делить внимание Моцарта со скрипачом. Это зависть и ревность одновременно. Это вариант объединения двух предыдущих конструктов зависти: сначала поставлено отрицание, далее – дважды утверждение в одной и той же

форме безличного предложения: «*Нет! Мне не смешно, мне не смешно*». Отрицательное предложение «Нет» и констатация факта, уточнение действия с повтором самого действия, обращение. Отсюда значение «пошёл» как новая часть в конструкции концепта «зависть» звучит с удвоенной силой. Использование формы изъявительного наклонения глагола прошедшего времени вместо повелительного наклонения и жаргонность этого слова оттеняют значение «уходи», выставляя Сальери в образе ревнивца, потерявшего контроль над своим языком. Использование параллельных синтаксических конструкций виде сложноподчинённых предложений с придаточными условиями усиливает аргументы говорящего и обеспечивает нарастание чувства ревности. Акцентирование в конце придаточного предложения на двух самых значительных фигурах в культуре Рафаэле и Данте даёт возможность считать, что Сальери поставил их по гениальности на стороне Моцарта, он же оказался с другой стороны.

5. Ты с этим шёл ко мне и мог остановиться у трактира и слушать скрыпача слепого! – Боже! Ты, Моцарт, недостоин сам себя.

Сальери ещё не знает, что принёс, но уверен, что гениальный текст; потом выясняется, это был «Реквием». Сам текст Сальери называет «этим»: местоимением названа не цель прихода, а сам текст. Такой вариант интерпретации позволяет персонифицировать текст в руках Моцарта, придав ему статус сакрального. В этот момент Сальери раздваивает фигуру Моцарта на человека и божество, говорит, что Моцарт недостоин быть названным гением. Музыкальный талант и природная доброта Моцарта находятся в единстве, а этого Сальери не может понять и принять, отсюда – парадоксальность выражения: недостоин сам себя. Сальери, вычленяя человеческую составляющую Моцарта, завидует этому единству в нём человека и музыканта.

*6. Какая глубина! Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь; Я знаю, я.*

Четыре восклицательных предложения, адресованных тексту музыкального произведения, выражают эстетический восторг Сальери. Он называет Моцарта не за глаза, а в глаза – бог. Открытие божественной сущности Моцарта сопровождается детским восторгом: «Я знаю, я». К чувству восторга от того, что Моцарт сочинил композицию, примешивается: я первый увидел, оценил гениальность, поэтому я – лучший ценитель, эксперт, я обладаю камертоном. Камертон же Сальери не усиливает его гениальности, поэтому он завидует масштабу таланта Моцарта.

7.

*Нет! Не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить – не то мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой....*

Моцартом восхищаются, а таких, как Сальери, забыли. Сальери выступает защитником прав на славу. Принимая решение отравить Моцарта, Сальери уверяет себя в высшем предназначении. Для этого Пушкин использует такие возвышенные слова: доля, судьба, избран, жрецы, служители музыки, слава. Контрапунктом этого является низменность намерений, выдающая зависть таланту.

8.

*И никогда на шёпот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю.*

Сальери говорит о том, что держит давно при себе яд, но не использовал его для себя. Пушкин указывает трёхкратным отрицанием: никогда, не преклонился, не трус, – что его герой сейчас чувствует неземное предназначение. Зависть к себе молодому: какой я хороший, что не совершил самоубийства, – выражена вновь через формы отрицания. Обида на публику Господа выражена в однородных придаточных.

9. Постой, постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?

– Зависть: Моцарт уйдет как гений, а Сальери останется. Ревность: Моцарт забыл о друге. Сальери в последнее мгновение хочет умереть с Моцартом.

10. Но ужель он прав, и я не гений? Гений и злодейство две вещи несовместные.

Зависть: Сальери считает, раз он совершил убийство, значит он вовсе не гений. А Моцарт таковым являлся.

Заключение

Анализ значений языковых единиц, наблюдение, свободный ассоциативный эксперимент позволили увидеть в трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» тот факт, что в начале формы выражения зависти лежат в области лексики. Пушкин пять раз использует однокоренные слова на девять стихов текста (1, 2, 3 цитата). Это даёт точное понимание темы трагедии и выводит на первый план все поднимаемые проблемы. Использование синтаксических повторов и обращений (3,4) обрамляет тему. Определение функции использования отдельных дефиниций текста, таких как местоимение, разговорное слово и других, позволяет дать новый импульс толкованию того или иного эпизода.

Продолжение исследований систематизации форм выражения зависти в творчестве А.С. Пушкина считаю своей перспективой.

Артемий Сергеев

Осень

Осень – грустная картина:
Пролетают листья мимо,
Всё летят, летят, летят...
Опустеет скоро сад.
Собрались уж птицы в стаи,
Прокричат и улетают
От родных лесов, полей
Вдаль, за тридевять земель.
Моросят весь день дожди,
И тепла уже не жди,
А холодные ветра
Дуют с самого утра.
Всюду лужи, грязь и сырость,
Солнце где-то заблудилось...
Осень – скучная такая,
Но пройдёт она, я знаю,
И придёт, чудес полна,
Долгожданная зима!

Виктория Чой

Осень

Осень. Дождь. Дождливый день.
Веет всюду непогода.
Только дома все теплей
С каждым градусом мороза.

Осенью короче дни,
И все птицы улетают.
Улетают журавли...
Листья с дерева спадают
И мелькают, словно искры,
Каждым летом у костра.

И сидишь там, вспоминаешь...
Ох, сейчас бы нам туда!
Прошла уж лета пора,
Осень продолжается.
Но кто знает, может, все
Только начинается?

Софья Пономаренко

Осенняя пора

Во дворе берёза
В жёлтый лист одета
Грустно машет веткой,
Провожая лето.

Снова осень наступает,
Все деревья цвет меняют,
Осыпается листва,
Багровеют небеса.
Птицы к югу потянулись,
Снегири опять вернулись.

Анастасия Глазунова

Осень

Подкралась осень к нам,
Как рыжая лисица,
Вспугнула лето, словно с ветки соловья.
И ярким светом,
И волшебным цветом
Деревья и природу обняла.

Люблю я свой осенний день рожденья,
Шуршащих листьев незатейливый ковёр...
И эти чудные мгновенья
Мне дарит осени причудливый узор.

Алена Бан

Листок

Как-то раз на ветке берёзовой
Появился зелёный листок.
С каждым днём становился сильнее,
Много дней рос большим и красивым,
Но прошло его время...
Пришла пора желтеть, краснеть,
С порывом ветра в небо улететь.
Летит, кружится над землёю
И видит он вокруг себя,
Как лето улетает в небеса.
Внизу остались опустевшие леса.
Холодная осень вступает в права...

Марина Подкутина

Осень

На юг улетели птицы,
А к нам прилетели синицы.
На деревьях опали листочки,
Дворник собрал их в кучки.

За тучу спряталось солнце,
Потемнело в нашем оконце.
Проливные льют дожди,
Очень скоро зиму жди.

Сергей Андронов

Просто осень

Осень наступила, листья опадают.

Красно-жёлтым одеялом

Землю укрывают.

День становится короче,

Птицы раньше замолкают.

Тёмными ночами дождик поливает.

А на утро во дворе лужи замерзают.

Семен Марков

Война Тепла и Холода

Мы все проиграли – большие потери:
Кровавые листья лежат на земле.
Вот холод настал, а чего вы хотели?
Мы все проиграли в упорной борьбе.

Слепые ветра убегают куда-то.
От слепоты сбив с ног десяток людей.
Ещё может быть мы их встретим когда-то,
Промокших от неоднократных дождей.

Мы все проиграли – большие потери:
Кровавые листья лежат на земле.
Закончен мой стих, а чего вы хотели?
Не вечно ж писать мне об этой войне.

Антон Воронович

Электронный друг

Жила-была девочка Лена. Она училась в школе. У Лены была проблема: она не умела и не хотела общаться с другими детьми. Из-за этого одноклассники считали её странной и не хотели с ней дружить. Лена была им не интересна. Она сидела в классе за последней партой одна.

Сразу после школьных занятий она убегала домой, потому что дома её ждал единственный и верный друг – компьютер. Он всегда её понимал и отвечал на все её вопросы. Она его считала настоящим другом и называла Серёгой. Училась Лена хорошо, поэтому родители не мешали их общению с Серёгой. Постепенно Лена так привыкла к Серёге, что уже не могла обходиться без него.

Однажды Лена пришла из школы, как всегда быстро сделала уроки и включила компьютер. Вдруг она увидела, что ей по электронной почте пришло письмо. Лена ни с кем никогда не переписывалась, поэтому сообщение её взволновало. Она открыла его и прочитала: «Лена, ты скоро умрёшь!». Лена подумала, что это шутка кого-то из одноклассников и не стала паниковать. Но такие сообщения стали приходить каждый день. Лена испугалась. Она поняла, что кто-то следит за ней и действительно хочет зла.

Лена боялась выходить из дома, она стала плохо спать, ей снились кошмары, она стала плохо учиться. Теперь каждый день, с трудом досидев до конца уроков в школе, Лена бежа-

ла домой в надежде, что сегодня не получит сообщение с угрозой. Но каждый день сообщение приходило.

Лена измучилась. Теперь она смотрела на Серегу с ужасом. Она боялась его, как будто это он был виноват в её страхе. А он не мог помочь. Он был всего лишь машиной, которая должна была передавать всё, что посылали пользователю. И он выполнял свою работу. Лена его стала ненавидеть, хотя понимала, что это не его вина.

Так продолжалось целый месяц. Лена всё время смотрела на Серегу и боялась его включать. Однажды она набралась смелости включить компьютер, и вдруг неожиданно сама собой загрузилась какая-то странная игра... Это был бой двух игроков. Один из них был весь в чёрном, а другой – в сером. У воина в сером на одежде была надпись «File». Бой был смертельный, он продолжался очень долго. Никто не хотел уступать. Оба были ранены. Наконец, серый воин нанёс смертельный удар и убил врага. Но сам упал рядом. Бой был окончен. И тут же игра пропала. Экран вдруг потух, компьютер задымился и... больше не включался. Её друг погиб! Лена потеряла сознание.

Лена очнулась в больнице и не сразу вспомнила, что произошло. Она никому ничего не рассказала. Понимала, что ей никто не поверит. Подумают, что она сошла с ума. Лена долго пробыла в больнице. Когда она вернулась домой, сразу увидела, что на месте её Серёги стоит новый ноутбук. Родители выбросили старый компьютер.

Теперь у Лены не было друга. Девочка долго не ходила в школу. У неё была депрессия. Родители даже возили дочь на лечение к психиатру.

И вот Лена решилась пойти в школу. Она вошла в класс, села за последнюю парту. К ней, как обычно, никто не подошёл и даже не попытался заговорить. Начался урок. Вдруг

дверь открылась, и в класс вошёл парень. Это был новый ученик. Его представили: «Сергей Файлов». Лена вздрогнула. Что-то знакомое было в его лице... Сергею сказали занять свободное место, это место было рядом с Леной.

Урок продолжался, но Лена ничего не слышала, она боялась даже пошевелиться. Вдруг новенький что-то написал на листке бумаги и пододвинул листок Лене, чтобы она смогла прочитать. На листке были написаны какие-то цифры и буквы. Когда Лена увидела их, она заплакала и подняла глаза на Сергея. Это был пароль её старого компьютера, её Серёги! И этот пароль знали только двое на всей планете: Лена и её друг Серега...

200-летию
со дня рождения
М.Ю. Лермонтова

М. Лермонтов

Слово о М.Ю. Лермонтове

Лермонтов Михаил Юрьевич (3(15) октября 1814 года – 15(27) июля 1841 года) – выдающийся русский поэт.

Родился Лермонтов в Москве в семье армейского капитана Юрия Петровича Лермонтова (1787–1831) и Марии

Михайловны Лермонтовой (1795–1817) (в девичестве Арсеньевой), единственной дочери и наследницы пензенской помещицы Е.А. Арсеньевой (1773–1845). Брак, заключенный против воли Арсеньевой, был крайне несчастливым. Маленький Мишарос в обстановке постоянных семейных ссор и несогласий.

После ранней смерти матери Лермонтова его воспитанием занялась бабушка, полностью исключив участие отца.

Детство Лермонтова прошло в бабушкином имении Тарханы Пензенской губернии. Мальчик получил столичное домашнее образование, с детства свободно владел французским и немецким языками. Летом 1825 года бабушка повезла Лермонтова на воды на Кавказ. Детские впечатления от кавказской природы и быта горских народов остались в его раннем творчестве («Кавказ», 1830; «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..», 1832). В 1827 году семья переехала в Москву, а в 1828 – Лермонтов зачисляется полупансионером

в 4-й класс Московского университетского благородного пансиона, где получает гуманитарное образование. Уже в Тарханах определился острый интерес Лермонтова к литературе и поэтическому творчеству. Уже в пансионе определяется преимущественная ориентация Лермонтова на А.С. Пушкина, байроническую поэму. Байроническая поэма становится основой раннего творчества Лермонтова. В 1828–1829 гг. он пишет поэмы «Корсар», «Преступник», «Олег», «Два брата», «Последний сын вольности», «Измаил-Бей», «Демон». В центре байронической поэмы – герой, изгой и бунтарь, находящийся в войне с обществом и попирающий его социальные и нравственные нормы.

В марте 1830 года Московский пансион по указу Сената был преобразован в гимназию. В 1830 году Лермонтов увольняется «по прошению» и проводит лето в подмосковной усадьбе Столыпиных Середниково. В том же году Лермонтов поступает на нравственно-политическое отделение Московского университета. К этому времени относится первое сильное юношеское увлечение Лермонтова Е.А. Сушковой (1812–1868), с которой он познакомился у своей приятельницы А.М. Верещагиной. С Сушковой связан лирический «цикл» 1830 г. [«К Сушковой», «Нищий», «Стансы» («Взгляды, как мой спокойен взор...»), «Ночь», «Подражание Байрону» («У ног твоих не забывал...»), «Я не люблю тебя: страстей...»]. По-видимому, несколько позднее Лермонтов переживает еще более сильное, хотя и кратковременное чувство к Н.Ф. Ивановой (1813–1875), дочери драматурга Ф.Ф. Иванова. В эти годы (1830–1832) идет формирование личности поэта, и сменяющиеся любовные увлечения являются во многом попыткой личностного самоутверждения. Возникает жанр «отрывка» – лирического размышления, в центре которого определенный момент непрерывно идущего са-

моанализа и самоосмысления. Стихотворения 1830–1831 содержат и социальные мотивы и темы. Московский университет жил философскими и политическими интересами, в нем функционировали студенческие кружки и общества (И. В. Станкевича, А. И. Герцена, В. Г. Белинского). О связи Лермонтова с ними нет сведений, однако он, возможно, разделял свойственный им дух политической оппозиции и даже принял участие в студенческой акции (изгнание из аудитории профессора). Эти идеи нашли у него выражение еще в «Жалобах турка» (1829) и серии стихов, посвященных европейским революциям 1830–1831 [«30 июля. (Париж) 1830 года», «10 июля. (1830)»], событиям Великой французской революции («Из Андрея Шенье», 1830–1831) и эпохе пугачёвщины («Предсказание», 1830). Так подготавливается проблематика первого прозаического опыта Лермонтова – романа «Вадим» (1832–1834) с широкой панорамой крестьянского восстания 1774–1775 годов.

Адресатом лирических стихов Лермонтова в этот период была В.А. Лопухина (1815–1851), в замужестве Бахметева, сестра товарища Лермонтова по университету. Чувство к ней Лермонтова оказалось самым сильным и продолжительным. Лопухиной были адресованы как ранние стихи; так и поздние произведения. В 1830–1831 раннее лирическое творчество поэта достигает вершины. Далее можно заметить спад.

После 1832 года Лермонтов обращается к балладе («Тростник», 1832; «Желанье»; «Отворите мне темницу», 1832; «Русалка», 1832) и прозе.

В поэмах Лермонтова в это время определяются две основные тематические группы: одна тяготеет к средневековой русской истории («Последний сын вольности», 1831; «Литвинка», 1832), другая – к экзотическим кавказским темам

(«Измаил-Бей», 1832; «Аул Бастунджи», 1833–1834; «Хаджи Абрек», 1833).

В 1832 Лермонтов оставляет Московский университет и переезжает в Петербург, где надеется продолжить образование в Петербургском университете. Однако ему отказали зачесть прослушанные в Москве курсы. Чтобы не начинать обучение заново, Лермонтов принимает совет родных избрать военное поприще. В ноябре 1832 года он сдает экзамены в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и проводит два года в военно-учебном заведении, где строявая служба, дежурства, парады почти не оставляли времени для творческой деятельности (быт школы отразился в так называемых юнкерских поэмах: «Петергофский праздник», «Уланша», «Гошпиталь» – все 1834). В сентябре 1834 года Лермонтов был выпущен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк. В этом же году выходит поэма «Хаджи Абрек» – первое выступление Лермонтова в печати (по преданию, рукопись была отнесена в журнал без ведома автора). Лермонтов отдает в цензуру первую редакцию драмы «Маскарад», работает над поэмами «Сашка», «Боярин Орша», начинает роман «Княгиня Лиговская». Известно о знакомстве Лермонтова с А.Н. Муравьёвым, И.И. Козловым и близкими к формирующимся славянофильским кружкам С.А. Раевским и А.А. Краевским. В романе «Княгиня Лиговская» Лермонтов впервые обращается к социальному бытописанию, предвосхищающему «физиологию» 1840-х гг. Одновременно Лермонтов работает над «Маскарадом» – (1835–1836), первым произведением, которое он считал достойным обнародования. Он трижды подавал её в драматическую цензуру и дважды переделывал; но драма, несмотря на все старания автора, была запрещена к публикации.

В период 1836–1837 годов Лермонтов создает «Боярина Оршу» (1835–1836), первую оригинальную и зрелую поэму. «Орша» – первая попытка Лермонтова создать исторический характер – феодала эпохи Грозного, живущего законами боярской чести. Эта тема была продолжена в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1838). Своего рода аналогом «Песни...» в лирике Лермонтова было «Бородино» – отклик на 25-ю годовщину Бородинского сражения (1837), «микро-эпос» о народной войне 1812 года.

В 1835–1836 Лермонтов ещё не был знаком с Пушкиным. Тем более принципиальный характер получает его стихотворение «Смерть Поэта» (1837), написанное сразу же по получении известия о гибели Пушкина. 18 февраля 1837 Лермонтов был арестован, началось политическое дело о «непозволительных стихах». Под арестом Лермонтов пишет несколько стихотворений: «Сосед» («Кто б ни был ты, печальный мой сосед»), «Узник», положивших начало блестящему «циклу» его «тюремной лирики»: «Соседка», «Пленный рыцарь» (оба – 1840) и другие.

В феврале 1837 был отдан высочайший приказ о переводе Лермонтова прапорщиком в Нижегородский драгунский полк на Кавказ. В марте он выехал через Москву. Простудившись в дороге, был оставлен для лечения в Ставрополе, Пятигорске, Кисловодске. По пути следования в полк он «изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов...», в ноябре побывал в Тифлисе. В 1837 году Лермонтов записывает народную сказку об Ашик-Керибе («Ашик-Кериб»), стремясь передать колорит восточной речи и психологию «турецкого» сказителя. Народный характер

поэт раскрыл в «Дарах Терека», «Казачьей колыбельной песне», «Беглеце». В Пятигорске и Ставрополе он встречается с Н.М. Сатиным, знакомым ему по Московскому пансиону, Белинским, доктором Н. В. Майером (прототип доктора Вернера в «Княжне Мери»); знакомится со ссылочными декабристами С.И. Кривцовыим, В.М. Голицыным, В.Н. Лихаревым, М. А. Назимовым и близко сходится с А.И. Одоевским («Памяти А.И. Одоевского», 1830).

Во время ссылки и позднее особенно раскрылось художественное дарование Лермонтова, с детства увлекавшегося живописью. Ему принадлежат акварели, картины маслом, рисунки, пейзажи, жанровые сцены, портреты и карикатуры. Лучшие из них связаны с Кавказом. Кавказская ссылка была сокращена хлопотами бабушки через А.Х. Бенкендорфа. В октябре 1837 был отдан приказ о переводе Лермонтова в Гродненский гусарский (в Новгородской губернии), а затем в лейб-гвардии Гусарский полк, стоявший в Царском Селе. Во 2-й половине января 1838 года Лермонтов возвращается в Петербург. 1838–1841 – годы его литературной славы. Он сразу же попадает в пушкинский литературный круг, знакомится с В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, П.А. Плетнёвым, В.А. Соллогубом, его принимают в семействе Карамзиных. У Карамзиных накануне последней ссылки Лермонтов читал «Тучи». В 1840 в Петербурге отдельными изданиями выходят единственные прижизненные сборники: «Стихотворения» и «Герой нашего времени».

Наследие Лермонтова к 1840 году включало уже около 400 стихотворений, около 30 поэм, не считая драм и неоконченных прозаических сочинений. Подавляющее большинство произведений Лермонтова опубликовано посмертно. В 1838–1840 поэт входит в «Кружок шестнадцати» – аристократическое общество молодежи, объединенное законами корпоративного

поведения и политической оппозиционностью участников. В этот период в его поэзии и прозе словно оживают пушкинские начала. Однако основы прозы и поэзии Лермонтова во многом противоположны пушкинским: ему не свойственны лаконизм пушкинской прозы и «гармоническая точность» в поэзии. Близкие отношения с пушкинским кругом у Лермонтова не складываются: и Жуковский, и Вяземский, и Плетнёв далеко не всё принимают в его творчестве. Столь же «выборочно» принимают его и формирующиеся московские славянофильские кружки. Со своей стороны, Лермонтов присматривался к деятельности будущих славянофилов (А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина), поддерживал с ними личные связи, напечатал в «Москвитянине» (1841) балладу «Спор», но остался холoden к социально-философским основам их учения («Родина», 1841). Наиболее прочные отношения устанавливаются у Лермонтова с журналом «Отечественные записки». Именно там появляется большинство прижизненных и посмертных публикаций лермонтовских стихов, а также «Бэла», «Фаталист» и «Тамань».

В феврале 1840 на балу у графини Лаваль у Лермонтова произошел конфликт с сыном французского посланника Э. Барантом. Непосредственным поводом стало светское соперничество – предпочтение, отданное Лермонтову княжной М.А. Щербатовой, которой был заинтересован Барант, и в 1839–1840 увлечен Лермонтов. Скора, однако, переросла личные рамки и получила значение акта защиты национального достоинства. 18 февраля состоялась дуэль, окончившаяся примирением. Лермонтов, тем не менее, был арестован и предан военному суду. Под арестом состоялось новое объяснение Лермонтова с Барантом, усугубившее ссору. В апреле 1840 года был отдан приказ о переводе поэта в Тенгинский пехотный полк в действующую армию на Кавказ. В июне он прибыл в Ставрополь, в главную квартиру командующего

220

войсками Кавказской линии генерала П.Х. Граббе, а в июле уже участвовал в стычках с горцами и в кровопролитном сражении при р. Валерик.

В начале февраля 1841, получив двухмесячный отпуск, Лермонтов приезжает в Петербург. Его представляют к награде за храбрость, но Николай I отклоняет представление. Поэт проводит в столице 3 месяца, окруженный вниманием. Он полон творческих планов, рассчитывает получить отставку и погрузиться с головой в литературную деятельность. Его интересует духовная жизнь Востока, с которой он соприкоснулся на Кавказе. В нескольких своих произведениях он касается проблем «восточного миросозерцания» («Тамара», «Спор»). 14 апреля 1841, не получив отсрочки, Лермонтов возвращается на Кавказ. В мае он прибывает в Пятигорск и получает разрешение задержаться для лечения на минеральных водах. Здесь он пишет целый ряд стихотворений: «Сон», «Утес», «Они любили друг друга...», «Тамара», «Свиданье», «Листок», «Выхожу один я на дорогу...», «Морская царевна», «Пророк». В Пятигорске Лермонтов находит общество прежних знакомых и в том числе своего товарища по школе юнкеров Мартынова. На одном из вечеров в пятигорском семействе Верзилиных шутки Лермонтова задели Мартынова. Скора повлекла за собой вызов. Не придавая значения размолвке, Лермонтов принял его, не намереваясь стрелять в товарища, и был убит наповал. Похоронен Лермонтов в фамильном склепе в Тарханах.

Эрик Найдин

Лермонтов и Пушкин

Известно, что путь Лермонтова к Пушкину не был прямолинеен. Начав в 1829–1830 годах с подражания романтическим поэмам и вольнолюбивой лирике Пушкина, Лермонтов в середине 1830 года обратился к Байрону, к поэтическим опытам русских поэтов-любомудров, увлекающихся философией, в первую очередь Шеллингом.

Казалось бы, историко-литературная преемственность Лермонтова с Пушкиным установлена еще Белинским и не заслуживает дальнейшего рассмотрения, тем более что имеются сотни статей, посвященных отдельным сторонам этой проблемы.

В соответствии с задачами, стоящими перед ним, Белинский заострил внимание на различиях Пушкина и Лермонтова, тем самым выступая против истолкования Лермонтова как подражателя Пушкина и других поэтов. Критик также стремился не связывать новый период русской литературы с именем Пушкина.

Эти тенденции были в дальнейшем абсолютизированы во многих историко-литературных работах. Различия были преувеличены: Пушкин – реалист, гармоническая натура, объективный поэт, его любовные стихи проникнуты гуманностью; Лермонтов – романтик, субъективист, поэт мысли, болезненная натура, порою чрезмерно жестокий и злой в любовной лирике.

Что касается статей о близости Лермонтова и Пушкина, то почти все они затрагивают отдельные проблемы, единство

тем и сюжетов, литературную полемику, фразеологические заимствования, особенности художественной формы. Поэтому близость Лермонтова и Пушкина нужно показать более крупным планом.

Известно, что Лермонтов и Пушкин не были знакомы. Лермонтов, который, по словам Белинского, благоговел перед именем Пушкина, очевидно, избегал встреч с ним. Зато многие люди пушкинского окружения (об этом частично сказано в предыдущем этюде) стали близкими знакомыми Лермонтова. Он познакомился с С. А. Соболевским, В. А. Жуковским, В. А. Соллогубом, декабристом М. Ф. Орловым, с братом поэта Львом Сергеевичем Пушкиным, подружился с Руфином Дороховым (прототипом Долохова в романе «Война и мир» Л. Толстого). С 1838 года Лермонтов стал частым посетителем салонов Карамзиных и А. О. Смирновой, с которыми Пушкин находился в самых дружеских отношениях. К зиме 1841 года относится взаимное сближение Лермонтова с Е. П. Ростопчиной, которую он знал уже в годы юности. Пушкин в 1836–1837 годах часто бывал у нее на обедах со своими друзьями.

Многое открывается, когда переходишь на творческий уровень связей. Лермонтов знакомится с изданиями Пушкина 1830-х годов. В 1832 году напечатаны пушкинские «Бесы», в 1833 году – «Домик в Коломне» и целиком «Евгений Онегин», в 1834 году — «Пиковая дама» и «История Пугачева» (под заглавием «История пугачевского бунта»), в 1835 году – вступление к «Медному всаднику», в 1836-м – «Капитанская дочка». С этого года начал выходить издаваемый Пушкиным журнал «Современник», где в первом томе опубликованы «Путешествие в Арзрум» Пушкина, повесть «Коляска» Гоголя и его статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году».

Произведения и литературно-критические статьи Гоголя помогли формированию лермонтовского таланта. Гораздо раньше, чем мы думали ранее, Лермонтов познакомился с Н. В. Гоголем. В 1977 году М. Гаско опубликовал портрет Гоголя, выполненный юным Лермонтовым в 1830 году (хранится в Государственном историческом музее). В 1835 году вышел сборник Гоголя «Арабески», включающий петербургские повести и статью «Несколько слов о Пушкине». Эта статья была событием для русских читателей. Со свойственным только гению видением Гоголь открыл много тайн пушкинского творчества, впервые сказал о нем как о величайшем русском национальном поэте. Статья Гоголя появилась в годы, когда значительная часть литературных критиков отвернулась от Пушкина или освещала его творчество односторонне.

На Лермонтова, преодолевающего романтический стиль, отвлеченность, а порою и многословность, статья должна была произвести большое впечатление: «Здесь нет этого каскада красноречия, – писал Гоголь, – увлекающего только многословием, в котором каждая фраза потому сильна, что соединяется с другими и оглушает падением всей массы, но если отделить ее, она становится слабою и бессильною. Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия; никакого наружного блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; все лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт».

Статья была не только лучшей характеристикой Пушкина, но и программой реалистической поэзии. «В самое яблочко» попадало замечание Гоголя о двух типах произведений в зависимости от предмета изображения: «Никто не станет спорить, что дикий горец в своем воинственном костюме,

вольный, как воля, сам себе судия и господин, гораздо ярче какого-нибудь заседателя... он более поражает, сильнее возбуждает в нас участие, нежели судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом посредством справок и выпреков пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ. Но тот и другой, они оба — явления, принадлежащие к нашему миру: они оба должны иметь право на наше внимание...»

Можно подумать, что эти строки написаны специально для Лермонтова, который изобразил в своих кавказских поэмах («Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек») «диких горцев в своих воинственных костюмах» (1832–1834).

Вскоре Лермонтов обратился к образу простого солдата. «Бородино» (1837) — литературный дебют Лермонтова в журнале «Современник» (1837, Т. 6) — первое стихотворение, опубликованное самим Лермонтовым с его подписью. Затем была напечатана «Песня про купца Калашникова» (в примыкающим к «Современнику» «Литературным прибавлениям к „Русскому инвалиду“» (1838. 30 апр.), поэма «Казначейша» («Современник», 1838. № 3), рисующая провинциальную чиновничью среду. В поэме «Сашка», начатой в 1835–1836 годах, изображены неприглядные картины помещичьего быта. Это не помешало Лермонтову на новой основе в 1837–1839 годах вернуться к кавказским поэмам — «Демону», «Мцыри», «Беглецу».

Лермонтов как бы воплотил в своем творчестве сформированную Гоголем в статье о Пушкине возможность совершенно разных объектов изображения, а главное — реалистический принцип: «... Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина».

Однако Лермонтов сумел также из необыкновенного и эффектного извлекать истины, близкие всем людям.

В другой статье из «Арабесок» – «Последний день Помпеи» – Гоголь видит величие в многообразии и обширности гения, в том, что «все предметы, от великих до малых, для него драгоценны».

Заметим, что сюжет «Тамбовской казнечайши» навеян повестью Гоголя «Коляска», где описывается провинциальный город и офицерская среда. Обратимся к началу повести Гоголя: «Городок Б. очень повеселел, когда начал в нем стоять кавалерийский полк. А до того времени было в нем страх скучно». Помимо сходства экспозиции, имеется ряд других совпадений. Некоторые события развертываются у Гоголя на званом обеде у бригадного генерала. Сравните у Лермонтова: «А уж бригадный генерал, конечно, даст блестящий бал». На этом балу «в одном углу штаб-ротмистр, подложивши себе под бок подушку, с трубкою в зубах, рассказывал довольно свободно и плавно любовные свои приключения...». Об одном из таких приключений и поведал Лермонтов.

Пушкин высоко ценил и литературно-критические статьи Белинского. По просьбе Пушкина его друг П. В. Нащокин вел переговоры с критиками о его переходе в пушкинский журнал «Современник».

В статье «О русской повести и повестях Гоголя» (1835) Белинский намечал путь к реализму писателей, у которых преобладало личностное начало, особая роль мысли. Белинский писал, что субъективное не должно противостоять объективности, реальности, а слиться с ними. Тем самым обозначался путь, на который в зрелом творчестве вступил Лермонтов. Он расширил свою художественную сферу, пришел к всеобъемлющему охвату действительности через восприятие личности.

Литературные позиции Лермонтова сблизились с пушкинскими, не потеряв своих особенностей, своего характера мировосприятия. Большая сосредоточенность на внутреннем мире личности, новый шаг в понимании человека во всей его цельности – в его связи с историей, обществом, природой и вселенной – лишь укрепляли связь Лермонтова с поэзией Пушкина, развивали многие проблемы, поставленные его предшественниками.

Вслед за Пушкиным Лермонтов – поэт полноты жизни, со всеми ее радостями и страданиями. Можно возразить, что поэзия Лермонтова печальна и драматична. Но разве не были трагичны многие произведения Пушкина 1830-х годов?

Пушкин и Лермонтов близки в своем отношении к искусству.

Художественная форма, литературный язык поэзии Пушкина оставались образцами для Лермонтова. Оба писателя постоянно возвращаются к осмыслинию назначения поэта, сущности искусства. Программные стихотворения Лермонтова о поэзии перекликаются с произведениями Пушкина. Оба поэта писали о сложности позиции поэта (Пушкин: «Куда ж нам плыть?»; Лермонтов: «О чем писать?»). О различиях, порою полемике Лермонтова с Пушкиным говорится в этюде «Мечты поэзии, создания искусства».

Очень близки Лермонтов и Пушкин в понимании патриотизма, народности и национальности искусства.

Особо подчеркнем одну особенность: обращается прежде всего внимание на духовную жизнь народа, на его свободу и благополучие, а не на внешние стороны. Оба поэта чужды какой-либо идеализации народа. Вместе с тем они обращаются к традициям русского народного творчества: пушкинские сказки, «Песня про купца Калашникова» и «Казачья колыбельная» Лермонтова.

Одна из частых тем Лермонтова и Пушкина – разрыв между народом и гением, порою несправедливое отношение «толпы» к великим людям: «Полководец» Пушкина; «Великий муж, здесь нет награды» и «Последнее новоселье» Лермонтова.

К Пушкину восходит лермонтовское осуждение светского общества и одновременно тяготение к нему, ускорившее их гибель: «Зачем от мирных нег и дружбы простодушной вступил он в этот свет, завистливый и душный...». Само название драмы «Маскарад» (Лермонтов произносил его на французский лад) символично передает суть этого общества.

При всем различии характеров Лермонтова и Пушкина их объединяла верность самим себе, личное мужество.

Пушкин:

*Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?*

Лермонтов (обращаясь к кинжалу):

*Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.*

Человеческое достоинство, честь значили для них больше, чем жизнь.

Отношение Пушкина к любви, его гуманность, выраженные, например, в стихотворении «Я вас любил: любовь еще, быть может...», обычно противопоставляют любовной лирике Лермонтова. Юношеские стихи Лермонтова, обращенные к Е. А. Сушковой и особенно к Н. Ф. Ивановой, написаны в годы, когда Лермонтов увлекался поэзией Байрона, и имеют мало общего с Пушкиным. Поэтика романтизма ставила в центр образ поэта, его переживания, страдания и размышле-

ния. В зрелой любовной лирике Лермонтов следует за Пушкиным и совершает новый шаг – он стремится запечатлеть образ женщины, ее душевное состояние, внутренний мир. Вершина в этом отношении – образ Нины в поэме «Сказка для детей» Лермонтова.

Поэты – единомышленники в главном: любовь – величайшая жизненная ценность. Они создали шедевры любовной лирики в русской и мировой поэзии.

Поскольку любовь так много значит – за нее можно заплатить жизнью. Этот пушкинский мотив «Каменного гостя», монолога Клеопатры в «Египетских ночах» своеобразно повторен Лермонтовым в балладе «Тамара» (грузинском варианте Клеопатры).

Близки оба поэта и в другом аспекте этой темы: смерть не властна над любовью: «Заклинание», «Для берегов отчизны дальней» Пушкина; «Любовь мертвца», заключительная строка стихотворения «Графине Е. П. Ростопчиной»: «...и ласки вечные твои» Лермонтова.

Лермонтовское «отрицание» любви – это не отрицание, а скорее проявление лермонтовского максимализма, мечты о настоящей (вечной) любви. Образцом высокой любовной лирики остаются монологи Демона, обращенные к Тамаре. Здесь несомненен лирический подтекст. Это подтверждает посвящение кавказской редакции поэмы Варваре Александровне Лопухиной, к ней Лермонтов испытывал серьезное чувство до конца жизни. С Лопухиной связано и его последнее стихотворение «Нет, не тебя так пылко я люблю», варьирующее сюжетный мотив Пушкина (стихотворение «Дориде»).

Тема судьбы, рока постоянно присутствует в творчестве Пушкина и Лермонтова; она во многом сходно осмыслена. Признавая власть судьбы над человеком, оба поэта не были

фаталистами. Сделан парадоксальный вывод: неизбежное стечие обстоятельств не должно мешать активным действиям героев, их вмешательству в ход жизни, умению вести борьбу. Пожалуй, самые «лермонтовские» строки Пушкина:

*Есть упоение в бою
У бездны мрачной на краю.*

«Герой нашего времени» заканчивается «Фаталистом» – единственной новеллой, где Печорин оказывается подлинным героем: он обезоруживает убийцу, спасая от гибели других людей. Печорин записал в своем дневнике, что «вздумал испытать судьбу», и заметил: «...я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает».

Всем очевидна зависимость «Героя нашего времени» от «Евгения Онегина».

Животрепещущий вопрос о реализации своей жизни, самоосуществлении поставлен Лермонтовым еще резче, чем в «Евгении Онегине»: состояние общества определяется степенью раскрытия возможностей человека.

Начало романа – путешествие по военно-грузинской дороге – напоминает «Путешествие в Арзрум» хотя бы потому, что очерк Пушкина открыл новые стилистические (повествовательные) перспективы для русской литературы, которые развил Лермонтов (наблюдение Б. М. Эйхенбаума).

Лермонтов-прозаик в «Герое нашего времени» продолжил роль Пушкина – основателя русской литературы.

Если Пушкин открыл пути для современной поэзии, то Лермонтов (это убедительно показал академик В. В. Виноградов) осуществил в своем романе синтез достижений стиховой и прозаической речи. Он соединил также достижения русской публицистики, научно-философского языка. Завоевания романтической культуры слова Лермонтов использовал как

художественное средство для психологического изображения личности во всей ее противоречивости.

При этом Лермонтов не забывал о прелести быстрой, динамической и точной манеры пушкинской прозы, учился сатири Гоголя, в известной степени – светскую повесть В. Ф. Одоевского. Ограничивааясь «крупным планом», не касаясь множества сопоставлений, творческой полемики Лермонтова и Пушкина (об этом сказано отчасти в других этюдах), завершим тему еще несколькими соображениями.

Подобно Пушкину, Лермонтов в зрелом творчестве не только стремился объяснить характер героя обстоятельствами, но и возвышал, поднимал многих героев над средой, над условиями жизни – таков центральный герой лермонтовской лирики: образы Арбенина, Печорина, Нины (в «Сказке для детей»).

Многожанровость Лермонтова также идет от Пушкина. Она связана с тем, чтобы более полно охватить жизнь, вернее, раскрыть сложную природу человека. Эту же цель преследует разнообразие художественных форм, в частности, обращение к символу, заключающее огромные возможности для реалистического искусства.

В биографическом плане заметим, что Лермонтов в последний год жизни хотел следовать Пушкину – полностью посвятить себя профессиональной деятельности писателя, издавать свой журнал.

Анатолий Чернышёв

Пророки и провидцы

«Погиб поэт! Невольник чести»... – сказал Михаил Лермонтов, принимая перо из рук великого Пушкина, мудреца и провидца, предсказавшего падение рабства «по манию царя». Причем, задолго до отмены крепостного права.

А сам Лермонтов, сказавший миру:

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт.*

Ведь это почти за 100 лет до 1917 года с его смутами и переворотами!

Откуда они берутся, пророки и провидцы?

Но ещё удивительнее звучит:

В небесах торжественно и чудно!

Стит земля в сиянье голубом...

И это – за 120 лет до полёта Юрия Гагарина, который подтвердил, что, в небесах торжественно и чудно, и наша планета – именно голубая. Ощущение, что Лермонтов уже бывал в небесах, в какой-то своей «прошлой» жизни видел землю со стороны.

У него есть стихотворение «Ангел». Приведу его полностью.

*По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.*

*Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.*

*Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз,
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.*

*И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Мне кажется, что ангел нёс младую душу самого поэта. Что он, Лермонтов, небожитель, человек – оттуда. Что у него гены от Адама и Евы, а не от обезьяны Чарльза Дарвина, и кровь его несёт информацию глубокой древности. Отсюда – такое потрясающее чувство космоса, чувство своего Всемленского «дома».

Выхожу один я на дорогу.

На какую дорогу? На Невский проспект в Питере или на Тверскую улицу в Москве? Не-ет, на млечный путь, где звезда с зездою говорит. Там ходят небожители.

И всё-таки – увидеть землю из космического далека? Увидеть достоверно, реально? Земному человеку? Это, скажу я вам, явление запредельное. А он увидел. И сказал, что «спит земля в сиянье голубом». Причём обыденно, просто, как о чём-то привычном, повседневном: как о спящем ребёнке.

Подтвердить сие было некому: на такие прогулки ходят в одиночку, потому что подходящего спутника не найдёшь. И лишь через 120 лет Юрий Гагарин поддержал и Лермонтова,

и русскую литературу, подтвердив достоверность увиденного.

Но каким же чудом поэт смог вознестись на такую недосягаемую высоту? Без ракеты-носителя и скафандра? И ходить там как по асфальту? Вот уж действительно – гражданин Вселенной, принесённый ангелом на землю,

Библия нам трактует, что Адам и Ева были эмигрантами на земле. Эмигрантами из других галактик. Каких? Неведомо. А вот единственными ли? Та же Библия говорит о падших ангелах, т.е. демонах. Как видите, земля заселялась довольно активно. Вот и Лермонтов не преминул об этом сказать.

А «перевозчики душ», ангелы, все ли возвращались из своих «командировок»? Может, были среди них и невозвращенцы?

Стихотворение «Ангел» написано поздней осенью 1831 года, т.е. семнадцатилетним юношей, душа которого живёт интуицией, а не умом зрелого человека. И написано о нём самом, увиденном со стороны. Его душу ангел нёс в обитель «печали и слёз».

*И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Здесь, в этой обители «печали и слёз» тоска об утерянном доме не покидала душу поэта. Тем более, что Лермонтов за «скучными песнями» земли видел и худшие времена: он обладал пространственным мышлением. Как и сам творец, создавший нас по своему образу и подобию. Вспомним его пророческое:

Настанет год, России чёрный год...

Мы не научились уважать своих оракулов и провидцев. Пушкин в 20 лет увидел «рабство, падшее по милости царя»;

Лермонтов в 16 – падение самой монархии. Незаурядные явления. И незаурядные способности. На генном уровне. Подтверждённые самой госпожой Историей. Вот вам Но-страдамусы и Ванги. Причём, в своём отечестве. Чтобы стать бриллиантом, надо родиться алмазом. Из графита бриллиант не получится. Хотя структура такая же.

Но вернёмся к ангелу, что «душу младую в объятиях нёс в обитель печали и слёз». Кто он? Падший ангел, т.е. демон? Да нет: «О боже великом он пел, и хвала его неприворна была». Неприворна! Выполнив свою миссию, он, конечно, вернулся в небесную обитель. А юная душа осталась. Но «звуков небес заменить не могли ей скучные песни земли».

Душа осталась неприкаянной, не земной, тоскующей о кущах рая. И о Боге: «Хочу любить, хочу молиться, хочу я веровать добру». Вот вам и «демон». Он всё-таки сутью своей, всей страстной натураю – небожитель, ангел. Хотя и падший, отторгнутый от неба. Но – летающий «домой», в космос, где

*Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит».*

И гордо заявляющий:

Мой дом везде, где есть небесный свод...

А небесный свод простирается и над землёй, где
...волнуется желтеющая нива,

И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка.

Где

*...из-под куста мне ланьши серебристый
Приветливо кивает головой.*

Где

*...студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он*

И всё это ниспослано Богом – творцом всего сущего. Остальное – от людей. От них «погиб поэт, невольник чести». Лермонтовский демон, давно ставший хрестоматийным, всё это понимает и признаётся, что

*Счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.*

Могу, но… в условиях благости мира. В условиях незамутнённости и чистоты.

*Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.*

Ведь это крик души. Ангельской души. Небесной души. Потерявшей Бога, но рвущейся к нему: и в небесах я вижу Бога.

Но – «пал поэт, невольник чести, пал оклеветанный моловой».

*И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...*

Да и сама жизнь

*… как посмотришь с холодным
вниманьем вокруг, –*

Такая пустая и глупая шутка...

К тому же, в этой «пустой и глупой шутке» всё известно наперёд: и свой «довременный конец», и «час кровавый». Именно довременный и кровавый. Всеведенье и всевиденье поэта исключает чудеса и таинства жизни. В ней всё предска-
236

зумо, всё давно известно, всё зrimо. Возьмите потрясающее стихотворенье «Сон».

*В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая ещë дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.*

*Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их жёлтые вершины
И жгло меня – но спал я мёртвым сном.*

*И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жён, увенчанных цветами,
Шёл разговор весёлый обо мне.*

*Но в разговор весёлый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа её младая
Бог знает чем была погружена;*

*И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струёй.*

Какому смертному подвластно такое всевиденье? И собственное бездыханное тело – как будто душа от тела отделилась и видит свою недавнюю обитель со стороны. Но видит и весёлый пир в далёкой стороне. И юную деву, которая задумалась среди общего веселья

*И снилась ей долина Дагестана:
Знакомый труп лежал в долине той;*

*В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струёй.*

Собственный сон, пусть даже «мёртвый», ещё как-то понятен. Но сон далёкой юной девы – это за гранью человеческого понимания и человеческих возможностей. Такое даётся только гению, в чьих жилах бродит кровь далёких небесных предков. Тут даже Ванга со мной согласилась бы.

Пушкин мало жил, но достиг большой мудрости.

Он как на ладони видел всю историю своей страны: от ве-щего Олега до ссыльных декабристов. И даже перешагнул её рамки, соприкоснувшись с шестикрылым небожителем, т.е. посланцем неба. Дело оставалось за малым: за собственными полётами в небеса.

Лермонтову, оказалось, и это доступно. Он пролетел как яркий метеор. Ему, по сути, некогда было набираться земной мудрости, земного опыта. «Скучные песни земли» не успели тронуть его душу. Он заговорил в полный голос только в последние пять лет своей жизни. Заговорил с космическим масштабом, связав землю и небо. Заговорил, приняв эстафету от Пушкина, погиб поэт, невольник чести...

Но и за эти пять лет успел стать поэтом «с Ивана Великого» – как и предсказывал Белинский. А если бы он успел написать задуманный роман о декабристах? «Не было бы ни меня, ни Достоевского», – признался Лев Толстой, узнав план романа. Только план!

Нет, к нему, как к Пушкину, не прилетал шестикрылый Серафим. Он сам парил в просторах вселенной и видел её невооружённым глазом. Кто он, этот юный гений? Пророк? Провидец? Или просто небожитель? Чуждый меркантильности и славы. Какого стихотворенья ни коснёшься: при жизни не печаталось. Не рвался он на публику, на страницы печати,

к славе и поклонению. Вот уж действительно запредельная широта души!

В этом году ему, небожителю, исполняется 200 лет. Историческая дата для нашего отечества. И не последняя в литературной биографии страны. В 2019 году исполнится 200 лет предсказанию Пушкина об отмене крепостного права. А в 2030 году – 200 лет пророчеству Лермонтова:

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт...*

Откуда такие незаурядные способности? От образованности? От воспитания? Или всё от Бога, т.е. заложено на генном уровне? На уровне Адама и Евы, ниспосланных на землю? Не мне судить. Но что это штучные явления, знает каждый. Гении и таланты не каждый день посещают наш бренный мир. На то они и гении – посланцы неба.

Яков Рабинер

Встречались ли Пушкин и Лермонтов?

Вот вопрос, который долгое время интриговал меня. Думаю, что этот вопрос интриговал всех, кто когда-либо серьёзно интересовался подробностями жизни двух поэтов.

Ответ многих исследователей на этот вопрос сводился к безусловному: «Нет, не встречались».

«Известно, что Лермонтов и Пушкин не были знакомы», – пишет автор «Этюдов о Лермонтове» Э. Найдич.

«Пушкин, видимо, даже не слышал имени Лермонтова», – пишет на интернетовском сайте «Загадки истории» автор статьи «Пушкин и Лермонтов – роковые дуэли».

Вот эти два вопроса: «Встречался ли Пушкин с Лермонтовым?» и «Слышал ли Пушкин о Лермонтове?» и определили направление моих поисков.

Лермонтов хорошо знал людей из ближайшего окружения Пушкина: Жуковского, Гоголя, Карамзину, Смирнову-Россет, Одоевского, брата Пушкина – Льва, который во время пребывания в Пятигорске стал свидетелем ссоры Лермонтова с Мартыновым. Знал Лермонтов и жену Пушкина – Наталью Гончарову, с которой встретился последний раз незадолго до своей роковой поездки на Кавказ.

«Не может быть, – решил я, – чтобы когда-нибудь не пересекались пути Пушкина и Лермонтова, а если даже и не пересекались, то знал ли хотя бы Пушкин о Лермонтове?»

В поисках ответов на эти вопросы мне пришлось перевернуть немало книг. Вот те «золотые крупицы» сведений, которые мне удалось отыскать на литературных «приисках».

В сборнике «Лермонтов в жизни» я попал на заметку современника Лермонтова П.К. Мартынова. Он пишет следующее:

«Граф Васильев жил в то время в Царском Селе на одной квартире с поручиком Гончаровым, родным братом Натальи Николаевны, супруги А.С.Пушкина. Через него он познакомился с поэтом (Пушкиным) и впоследствии нередко бывал у него. А.С. Пушкин, живший тогда в Царском, близ Китайского домика, полюбил молодого гусара и частенько утром, когда он возвращался с ученья домой, зазывал к себе, шутил, смеялся, рассказывал или сам слушал рассказы о новостях дня. Однажды в жаркий летний день граф Васильев, зайдя к нему, застал его чуть ли не в прародительском костюме. «Ну, уж извините, – засмеялся поэт, – жара стоит африканская, а у нас там в Африке ходят в таких костюмах». Он, по словам графа Васильева, не был лично знаком с Лермонтовым, но знал о нём и восхищался его стихами.

«Далеко мальчик пойдёт», – говорил он».

«Влад. Серг. Глинка, – пишет известный биограф Лермонтова П.А.Висковатов, – сообщил, как Пушкин в эту же пору, прочитав некоторые стихотворения Лермонтова, признал их «блестящими признаками высокого таланта».

Наиболее интересные сведения о Пушкине и Лермонтове я обнаружил в воспоминаниях приятельницы Пушкина Александры Осиповны Смирновой-Россет, у которой он часто бывал в гостях. Вот что она пишет:

«У Лермы (так Лермонтов подписывал одно время свои стихи. Я.Р.) – чудные глаза, но выражение их совсем иное, чем у Пушкина. У него нет его поэтичного, глубокого взгляда, ни его доброй, открытой, а иногда и немножко насмешливой улыбки. Глаза же Лермонтова грустны, во взгляде иногда сверкает презрение. Я часто спрашиваю себя, добр ли Лер-

монтов, может быть, его презрительная манера есть не более как желание скрыть застенчивость и недоверчивость, ведь он, повторяю, так молод.

Теперь Лермонтов влюблён в Эмилию М.П., но в то же время пишет стихи Авроре Д.Я. Joseph (братья Россет) его безжалостно подразнивает, и очень удачно, что удивительно, так как Лермонтов далеко не «добрый мальчик». Впрочем он питает к моему брату большое пристрастие. Вчера брат ему сказал: «Ты семь раз вздохнул в продолжение двадцати минут. Право, ты напоминаешь пароход, отходящий в Кронштадт, можно подумать, что ты любишь графиню Эмилию на всех парах». Ответ Лермы был комичен: «Ты нравишься женщинам, ты очень красивый мальчик, настоящий херувим, а я некрасив, неловок и вдобавок плохо танцую. Я понимаю, что на балах я поэтому много проигрываю. Когда я приглашаю дам, они строят мне кислые гримасы».

Joseph расхохотался и, обернувшись ко мне, сказал: «Не правда ли, Лермонтов самый глупый человек в Петербурге? Он поэт, будет знаменит и не понимает, что красавицы, по которым он теперь вздыхает, будут в восторге иметь возможность сказать когда-нибудь, что во времена их молодости, в счастливые дни их красоты и блеска, Лермонтов воспевал их». Лерма совершенно серьёзно спросил меня, что я об этом думаю, и сказал, что может быть, они, эти дамы, не любят поэзии.

Joseph возразил: «Я не советую тебе посвящать им эпические поэмы, оды или даже элегии, для этого существует сонет, и французы утверждают, что безукоризненный сонет стоит длинной поэмы».

Мы передали этот разговор Пушкину, он много смеялся и наконец сказал:

«Бедный мальчик, и я чувствовал, как он, когда писал в лицее сонеты Дафне, а в Одессе и Кишинёве – баллады Луне. Я воровал даже туфельки и перчатки, собрал большую коллекцию, которую сжёг, вернувшись в деревню, в присутствии моей старушки Арины, единственной свидетельницы этого аутодафе. Она пришла в ужас, узнав, что я совершил столько краж»...

«Я долго разговаривала с Лермонтовым. Он очень собою недоволен, жалуется, что не может сосредоточиться, так как слишком вращается среди беспечной, легкомысленной толпы. Конечно, в этом виноват он сам, но ведь он так молод. Жуковский просит меня взять его в руки, пожурить, а Пушкин говорил: «»Если бы его сослали в деревню, это принесло бы ему такую же пользу, как и мне. Я сознаю, что моё изгнание сослужило мне большую пользу. Он должен работать. Очевидно, он не отдаёт себе отчёта в своём таланте».

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА, НАПИСАННЫЕ ИМ ПРИ ЖИЗНИ ПУШКИНА

1828 ГОД

Поэма «Черкесы».

Стихи: «Осень», «Заблуждение купидона»,
«Цевница», «Кавказский пленник», «Корсар».

1829 ГОД

Первая редакция «Демона».

1830 ГОД

Вторая редакция «Демона»,
Повесть «Джюлио».

«Между лиловых облаков», «Благодарю», «К Сушковой»,
«Нищий»,

«Стансы», «Ночь», «Чума», «Весна» (напечатано при
жизни Пушкина в журнале «Атеней»).

1831 ГОД

*Стихотворение «Редеют белые туманы», «Моя душа, я
помню, с детских лет...», поэма «Ангел смерти».*

1832 ГОД

*Поэма «Измаил-Бей», стихотворение «Я жить хочу, хочу
печали».*

1834 ГОД

*Стихи: «Петергофский праздник», «Уланша», поэма
«Хаджи-Абрек» (напечатана при жизни Пушкина в журна-
ле «Библиотека для чтения»).*

1835 ГОД

Закончил и передал в драматическую цензуру драму «Маскарад».

700-летию со
дня рождения
Преподобного
Сергия
Радонежского

Преподобный Сергий Радонежский

К 700-летию со дня рождения

Предисловие

В 2014 году исполняется 700 лет со дня рождения Преподобного Сергия Радонежского – великого подвижника и патриота России.

Этот знаменательный юбилей, в соответствии с Указом Президента России, будет праздноваться не только во всецерковном, но и в государственном масштабе. Празднование 700-летия со дня рождения Преподобного Сергия – это добрый знак возвращения России к отечественным православным традициям, к исконным духовно-нравственным истокам народной жизни.

Великий духовный подвиг Преподобного Сергия, как отмечал выдающийся историк Василий Осипович Ключевский, связан как с нравственным, так и с политическим возрождением Руси. Поэтому до нынешнего времени святой Сергий служит примером не только крепкой веры, но и самоотверженной любви к своим соотечественникам, патриотизма.

700-летие со дня рождения Преподобного Сергия – это дата, связанная с памятью святого, чье имя, наряду с именем святого благоверного великого князя Александра Невского, достойно называться «ИМЕНЕМ РОССИИ».

Благодаря особому почитанию Преподобного Сергия на Руси, в разные эпохи в его честь были возведены многочисленные храмы и часовни. В XX веке многие святыни были разорены и порушенны, была закрыта даже Троице-Сергиева Лавра. Редкостью стали книги, из которых можно было узнать о жизни и подвигах Преподобного Сергия Радонежского.

700-летию со дня рождения Преподобного Сергия Радонежского

К юбилейному году обновилась Троице-Сергиева Лавра. Восстанавливаются и строятся новые храмы и часовни в честь и славу Преподобного Сергия. Издаются многочисленные книги и альбомы, посвященные святому. Открывается благодатная возможность ознакомления с его жизнью и подвигами на уроках православной культуры в школе.

Духовному наследию Преподобного Сергия в истории и современной жизни России посвящаются Рождественские Образовательные Чтения, конференции, выставки, концерты, конкурсы.

Праздничные мероприятия осуществляются Русской Православной Церковью во взаимодействии с различными министерствами и ведомствами, учреждениями образования и культуры и всеми теми, кому дороги священные страницы родной истории, связанные с именем и подвигами Преподобного Сергия Радонежского.

Человеку XXI века трудно постичь, в чем же состоял смысл духовного подвига Преподобного Сергия, и в чем была его заслуга перед Русским государством. Ответ дают древнерусские летописи и жизнеописания святого, а также исследования отечественных историков, тщательно изучающих его жизнь и подвиги.

2014 год объявлен Годом культуры. «Культура – это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование нации», «Культура – это святыни народа, святыни нации», – так говорил и писал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Следовательно, год 700-летия со дня рождения Преподобного Сергия Радонежского и Год культуры имеют единые историко-культурные истоки и единую высокую цель. Цель эта – духовно-нравственное развитие общества через духовное возрождение России.

Преподобный Сергий в жизни России – явление величайшее. Святость жизни, его труды на благо Церкви и России, его вклад в объединение русских земель вокруг Москвы и защита мирной жизни нашей Родины имеют непреходящее значение. В Преподобном Сергии наш народ всегда видел и видит образец нравственного и патриотического подвижничества, столь необходимый для современного российского общества, ищущего путь духовно-нравственного единства и развития.

Отрочество и юность Святого Сергия

Преподобный Сергий родился в 1314 году в селе Варницы под Ростовом Великим в семье боярина Кирилла и его супруги Марии. Во Святом Крещении они назвали сына Варфоломеем, что означает «сын радости».

В семилетнем возрасте отрок Варфоломей вместе со старшим братом Стефаном и младшим Петром был отдан в «учение книжное». Братья и сверстники учились успешно, а Варфоломею учение не давалось. Благонравный отрок очень скорбел об этом и усердно молил Господа «открыть ему дверь книжного разумения».

Однажды, разыскивая в поле пропавших лошадей, он увидел старца, стоявшего под деревом на молитве. Отрок приблизился к нему и, низко поклонившись, стоял, ожидая окончания молитвы. Инок спросил Варфоломея: «Чего хочешь, чадо?». Отрок отвечал: «Отче, отдали меня учиться читать, и никак не могу уразуметь ничего из того, чему учит меня учитель мой. И из-за этого скорблю и не знаю, что мне делать. Но молю твою честную святыню, помолись ко Господу обо мне, чтобы вразумил Он меня святыми твоими молитвами».

Инок, с сотворив молитву, благословил отрока Варфоломея и сказал: «Отныне, чадо, дарует тебе Бог разумение, о котором

просишь, чтобы мог и других учить». Затем таинственный старец посетил их дом, дал отроку в руки книгу и велел читать. После этого Варфоломей стал преуспевать в книжной премудрости больше, чем его братья и ранее насмехавшиеся над ним соученики. После этого чудесного события отрок Варфоломей укрепился в своем желании служить только Богу.

В Третьяковской галерее находится картина «Видение отроку Варфоломею», на которой художник М.В. Нестеров изобразил это событие из отрочества святого Сергия. Вспоминая об этом чудесном событии, православные люди на Руси почитают Преподобного как покровителя учащих и учащихся и молятся святому Сергию о даровании им благодатной помощи Божией в учебе.

«Видение отроку Варфоломею». Художник М.В. Нестеров

Из-за сильных притеснений, которым подвергались от местного воеводы ростовские бояре, родители Варфоломея переселились «со всем домом своим и всем родом своим» в село Радонеж, находившееся в княжестве Московском. Братья Варфоломея, достигнув совершеннолетия, женились, а он готовил себя к монашеской жизни: любимым чтением его были псалмы, с раннего детства он любил воздержание в пище, молитва и трудолюбие лучше всего характеризовали его святую жизнь. От юности возлюбив Христа, Варфоломей хотел уйти в монастырь, но родители упросили его пожить с ними до их кончины, а потом уже вступить на путь монашеской жизни.

В 1334 году блаженные Кирилл и Мария сами приняли постриг в соседнем Хотьковом монастыре. Вскоре они скончались. Варфоломей похоронил их и тотчас устремился исполнить желание сердца своего.

Обитель Святой Троицы

Стремясь к уединенной подвижнической жизни, в 1337 году Варфоломей нашел безлюдное место в десяти верстах от села Хотьково. Называлось оно Маковец, потому что возвышалось над окружающей местностью. Здесь, на Маковце, юный подвижник построил маленький храм в честь Святой Троицы. Этот храм и положил начало Сергиевой монашеской обители, ставшей впоследствии знаменитой на весь мир Троице-Сергиевой Лаврой. Лавра эта находится примерно в 70 километрах от Москвы по дороге на Ярославль.

7 октября 1337 года Варфоломей принял от руки старца-игумена Митрофана монашеский постриг, в котором получил новое имя – Сергий. Ему было тогда 23 года. По словам жизнеописателя Преподобного Сергия Епифания Премудрого, «он первый монах этого места, началообразный

подвигоположник и образец для всех остальных монахов, живущих здесь. Хотя и молод он был по телесному возрасту, но смыслом духовным был старец и совершен Божественною благодатию».

Пробыл тот священноинок Митрофан с монахом Сергием всего несколько дней, а уходя, сказал: «Чадо, я ухожу, тебя же предаю в руки Божий». И предсказал: «Распространит Бог на месте этом обитель великую и преславную!»

Тяжела была жизнь в безлюдном месте. Мимо одинокой келии святого пробегали голодные волки, бродили медведи, часто ему бывало холодно и голодно... Но благодать Божия, укреплявшая телесные и душевые силы святого инока, помогала ему переносить все тяготы и невзгоды. Во всех трудностях и искушениях был с ним Господь!

Во святом Евангелии сказано: *«Не может укрыться город, стоящий на верху горы»* (Мф. 5, 14). Так не укрылись от людей и подвиги святого Сергия. Весть о необыкновенном пустынножителе стала распространяться по всему лицу Русской земли. Имевшие радость общения с юным подвижником говорили о его трудолюбии, строгом воздержании, простоте и незлобии, смирении и душевой чистоте. Из окрестных сел к обители Сергия начали приходить паломники – за советом, наставлением и благословением. Возвращаясь от святого Сергия, они делились со своими близкими благодатными впечатлениями.

Вскоре пришли к Сергию и 12 иноков, которые стали делить с ним тяготы подвижнической жизни. Святой Сергий трудился больше всех. Он сам рубил дрова, пек хлеб, строил для братии жилища, постоянно помня слова Спасителя: *«Кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом»* (Мк. 10, 44). В 40 лет братия выбрала его игуменом, и после этого он 30 лет управлял своей обителью. В «пении, бдении

и пощении», как поется в тропаре святому Сергию, он был «образом», то есть лучшим примером своим ученикам.

Однажды братия обители, страдая от голода, начала роптать на святого, говоря: «Доколе будешь возбранять нам ходить в мир и просить подаяние? Потерпим еще эту ночь, а завтра уйдем отсюда, чтобы не умереть нам с голоду». А святой Сергий утешал их, рассказывая о жизни святых отцов и напоминая им слова Христа: *«Посмотрите на птиц небесных, которые не сеют, не жнут, в житнице не собирают, но Отец Небесный питает их.* Если же Он птиц питает, неужели нас не может прокормить? Необходимо потерпеть, а мы нетерпеливы. Не хотим претерпеть небольшого искушения, приключившегося с нами. Если бы с благодарностью приняли его, то великую пользу принесло оно нам. Ведь золото обязательно огнем испытывается». И добавил: «Сегодня ненадолго претерпели оскудение, завтра же настанет преизобилование всех благ».

И по молитвам святого Сергия сбылось то, что он предрек. Наутро в монастырь принесли множество свежеиспеченных хлебов и рыбы. Принесшие все это сказали: «Это христолюбец прислал авве Сергию и живущим с ним братиям». Хватило братии пищи той на много дней, и сказал им Преподобный: «Смотрите, братья, и удивляйтесь, как подает Бог тем, кто терпит. *Он не забудет убогих Своих до конца и никогда не презрит этого святого места и живущих в нем рабов Своих, служащих Ему день и ночь*».

Преподобный Сергий по благодати Божией творил много чудес. И прокаженные очищались, и слепые прозревали. И все, кто различными болезнями страдал и с верою приходил к нему, не только телесное здоровье, но и пользу душевную получали.

Многие люди, желая увидеть честное лицо его и насладиться душеполезной его беседой, из разных городов и сел

стекались к нему. Немало иноков оставляли свои монастыри и приходили к нему, желая жить вместе с ним и получать наставления от него. Князья, бояре и простые люди с усердием стремились к святому Сергию, почитая его как одного из древних отцов или как одного из пророков.

Приход простеца

Один поселянин, земледелец из дальнего села, услышав о святом Сергии, очень хотел увидеть его. Придя в обитель Преподобного, он стал расспрашивать, как увидеть его. А святой Сергий в это время копал землю на огороде. Иноки сказали об этом поселянину. Пошел тот человек к огороду и, увидев святого в худой одежде, копающего землю, решил, что пославшие хотели над ним посмеяться.

Поселянин ожидал увидеть святого в великой славе. И, возвратившись в обитель, снова начал расспрашивать: «Где святой Сергий? Покажите мне его, ведь я издалека пришел, чтобы повидать его». Монахи отвечали: «Воистину тот самый, кого ты хотел увидеть».

Вскоре подошел святой, но поселянин увидел его и отвернулся, не желая глядеть на бедного монаха. Между тем думал: «Сколько трудов предпринял я впустую! Пришел, чтобы увидеть великого пророка, о котором столько слышал. Надеялся увидеть его в великой чести и славе, и вот вижу какого-то нищего и нечестного старца».

Святой Сергий, уразумев эти помышления, стал благодарить его, ибо как гордый о похвалах и почитании, так смиренномудрый о бесчестии и унижении своем радуется. Пригласив поселянина с собой, подвижник поставил перед ним еду, стал угождать его. И сказал ему: «Не скорби, а того, кого хочешь, вскоре увидишь». Только он произнес эти слова, как примчался посланник с известием о прибытии в мона-

стырь великого князя. Святой Сергий сразу же отправился навстречу князю, который приехал со множеством слуг. Увидев Преподобного, князь поспешил к нему и, поклонившись до земли, попросил благословения у святого.

Когда князь стал беседовать с Преподобным, слуги отогнали поселянина подальше. Уразумев свою ошибку, тот стал укорять себя: «Как это я ослеп и не поверил тем, кто указывал мне на отца святого? Как не воздал ему достойных почестей?!» Святой же после беседы с князем любезно утешал поселянина, говоря: «Не скорби, чадо, только ты один истинно познал меня, не найдя ничего особенного. Прочие же все соблазнились, называя меня великим». Из этого случая видно, каким великим смирением обладал святой Сергий.

Видение небесных птиц

Однажды святой Сергий по обычаю глубоким вечером стоял на молитве, усердно молился Богу о своих учениках и вдруг услышал голос: «Сергий!» Он удивился тому, что кто-то ночью зовет его. Прочитав молитву до конца, святой отворил окно своей келии, надеясь увидеть того, кто его звал.

Вдруг он увидел яркий свет, сияющий с небес, так что ночь стала ярче светлого дня. Услышал он и голос, вторично зовущий: «Сергий! Ты молишься о чадах твоих – услышано моление твое! Посмотри же, сколько иноков во имя Святой Троицы собирается в твою обитель». Преподобный Сергий посмотрел и увидел не только в монастыре, но и вокруг монастыря множество прекрасных птиц, поющих песнопения ангельские.

И вновь Преподобный услышал голос: «Так же, как ты видишь этих птиц, так умножится число учеников твоих, и после твоей смерти обитель не оскудеет. И так чудесно и

различно будут они украшены добродетелями, во всем желая следовать тебе».

Удивился святой Сергий этому чудесному видению, рассказал о нем ученику своему Симону, и они возрадовались, вместе прославляя Бога.

Удивительное общение

Было это в 1390 году. Друг Преподобного Сергия епископ Пермский Стефан, следя по пути в Москву, всегда старался заехать в обитель святого. Но однажды епископ Стефан, торопясь в Москву, проезжал по дороге, которая отстоит от Сергиева монастыря на пять поприщ или чуть больше.

Поскольку он очень спешил, то в этот раз решил не заезжать в обитель святого Сергия, а посетить своего друга на обратном пути. Достигнув места, бывшего напротив обители, епископ Стефан встал на колени и прочел молитву «Достойно есть», затем поклонился Преподобному Сергию и сказал: «Мир тебе, духовный брат!»

В этот момент Преподобный Сергий находился на общей трапезе. Уразумев духом поклонение епископа, он тотчас встал из-за стола и, створив молитву, поклонился епископу Стефану, вдалеке от обители отстоявшему, и сказал: «Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобою!»

Братия обители чрезвычайно удивилась, а некоторые из них решили, что Преподобному было некое видение. По окончании же трапезы они спросили его, и он рассказал им: «В тот час епископ Стефан, идущий ко граду Москве, стал напротив нашего монастыря и поклонился Святой Троице, и нас грешных благословил». Впоследствии стало известно, что именно так и было. И дивилась братия монастыря прозорливости их духовного отца, данной ему от Бога.

В воспоминание этого удивительного духовного общения до сего времени за братской трапезой в Троице-Сергиевой Лавре соблюдается следующий обычай: во время трапезы раздается звон колокольчика, все встают и совершают молитву, вспоминая Преподобного Сергия и Святителя Стефана Пермского. Затем трапеза продолжается. Так хранится святое монастырское предание.

Сергий Миротворец

Преподобный Сергий оказал великую пользу Русской земле в укреплении и поддержании мира, когда умирал удельных князей. Княжеская междуусобица приносила Руси бед едва ли не больше, чем нашествия иноземцев.

Так, по просьбе митрополита Московского Алексия Преподобный Сергий отправился к рассорившимся князьям-братьям Дмитрию и Борису Константиновичам, оспаривавшим друг у друга Нижний Новгород. Чтобы заставить покориться младшего, Бориса, святой Сергий применил к упрямцу «крайнюю» меру: «затворил» все церкви в Нижнем Новгороде, прекратив тем самым богослужения. И князь Борис был вынужден помириться с братом.

В другой раз по просьбе великого князя Московского Дмитрия Ивановича Преподобный пришел пешком к рязанскому князю Олегу, чтобы примирить его с Москвой. После долгих увещеваний миссия троицкого игумена завершилась успешно.

Преподобный Сергий
и святой благоверный князь Дмитрий Донской

Перелистывая священные страницы родной истории, мы с особым вниманием читаем строки древнерусских летописей, посвященные Куликовской битве. На эту решающую битву

с гордым Мамаем предводителя русского воинства московского князя Димитрия Ивановича вдохновил и благословил Преподобный Сергий Радонежский.

Более ста пятидесяти лет разоряли Русскую землю монголо-татарские завоеватели. Они жгли русские города, уводили в плен людей и заставляли русских князей платить огромную дань. Долго наши предки испытывали это страшное унижение, пока князь Димитрий не решился пойти против поработителей земли Русской. Собирая русских князей под свое крыло, он почувствовал свое могущество и перестал платить дань Золотой Орде. За это хан Мамай решил сурово наказать русских людей.

Узнав, что полчища Мамая уже приблизились к Дону, в конце августа 1380 года князь Димитрий поспешил в Троицкий монастырь для того, чтобы получить благословение святого Сергия на битву с Мамаем. «Без всякого сомнения, – сказал великому князю Сергий Радонежский, – со дерзновением пойди противу свирепства их, никакоже ужасайтесь, всяко поможет ти Бог! Врагов победишь и здоровым в свое Отечество возвратишься».

Битва на Куликовом поле началась утром 8 сентября 1380 года и завершилась в тот же день. Все русские люди в этот день совершали в своих храмах церковную службу в честь Рождества Пресвятой Богородицы. И все, кто знал о предстоящем сражении, особо усердно молились Небесной Покровительнице Руси о спасении русского народа.

Святой Сергий Радонежский не только благословил на битву великого князя Димитрия, но и послал в первые ряды русского воинства двух любимых своих учеников – храбрых воинов Александра Пересвета и Андрея Ослябю.

Слово святого Сергия как огонь воспламенило сердца русских людей на эту решающую битву. Из летописей известно,

как воины князя Димитрия, окрыленные благословением святого Сергия, одержали решительную победу над значительно превосходящими по числу воинов полчищами Мамая. И хотя окончательное освобождение от монголо-татарского ига произошло спустя столетие, в 1480 году, Куликовская Победа стала величайшей Победой наших предков, открывшей путь к полному освобождению и независимости Руси.

На Куликовом поле наши храбрые предки не просто выстояли в битве с сильным врагом, они достигли национального единства! На поле Куликово вышли москвичи, рязанцы, владимирцы, переяславцы, псковитяне, а с Куликова поля они вернулись русскими. «Сказание о Мамаевом побоище» и другие исторические повести, посвященные Куликовской Победе, показывают, что одолеть Мамая русские люди смогли только благодаря тому, что самоотверженно поднялись на защиту святой православной веры, своих святынь – Святой Руси!

Так, надеясь на помощь Божию и на молитвы святого, князь Димитрий пошел на завоевателей Руси и, вступив в битву с врагами, победил их. Мамай с малыми остатками своего войска едва убежал с Куликова поля. Преподобный же Сергий, будучи прозорлив, духовными очами видел то, что совершалось вдали, на Куликовом поле. И, стоя с братией на молитве в обители своей в то время, когда разразилась битва между русскими и татарами, возвестил, что в этот самый момент великий князь Димитрий врагов победил и тех христиан, которые во время битвы убиты были, по имени называл и приношение о них Богу возносил.

После Куликовского сражения великий князь Димитрий Донской с благодарностью пришел в обитель к Преподобному и благодарил святого Сергия, ибо он помог ему своими прилежными молитвами к Богу. С этого времени в Русской

700-летию со дня рождения Преподобного Сергия Радонежского

Православной Церкви ежегодно накануне дня памяти святого Димитрия Солунского, в честь которого при крещении и получил свое имя Димитрий Донской, совершается заупокойное поминовение православных воинов, павших на поле брани, – Димитриевская родительская суббота.

Великий князь Димитрий Донской умер в 1389 году, будучи еще довольно молодым. В Москве в Государственном историческом музее хранится подлинник Завещания великого князя Димитрия Донского. Из текста этого Завещания видно, что у смертного одра святого князя при чтении Завещания среди других близких ему людей стоял и Преподобный Сергий Радонежский.

В память о славном ратном подвиге наших предков в 1913 году началось и в 1919 году завершилось возведение на Куликовом поле храма-памятника во имя святого Сергия Радонежского. Купола этого храма напоминают шлемы русских воинов-победителей.

Кроткий и смиренный подвижник, Преподобный Сергий стал духовным воспитателем русского народа в самый тяжелый период истории Руси – во времена монголо-татарского ига. Поэтому всякий раз, говоря о Куликовской битве, мы вспоминаем духовного отца князя Димитрия Донского – великого подвижника земли Русской Преподобного Сергия Радонежского.

Явление Божией Матери

За четыре года до кончины Преподобного Сергия явилась ему Матерь Божия и обещала покровительство его обители. Вот как описывает это чудо Епифаний Премудрый, ученик и составитель жития Преподобного.

Стоял однажды святой Сергий ночью во время обычного своего правила перед иконой Пречистой Богоматери и, часто

на икону взирая, говорил: «Пречистая Мать Христа моего, Заступница и крепкая Помощница рода человеческого, будь за нас недостойных Ходатаицей, всегда моля Сына Своего и Бога нашего, да призрит Он на место святое, которое заложено в похвалу и честь Святого Имени Его во веки».

Помолившись усердно, святой Сергий присел, чтобы немного отдохнуть. Ученику же своему Михею сказал: «Чадо, бодрствуй, поскольку чудное посещение в этот час должно произойти». Только святой промолвил это, как внезапно раздался голос: «Се, Пречистая грядет!» Святой же, услышав голос, быстро вышел из келии в сени, и вот свет великий, ярче солнечного, осиял святого, и увидели они Пречистую Богородицу с двумя апостолами, Петром и Иоанном, блистающих неизреченною светлостью. Святой Сергий упал ниц, не в силах видеть зари этой нестерпимой. Пречистая же Своими руками коснулась святого, сказав: «Не ужасайся, избранник Мой, Я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя об учениках твоих, о которых ты молился, и об обители твоей. Не скорби, ибо отныне она всем будет изобиловать. Не только при жизни твоей, но и по смерти твоей неотступно буду заботиться об обители, все необходимое подавая ей неоскудно и сохраняя ее и покрывая». Сказав это, Богородица стала невидимой.

Через некоторое время, прия в чувство, Преподобный Сергий нашел ученика своего лежащим на полу, от страха словно мертвого, и поднял его. Упав в ноги старцу, ученик спросил: «Скажи мне, отче, ради Господа, что означает это чудесное видение? Поскольку дух мой едва не разлучился с плотью из-за этого блестящего видения». Святой же, радуясь душою, так что просияло лицо его от неизглаголанной той радости, не мог ничего другого сказать: «Потерпи, чадо, поскольку дух мой во мне трепещет от чудного видения». И стоял молча и дивился. Через некоторое же время сказал

700 летию со дня рождения Преподобного Сергия Радонежского

ученику своему: «Чадо, позови Исаакия и Симона». И когда они пришли, рассказал им по порядку, как видел Пречистую Богородицу с апостолами и что Она сказала ему.

Услышав же это, исполнились они радости и веселия, и все вместе отпели молебен Богородице. Святой же всю ночь пребывал без сна, размышляя над милостивым посещением Пречистой Владычицы.

Много и других чудесных явлений наблюдали ученики Сергия в его святой жизни: так, Исаакий видел, как вместе с Преподобным служил Литургию ангел Божий – «светоносный муж в блистающих ризах»; Симон – как во время службы небесный огонь, окружавший святой престол, неожиданно свившись «яко же некая плащаница, вниде во святый потир, и тако Преподобный причастися». Поэтому в Акафисте святому мы молитвенно обращаемся к нему: «Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный Чудотворче!».

Блаженная кончина Святого Сергия

Осенью 1392 года Преподобный Сергий заболел. Предчувствуя скорый конец, он призвал братию для последних наставлений. Старейшинство он передал своему ученику Никону, который был еще довольно молод, но всем своим житием подражал учителю и наставнику своему.

Уразумев, что настало время отшествия к Богу, святой Сергий всем подал прощение, а в самый час исхода причастился Святых Тайн. Так святую свою душу предал он в руки Божий. Было же лицо его светлым, не как у мертвца, а как у спящего человека, а это известное знамение его душевной светлости. Преставился Преподобный Сергий Радонежский 25 сентября 1392 года. Теперь этот день приходится на 8 октября.

Положено было честное тело святого Сергия в обители, в которой он столь долго подвизался. А по прошествии трид-

цати лет были обретены мощи его целыми и нетленными, и к одеждам его не прикоснулось тление. От мощей происходило благоухание, и многие исцеления болящим подавались. И доныне от святых его мощей истекают исцеления всем с верою притекающим.

Прошли столетия. Троице-Сергиева Лавра стала одной из крупнейших русских обителей. Бесценным сокровищем ее и доныне является священная рака с мощами Преподобного Сергия, к которым непрестанным потоком со всего мира стекаются усердные паломники.

Икона Святой Троицы

Величайшей драгоценностью России является знаменитая икона «Троица», написанная для иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевого монастыря одним из учеников Преподобного Сергия иконописцем Андреем Рублевым.

Эту икону Преподобный Андрей Рублев написал «в похвалу отцу своему духовному» – святому Сергию Радонежскому. Как свидетельствует «Житие Преподобного Сергия», написанное Епифанием Премудрым, Преподобный Сергий построил храм в честь и славу Пресвятой Троицы, «дабы воззрением на Святую Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего». В то время как еще не окончилось страшное для Руси монголо-татарское иго, еще не перестали враждовать русские княжества, еще не примирились на Руси брат с братом, Преподобный Сергий своим подвигом и примером насаждал мир и единение в земле Русской.

Знаменитая «Троица» – удивительнейший пример того, как можно кистью мудрого художника показать невмещаемый разумом один из главных догматов христианской веры о нераздельности и неслияности трех Лиц Пресвятой Троицы.

Три Ангела, в облике которых отражена Божественная Красота, а в безмолвной беседе – нераздельное единство, сидят

вокруг престола, на котором стоит только жертвенная Чаша. В основу иконы «Троица» положен библейский рассказ о явлении Бога праведному Аврааму у дуба Мамврийского в виде трех Странников, которых Авраам почтил как Одного (Быт. 18, 1-18). Этим явлением еще задолго до Рождества Христова верующим людям была приоткрыта тайна Триединства Бога. Преподобный Андрей Рублев невидимое Триединство Божества чудесно отобразил в видимой нами иконе «Троица». Эта икона не просто помогает побеждать ненавистные разделения в жизни людей, но и является лучшим живописным свидетельством о Небесной Красоте, открывшейся молитвенному взору великого русского иконописца.

Школа Преподобного Сергия

Преподобным Сергием и при его содействии в XIV веке на Руси были основаны многие монастыри, которые составили целую монашескую школу Преподобного Сергия. Среди них: Симонов Успенский монастырь в Москве, Киржачский Благовещенский на высоком берегу реки Киржач, Голутвин Богоявленский в Коломне, Серпуховской Высоцкий монастырь на высоком берегу реки Нары близ впадения ее в Оку, Троицкий Махрицкий в месте слияния рек Молокчи и Махрищи, Дубенский (в память Куликовской битвы), Покровский близ Боровска, Сузdalский Спасо-Евфимиев монастырь, Богородице-Рождественский в Ростове Великом, Борисоглебский близ Ростова.

В дальнейшем ученики Преподобного Сергия – Андроник, Феодор Симоновский, Афанасий Серпуховской, Савва Звенигородский, Авраамий Галичский, Мефодий Пешношский, Иаков Железноборский и многие другие – основали множество монастырей, ставших впоследствии духовными и культурными центрами России. Среди них: Спасо-

Андроников монастырь в Москве, Саввино-Сторожевский близ Звенигорода, Железноборский близ Галича, Воскресенский на севере Ярославской области, Кирилло-Белозерский монастырь, Ферапонтов на берегу Бородаевского озера, Михайло-Архангельский в селе Усть-Вымь, Соловецкий на берегу Большого Соловецкого острова и другие.

В XV–XVI веках духовные внуки и правнуки Преподобного Сергия продолжали духовно окормлять Русскую Церковь, осваивать глухие края и повсюду зажигать светильники духа. Как писал архиепископ Никон (Рождественский), «духовное потомство великого Радонежского подвижника распространилось по всей северо-восточной Руси, повсюду зажигая благодатный огонек духовной жизни и разливая свет проповеди христианского».

По подсчетам некоторых историков, Преподобный Сергий, его ученики и ученики его учеников в XIV веке основали 40 общежительных монастырей, в XV веке – 57, а в XVI веке был открыт 51 монастырь. Всего было основано почти 150 монастырей!

В своей жизни Преподобный Сергий следовал важному христианскому принципу: жить трудами рук своих. В монастыре на Маковце на первых порах была невероятная бедность: службы велись не при свечах, а при лучинах, тексты для служб нередко писались не на пергаменте или бумаге, а на бересте (в то время на Руси бумага только-только появлялась). Известен эпизод Жития, когда три-четыре дня в этой маленькой общине вообще нечего было есть, только у одного из иноков, Даниила, было немного полусгнившего хлеба (в монастыре еще не было принято общежительство). Сергий нанялся тогда к Даниилу в работники – тот хотел поставить сени для своей келии. Для того, чтобы оголодавший человек смог работать, Даниил предложил Сергию плату вперед. Но

Сергий ответил, что «прежде делания мзды он не емлет», то есть сначала – работа и только потом – плата за нее, сформулировав тем самым принцип, важный для всей линии заложенного им монашеского движения.

Все монастыри, которые основывал Преподобный Сергий, его ученики и ученики его учеников, были общежительными. Имущество в них было общим, иноки обязаны были кормиться от трудов рук своих, исполняя различные монастырские послушания. «Никому же бо свое что имети, но все обще уставляше, аще же у кого познаваше что, того во епитемии влагаше», – так установил впоследствии в своем Суздальском Спасском монастыре ученик Сергия Евфимий. Это был важнейший завет и самого Преподобного Сергия.

Энергичное создание десятков общежительных монастырей при митрополите Алексии и Преподобном Сергии укрепляло нравственные начала в народе, укрепляло единство Церкви, и все вместе это работало на укрепление единства Русского государства. Таково одно из важнейших следствий всего огромного монастырского движения.

«Житие Преподобного Сергия»

Жизнеописание Преподобного Сергия в своих главных событиях известно всякому православному русскому человеку. Основным и почти единственным источником этих сведений является обстоятельное агиографическое повествование, написанное учеником святого Сергия, насельником основанного им Троице-Сергиева монастыря Епифанием Премудрым. По словам самого автора «Жития Преподобного Сергия», впервые он приступил к его составлению «по лете убо единем или по двою по преставлении старцеве». Но это были лишь предварительные записи о подвигах и поучениях святого, которые делались, что называется, для себя самого, а не для

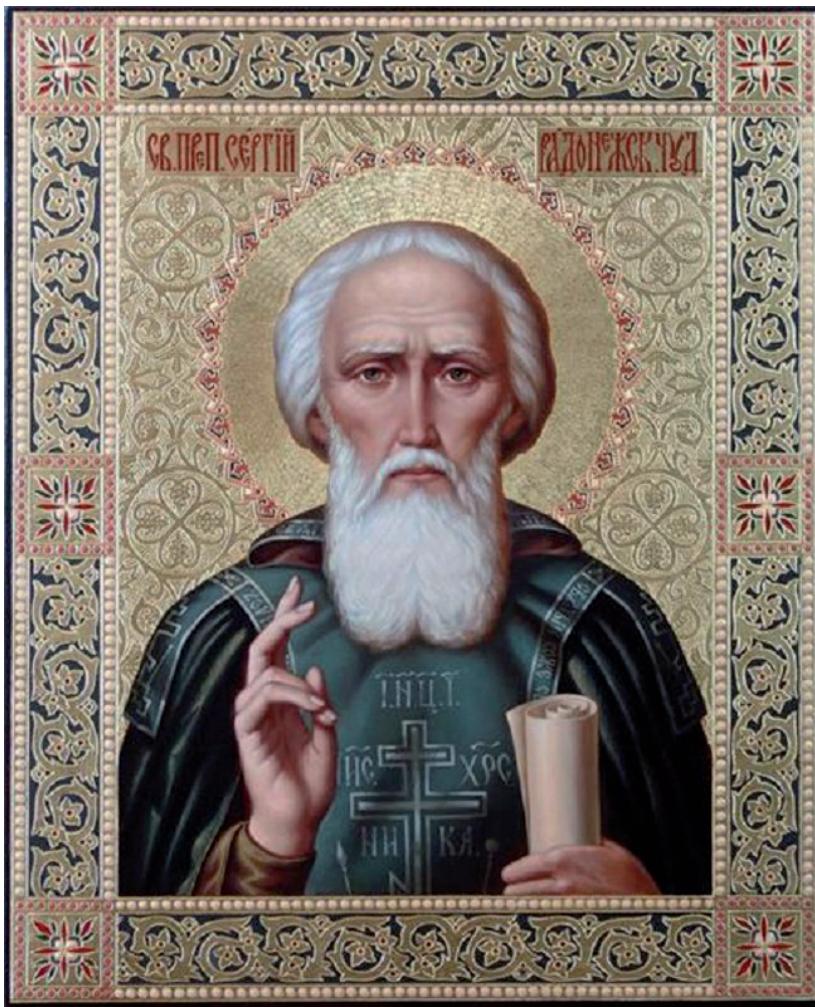
обнародования: «По себе пишу, а запаса ради и памяти ради и пользы ради».

В течение двадцати лет Епифаний вносил такие записи в «свитки, в них же беху написаны некыя главизны еже о житии старцеве памяти ради». И лишь на закате своей жизни, убедившись, что никто другой не взял на себя труд составления жизнеописания великого старца, агиограф приступил к созданию подробного жития, опираясь при этом как на собственные ранее сделанные записи, так и на воспоминания о Преподобном престарелых монастырских насельников—«древних старцев».

Как пишет Епифаний в предисловии своего сочинения, к написанию «Жития» он приступил через 26 лет после представления святого — «отнеле же преставися 26 лет преиде». Если исходить из общепризнанной даты кончины Преподобного Сергия — 1392 год от Рождества Христова — «Житие» начато было около 1418 года и, очевидно, вскоре же завершено.

Примерно через два десятилетия после обретения мощей Преподобного Сергия «Житие Преподобного Сергия» было восполнено знаменитым агиографом Пахомием Логофетом, афонским монахом сербского происхождения, который прибыл на Русь около 1440 года и вступил в число братии Троицкого монастыря. Пахомий добавил рассказы о чудесах, свершившихся после обретения мощей святого.

В 2010 году издательством Троице-Сергиевой Лавры совместно с Российской Государственной Библиотекой было осуществлено факсимильное издание Лицевого жития святого Сергия. Это великолепное издание рукописи 1592 года, включающее 652 красочные миниатюры, создано «для прославления памяти основателя обители — Преподобного Игумена Земли Русской».

Заключение

Историк Василий Осипович Ключевский писал: «Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на временно покинутую им прямую историческую дорогу». Преподобный Сергий Радонежский своими молитвами и подвигами помог угнетенному русскому народу обрести духовную силу и государственную независимость.

«При имени Преподобного Сергия, – писал В.О. Ключевский, – народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило – самые драгоценные вклады Преподобного Сергия; не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятями деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество...

Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры Преподобного Сергия затворятся и лампады погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его».

Вдохновляющим призывом к созидательной деятельности остается завет Преподобного Сергия Радонежского: «Внем-

лите себе, братие, всех молю, прежде имейте страх Божий и чистоту душевную и телесную, и любовь нелицемерную; к сим же страннолюбие, и смирение, и пост, и молитву. Пища и питие в меру; чести и славы не любите, бойтесь и поминайте час смертный и Второе Пришествие... Вас же поручаю Все-могущему Богу и Его Пречистой Матери: да будут Они вам прибежищем против сетей и нападений врагов».

Тропарь, глас 4-й

Иже добродетелей подвижник,/яко истинный воин Христа Бога,/ на страсти вельми подвизался еси в жизни временнеи,/ в пениях, бдениях же и пощениих образ быв твоим учеником,/ темже и вселился в тя Пресвятый Дух,/ Егоже действием светло украшен еси;/ но, яко имея дерзновение ко Святым Троице,/ поминай стадо, еже собрал еси, мудре,/ и не забуди, якоже обещался еси,/ посещая чад твоих,// Серргие, Преподобие отче наш.

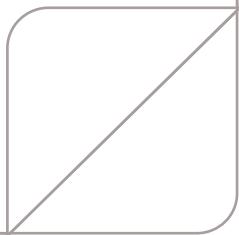
Кондак, глас 8-й

Христовою любовию уязвився, Преподобие,/ и Тому невоз-
вратным желанием последовав,/ всякое наслаждение плотское
возненавидел еси/ и, яко солнце, Отечеству твоему возсиял
еси;/ тем и Христос даром чудес обогати тя./ Поминай нас,
чтущих пресветлую память твою, да зовем ти:// радуйся,
Серргие богомудре.

Величание

Ублажаем тя,/ Преподобие отче наш Серргие,/ и чтим святую
память твою,/ наставниче монахов// и собеседниче ангелов.

Хроника
Пушкинского
общества

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Первого марта 2014 года ушёл из жизни человек, хороший, надёжный, талантливый. Имя его – Владимир Евдасин. Из 75

лет (не дожил 26 дней до юбилея) 20 лет занимался литературным творчеством. Жизнь его многообразна: до призыва в армию работал на авиазаводе им. Чкалова, служил на субмаринах Тихоокеанского флота, окончил

институт кооперативной торговли и 25 лет успешно работал в системе потребкооперации. В 55 лет, выйдя на пенсию по инвалидности, занялся литературным творчеством: 10 лет отдано Новосибирскому региональному Пушкинскому обществу. Из многочисленных этюдов, напечатанных на страницах «Пушкинского альманаха», появилась в 2012 году очень интересная, познавательная и умная книга «То-то был поэт». Финал жизни Владимира Евдасина – мудрость. Не страхом перед вечной разлукой, а заботой о родных, близких, любимых им людях, полны слова его эпитафии «Мир праху моему»:

*Так уж в моей жизни приключилось,
Что не все исполнились мечты,
Со здоровьем дружбы не случилось,
Увязал в болоте суеты...*

*Нет, признаться, не был я несчастен,
Не терял надежды и в пути
Над судьбой своей всегда был властен.
Так что, вспоминая, не грусти.*

*Не грусти, не истекай слезою,
А незлобным словом помяни:
Не героем я бывал порою,
Но и не позором для родни.*

Правление Новосибирского
регионального Пушкинского общества.

Перечень иллюстраций на обложке
и вклейках

1-я стр. обложки: Бюст А.С. Пушкина в Колывани.

4-я стр. обложки: г. Новосибирска. Храм Александра Невского.

Авантитул и стр. 60, 76: Пушкин А.С. Худ. Елена Шипицова.

Содержание

ПУШКИН И МЫ

<i>Александр Пушкин. Странник</i>	4
<i>Клавдия Вихтева. «Я в гости к Пушкину спешу...»</i>	7
<i>Пушкин прописался в Колывани</i>	9
<i>Даниил Гранин. Завещание Пушкина</i>	11
<i>Владимир Ястrebов</i>	
<i>А.С. Пушкин и его издатели</i>	20
Быть может, в лете не потонет строка, слагаемая мной	33
<i>Виктор Тен. Сказание о спасении усадьбы Полотняный Завод в 1994 году</i>	46
<i>Феликс Кичатов. Каролина Собаньская</i>	52

СИБИРСКИЙ ПАРНАС

<i>Анатолий Чернышев. Юрий Гордиенко</i>	62
<i>Юрий Гордиенко</i>	
Зимняя сказка	63
«Мы шли под пули, в стужу дрогли...»	64
«Я ночью выхожу из блиндажа...»	65
Зима в Сеуле	66
В ювелирном магазине	70
Над раскопками Ниссы.....	71
Век девятнадцатый.....	73
«Голоса с того света...»	74

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

<i>Анатолий Чернышёв. Столетие в разрезе вечности</i>	78
---	----

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Анатолий Чернышёв. Живая плоть истории</i>	86
<i>Нэля Трухина. Начало года культуры в салоне «Под сенью Пушкина»</i>	92
<i>Лидия Зеленская. Страж памяти</i>	97

Пушкинский альманах. Выпуск 16-17

ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

Александр Городницкий «В прошлое заглядывая хмуро...»	106
Юрий Карасёв. Молитва.....	108
Владимир Евдасин	
В потолок палаты глядя	
Веду бредовый диалог	110
К вам обращаю завет мой и тревоги.....	111
Автоэпитафия	114

ГОСТИ ПУШКИНСКОГО АЛЬМАНАХА

Людмила Одиянкова. Один день в кино	116
Дмитрий Назаров	

Антитеррор	126
В. М. Зельдину – 90!	127
Плотникову Б.Г. 50	129

Ирина Никифорова. Уроки добра или «Тема с вариациями» .	131
---	-----

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ПУШКИНА

Татьяна Краснобородько. История одной мистификации	148
--	-----

ПОИСК. НАХОДКИ. ГИПОТЕЗЫ

Александр Зинухов. Где похоронен Александр Пушкин?	166
--	-----

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПУШКИНА

Александр Гдалин Маргарита Иванова. Пушкин в блокадном Ленинграде	188
--	-----

СТРАНИЦЫ ЛИЦЕЯ им. А.С. ПУШКИНА

Инесса Батраева. Языковые формы выражения зависти и ревности в трагедии «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина.....	198
---	-----

Артем Сергеев. Осень	204
----------------------------	-----

Виктория Цой. Осень	205
---------------------------	-----

Софья Пономаренко. Осенняя пора	206
---------------------------------------	-----

Анастасия Глазунова. Осень	206
----------------------------------	-----

Алена Бан. Листок.....	207
------------------------	-----

<i>Марина Подкутина.</i> Осень	207
<i>Сергей Андронов.</i> Просто осень	208
<i>Семен Марков.</i> Война Тепла и Холода	209
<i>Антон Воронович.</i> Электронный друг	210
200-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА	
Слово о М.Ю. Лермонтове	214
<i>Эрик Найдич.</i> Лермонтов и Пушкин	222
<i>Анатолий Чернышёв.</i> Пророки и провидцы	232
<i>Яков Рабинер.</i> Встречались ли Пушкин и Лермонтов?	240
700-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО	
Преподобный Сергий Радонежский	246
<i>ХРОНИКА ПУШКИНСКОГО ОБЩЕСТВА</i>	
Памяти товарища	272
Перечень иллюстраций на обложке и вклейках	274

Литературно-художественное издание

Пушкинский альманах, выпуск 16-17

Редактор – Крыжановский В.Е., email: vek-nsk@mail.ru
Компьютерная верстка – Логуновой Н.Н.

Подписано в печать 03.04.2014 с оригинал-макета
Бумага офсетная № 1, формат 60 × 84 1/16, печать
Усл. печ. л. 16,2, тираж 300 экз., заказ №